

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

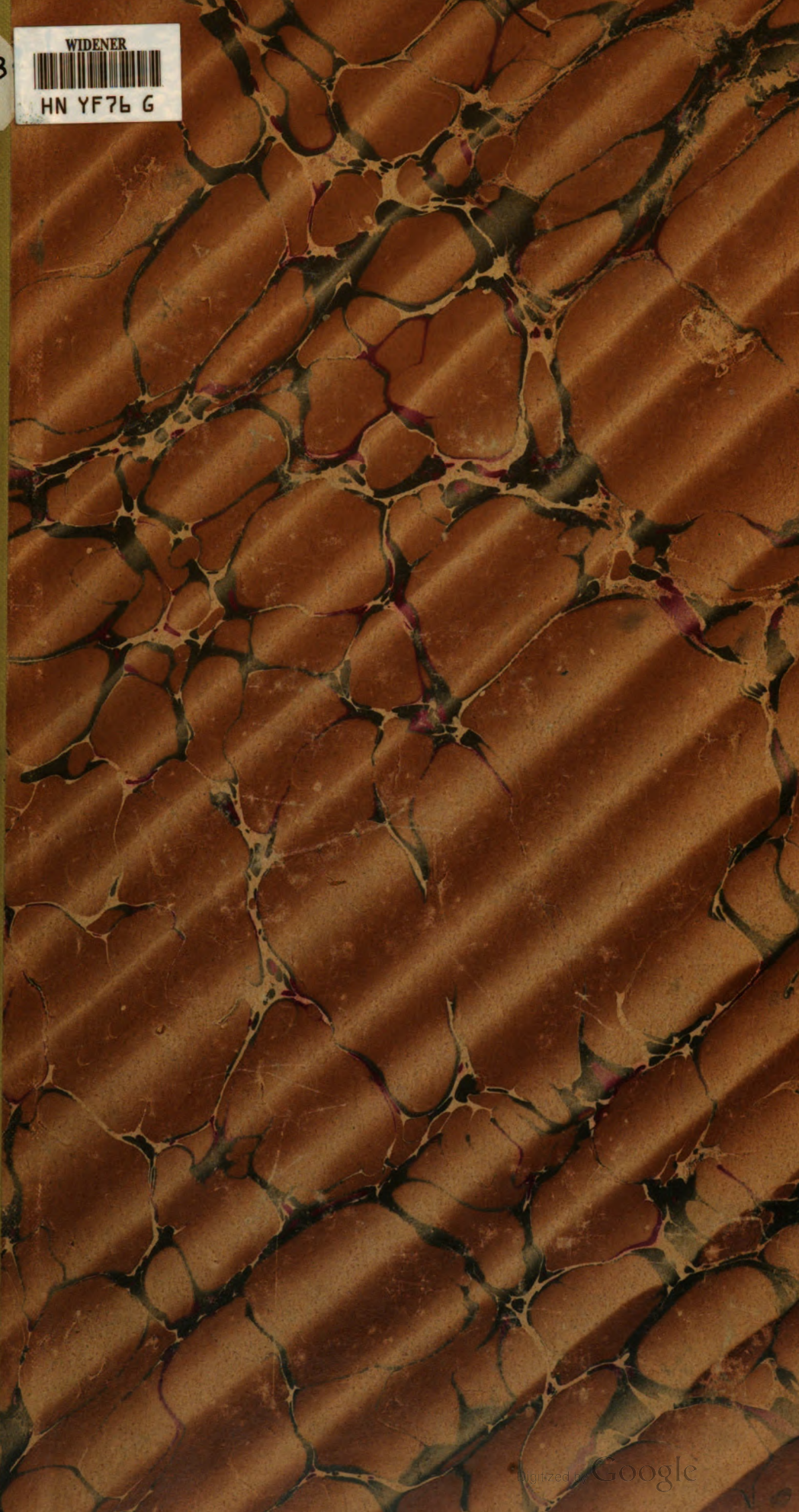
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

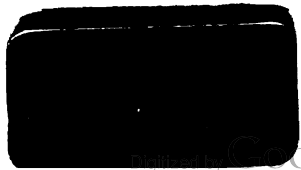
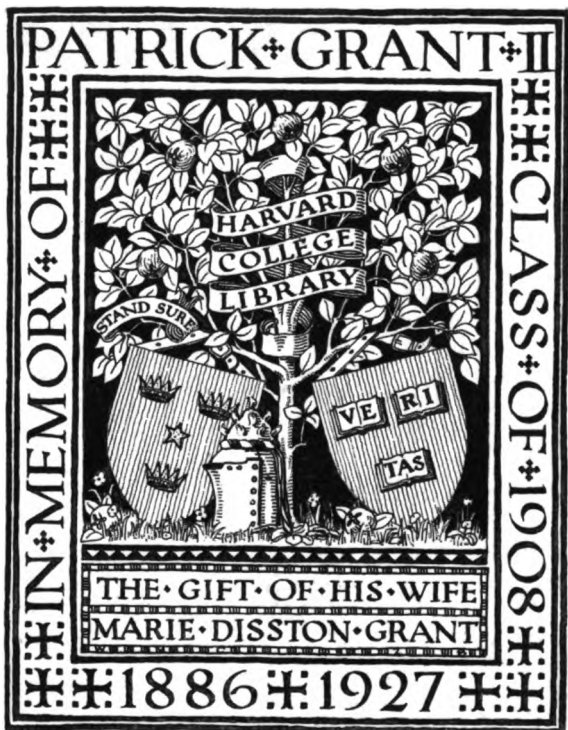
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27233
G1.5

WIDENER

HN YF76 G

27233.61.5

over
9 in 1

1

40¢

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ
ВЪ УКРАИНСКОЙ
НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Р. Сумцова.

Издание редакціи „Кіевской Старины“.

КІЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

1886.

Printed in Russia.

Over
9 in 1

1

404

0

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ

ВЪ УКРАИНСКОЙ

НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Р. Румцова.

Издание редакціи „Кіевской Старины“.

КИЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамозъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

1886.

Printed in Russia.

27233.61.E

Grant Fund

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ статьѣ о малорусской географической номенклатурѣ (Кіевск. Стар. 1886 г., т. VII и отд. оттиски) я сдѣлалъ общій обзоръ мѣстныхъ собственныхъ именъ въ этнографическихъ предѣлахъ малорусскаго народа, причемъ на ряду съ мѣстными названіями, которыя даны крестьянами, шли мѣстныя же названія, возникшія по произволу землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и на ряду съ собственно малорусскими мѣстными названіями шли возникшія на южнорусской почвѣ названія татарскія, румынскія, нѣмецкія ¹⁾). Въ итогѣ получилась довольно пестрая смѣсь собственныхъ именъ разнообразнаго происхожденія, указывающая на весьма разнообразное движеніе южнорусской жизни въ древнее время.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ я ограничиваюсь одной стороною предмета, не затронутой мною въ статьѣ о географической номенклатурѣ, именно географическими свѣдѣніями южнорусскаго народа, на сколько они выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. Не задаваясь широкими цѣлями, я оставляю въ сторонѣ много интересныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ предметомъ, подлежащимъ изслѣдованію, напримѣръ, вопросы о томъ, какими путями южнорусскій народъ пріобрѣталъ географическія свѣдѣнія въ старинное время, что взято изъ школы и письменности, что взято изъ устныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, ко-

---

¹⁾ Кстати, здѣсь укажемъ на одну случайную перестановку словъ въ статьѣ о географич. номенклатурѣ; на стр. 459 сказано: (Покутѣе) „между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ“. *Нужно:* между Днѣстромъ на востокѣ и Карпатами на западѣ.—Н. С.

заковъ и странниковъ-богомольцевъ, какъ вообще великъ былъ запасъ географическихъ свѣдѣній южнорусскаго народа, судя по даннымъ матеріаламъ, письменнымъ и устнымъ. Желательно опредѣлить ту часть географическихъ свѣдѣній, которая составляла нѣкогда достояніе всего народа, безъ различія сословій, и была закрѣплена въ думахъ и пѣсняхъ; при этомъ желательно установить связь основныхъ географическихъ свѣдѣній народа со всѣмъ складомъ его исторіи и быта.

Значительнымъ различіемъ великорусскихъ былинъ и малорусскихъ историческихъ пѣсенъ по времени ихъ возникновенія обусловливается ихъ крупное различіе относительно географической терминологіи. Великорусская былина превосходитъ малорусскія думы по древности. Какъ извѣстно, въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, впервые высказанное въ 1863 г. Л. Н. Мидайловымъ, что содержаніе былинъ Владимірова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV¹⁾. Недавно вышедшее, интересное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе М. Е. Халанскаго «Великорусскія быliny кіевскаго цикла» указываетъ на необходимость нѣсколько ограничить это мнѣніе, расширивъ значеніе московскаго періода русской исторіи въ созданіи и развитіи былевой поэзіи. При всемъ томъ, на основаніи представленныхъ М. Е. Халанскимъ фактовъ и соображеній, нельзя еще согласиться съ авторомъ, что «Москва, собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса, и московскимъ пѣтарямъ принадлежитъ уже какъ дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, такъ и централизація его въ кіевскій кругъ»²⁾. Уже изъ одного того обстоятельства, что центральная, вполнѣ московская Россія почти совсѣмъ не сохранила былинъ, въ то время, какъ остатки былевой поэзіи сохранились въ Руси нов-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ влад. цикла, стр. 24—27.

²⁾ М. Халанскій, Великор. быliny кіевск. цикла, стр. 213.

городской и въ Руси суздальской, говорить не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомалецъ. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былинну и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творествѣ. за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Цареградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполне фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія,—Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ. очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и расшитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Алыберское¹⁾. Ня ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафатъ, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скать гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполне или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣн-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ, стр. 43—14.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южно-русскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М. Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически примкнулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени восстанавливается путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ. Наиболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической проверкѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впоследствии вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благовослава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Паліѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидное въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ наиболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной¹⁾. Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсень войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлѣ пѣсень женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсень, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломыекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно разсматриваемая къ отношенію къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, здѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи козака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

---

¹⁾ Miklosich, Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣчается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соотвѣтствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсенъ. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербижа, або до Мышина ¹⁾.
 По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки ²⁾.
 Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле ³⁾

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долині,
 А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калині ⁴⁾.
 На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубе ⁵⁾.

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаются въ искусственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсенъ находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искусственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патріотизма; напримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
 Пышни, якъ калина;
 Але надъ всѣхъ наичуднѣйше
 Робить Буковина.....
 Пріятеля знайдешъ всюды;
 Серце не загине;
 Але пріязнѣйши люде,
 Люде въ Буковинѣ ⁶⁾.

Если интеллигентный человѣкъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

¹⁾ Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. ²⁾ Тамъ же, стр. 259. ³⁾ Тамъ же, стр. 265. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 266. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 334. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 371.

маньяны мѣстныхъ названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или рифмы;— такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, внѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришь; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скільки я на тоби гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна ричка—Копирочка въ Днипроупала» (Чубин., V. 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой приѣмъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ наиболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

- 1) Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ.
- 2) Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ.
- 3) Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню.
- 4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тмутороканѣ; тоже звонъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
- 5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, восплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи.
- 6) А вѣстона бо, братіе, Киевъ туюю, а Черниговъ напастыми, тоска разліяся по Руской земли.
- 7) Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.
- 8) Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плѣчи, затворивъ Дунаю ворота.... суды ряда до Дуная,... отворяеша Киеву врата.....
- 9) Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Перяяславию, Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ....
- 10) Всеславъ.... скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ

- 11) Всеславъ..... изъ Кіева дорискаше до куръ Тмутороканя...
 12) Тому въ Пологъскѣ позвониша заутренюю рано у святыхъ Софѣи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша.
 13) Игорь мыслию поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго Донца.
 14) Донецъ рече: княже Игорю, не мало ты величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ....
 15) Дѣвици поють на Дунай, вьются голоси чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; на примѣръ, въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами:

Слышенъ теперъ у насъ гетьманъ Хмельницькій
 Якъ одъ Билой Церкви та до славного Запорожа ¹⁾.

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканьѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,
 Въ Перемышли малѣвали ²⁾.

Въ галицкой веснянкѣ, или гаивкѣ чоботы кіевской работы, кулены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ ³⁾. Въ коломыйкѣ:

Въ Старогвоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,
 Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лыхо ⁴⁾.

Въ галицко-русской рекрутской пѣснѣ:

Ой неволя, мати. неволя, неволя,
 Въ Коломыи стрижуть, до Черновець гонять ⁵⁾.

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;
 Туда моя поехала любая розмова ⁶⁾.

¹⁾ Ант. и Драг., г. II, стр. 22. ²⁾ Гол., т. II, стр. 127. ³⁾ Тамъ-же, стр. 191.
⁴⁾ Тамъ-же, стр. 374. ⁵⁾ Гол., т. I, стр. 137. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мистомъ Станиславомъ хмари се зибрали; надъ мистомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дожчикъ упавъ,—молодонькій зажурился» и пр. ¹⁾.

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлеву ²⁾; въ Плачѣ козловская пристань ³⁾; вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынъ-дерево; Мариуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной повѣи. Въ великорусской повѣи выступаетъ смутный призракъ окіана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за мезой матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря окіанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близъ древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно, въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой негнѣбныя мощи святителя предста-

¹⁾ Ловачевск., стр. 203. ²⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 241. ³⁾ Тамъ-же, стр. 94.

вляясь благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кирилль, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесѣ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ¹⁾. Такимъ образомъ, за окіанъ-моремъ великорусскихъ пѣсень скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ наиболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго черныи.

- 1) Черныя тучи съ моря идутъ.
- 2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.
- 3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.
- 4) Въ морѣ погрузиста.
- 5) Присну море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоса чресъ море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ *море* составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синий* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи: «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

¹⁾ Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Смѣсь, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти башеть горѣ подь облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣеть въ малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣнно оно обозначаетъ Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
 Ой, пане, пане, погадай собѣ,
 Коль я тя вынесъ зъ туркивъ, татаривъ...
 Коль насъ нагнали зъ крута берега,
 Зъ крута берега на тихій Дунай,
 На тихій Дунай, на Сине море...¹⁾

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ. Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ жидовъ²⁾; въ свадебной пѣснѣ невеста тонетъ въ синемъ морѣ; отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый³⁾. Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ. Ковакъ ищетъ доли за синимъ моремъ⁴⁾; и этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной пѣснѣ о разрушеніи бурей турецкаго корабля «дошикъъ накрапае, та синего моря доповняе»⁵⁾.

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника Otavio Sarpientia отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время набиралось до 30—40,000 человекъ, выставляли 200—300 чаекъ и смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г. они нападали съ уснѣхомъ на Синопъ, Кафу и Требизондъ. Въ 1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много козаковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ⁶⁾. Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено живописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Чорному морю быстрая хвиля встала⁷⁾, заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло», вертитъ ихъ на «лихій хуртовни»⁸⁾. Потери на Черномъ морѣ

1) Голов., т. IV, стр. 44. 2) Тамъ-же, стр. 113. Тамъ-же, стр. 229. 3) Чуб., т. V, стр. 936. 4) Ант. и Драг., т. I, стр. 99. 5) Ант. и Драг., Историч. пѣсни малор. нар., т. I, стр. 203. 6) Тамъ-же, стр. 89. 7) Тамъ-же, стр. 176.

вызывали отрицательное къ нему отношеніе народной мысли, что выразилось въ началѣ думы о взятіи козаками Варны:

Кляла царица, вельможна пани,
 Черное море проклинала:
 «Бодай же, море, не процвѣтало,
 Вичными часы высыхало,
 Та що мого сына одиначка,
 Единачка у себе взяло»¹⁾.

Вообще Черное море не занимаетъ въ малорусской народной поэзіи выдающагося мѣста. За исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, оно встрѣчается рѣдко, упоминается мимоходомъ, безъ фактической характеристики и безъ поэтической обрисовки. Торговцы ничего не могли сообщить о Черномъ морѣ, потому что черноморская торговля находилась въ рукахъ грековъ и малороссіане только по доставкѣ пшеницы въ Хаджи-Бей и въ Бѣлгородъ, гдѣ ее забирали греки¹⁾, могли знакомиться съ черноморскимъ берегомъ. Странники-богомольцы, посѣщавшіе Аѳонъ и Палестину, также не могли внести въ народъ достаточныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, потому что предпринимали путешествія большею частью сухимъ путемъ, черезъ Румынію и Болгарію²⁾. Остаются одни козаки. Разказы козаковъ о морскихъ нападеніяхъ на турецкія области, о сопряженныхъ съ такими нападеніями опасностяхъ, о черноморскихъ буряхъ, о богатой добычѣ, выпадавшей на долю козаковъ послѣ благополучнаго набѣга,—все это плѣняло народное воображеніе и въ частности знакомило народныя массы съ Чернымъ моремъ, причѣмъ знакомство это очевидно было поверхностное и одностороннее.

Дунай.

Съ легкой руки Ѳ. И. Буслаева, сдѣлавшаго небольшую замѣтку о народно-поэтическомъ значеніи Дуная въ южнорусской народной поэзіи³⁾, историко-поэтическое значеніе этой великой славянской рѣчки нѣсколько разъ подвергалось научному изслѣдованію. Н. И. Костомаровъ посвятилъ Дунаю нѣсколько страницъ въ статьѣ

¹⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 246; Голов., т. I, стр. 3. ²⁾ *Jarozewicz*, *Obraz Litwy*, т. II, стр. 93—94. ³⁾ *Елисей*, Съ русскими паломниками, стр. 13, 16.
⁴⁾ *Буслаевъ*, *Историч. очерки рус. нар. слов.*, т. I, стр. 215.

о народныхъ преданіяхъ древней лѣтописи¹⁾. И. В. Ягичъ въ I т. «Archiv fur Slav. Philol.» 1876 г. помѣстилъ обширное изслѣдованіе: «Дунавъ—Дунай въ славянской народной поэзіи», причемъ главное мѣсто въ статьѣ отведено малорусской народной поэзіи, заключающей въ себѣ особенно много поэтическихъ обрисовокъ Дуная. Отсылая читателя къ изслѣдованію г. Ягича²⁾, я укажу лишь въ общихъ чертахъ содержаніе цѣлаго и затѣмъ остановлюсь на замѣчаніяхъ г. Ягича о малорусскомъ Дунаѣ, причемъ присоединю кое-гдѣ и новыя фактическія указанія:

«Уже давно, какъ замѣчательное явленіе, выдается то обстоятельство, говоритъ И. В. Ягичъ въ началѣ статьи, что въ славянской народной поэзіи р. Дунай пользуется такими преимуществами передъ другими рѣками, что нерѣдко является нарицательнымъ названіемъ рѣки вообще,... причемъ трудно разграничить примѣры, гдѣ Дунай упоминается въ специально-географическомъ смыслѣ, отъ тѣхъ, гдѣ онъ въ широкомъ обобщеніи выступаетъ въ значеніи рѣки вообще». Въ особенности часто Дунай упоминается въ народной поэзіи южно-славянской, панноно-славянской и малорусской. Чѣмъ далѣе удаляемся мы въ славянскомъ мірѣ въ периферіи отъ дѣйствительнаго Дуная, тѣмъ рѣже встрѣчается упоминаніе объ немъ. Такъ, въ чешскихъ пѣсняхъ онъ рѣже упоминается, чѣмъ въ моравскихъ и словацкихъ, а въ польскихъ еще рѣже, чѣмъ въ чешскихъ. Въ нынѣшней великорусской поэзіи, за исключеніемъ эпоса, Дунай встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ въ бѣлорусской довольно часто. Въ великорусскомъ эпосѣ древнее воспоминаніе о тихомъ Дунаѣ удержалось. Особенно замѣчательно олицетвореніе Дуная въ образѣ героя того же имени; «я могу съ полнымъ правомъ утверждать, замѣчаетъ г. Ягичъ въ концѣ статьи, что Дунай приобрѣлъ великое значеніе для славянъ до времени ихъ движенія на югъ и юго-западъ Европы, какъ та граница, которая долго удерживала ихъ отъ вторженія въ обѣтованную страну всѣхъ варварскихъ народовъ среднихъ вѣковъ, именно въ Римскую имперію. Съ эгого ли ранняго времени Дунай занимаетъ господствующее мѣсто въ славянской народной поэзіи, трудно сказать съ полною увѣренностію... Если и на дальнемъ сѣверѣ у Онежскаго

¹⁾ Костомаровъ, Историч. Монографіи, т. XIII, стр. 20. ²⁾ Archiv fur slavische Philologie, 1876 г. т. I.

озера поютъ про тихій Дрнай, и на югѣ у Охридскаго озера слышно это имя, то такое замѣчательное совпаденіе предполагаетъ очень древнія времена».

Подобнаго рода мнѣніе о времени проникновенія въ славянскую народную поэзію рѣки Дуная высказывали и другіе изслѣдователи русской старины, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ. Въ отношеніи къ южно-русскому народу мнѣніе это нуждается въ значительномъ расширеніи. Выдающееся значеніе Дуная въ южно-русской народной поэзіи не можетъ быть объяснено исключительно или даже преимущественно древнѣйшимъ знакомствомъ славянъ съ этой великой рѣкой. Нужны были, въ добавокъ къ этому древнему знакомству, новыя, часто повторявшіяся связи съ Дунаемъ и придунайскими странами; такія связи были притомъ связи разнообразнаго свойства, болѣе всего военныя, затѣмъ мирныя, политическія, торговыя и промышленныя. Обстоятельное изложеніе историческихъ данныхъ о связяхъ Украины съ придунайскими странами вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, и такое изложеніе въ настоящее время представляется излишнимъ, по обилію и общеизвѣстности имѣющихся въ наукѣ по этой части данныхъ. Древнія лѣтописи, греческіе историки, козацкія лѣтописи и думы заключаютъ въ себѣ много указаній на оживленныя политическія и торговыя сношенія Руси-Украины съ Придунайскими странами въ домонгольское и послѣ монгольское время русской исторіи, сношенія, доходившія до того, что въ X вѣкѣ великій князь кievскій Святославъ хотѣлъ совсѣмъ поселиться на Дунаѣ, а въ XVIII ст. часть малорусскихъ козаковъ дѣйствительно выселилась на Дунай и основала здѣсь извѣстную Задунайскую Сѣчь. Насколько сильно внѣдрился Дунай въ малорусскую жизнь, видно изъ того, что онъ вошелъ въ пѣсни, въ поговорки, даже въ личныя и фамильныя прозванія и черезъ нихъ проникъ въ мѣстныя названія. Въ одномъ запорожскомъ документѣ половины прошлаго столѣтія упоминается Дунаевскій байракъ, въ которомъ давними временами сидѣлъ зимовникомъ козакъ Сидоръ Дунай¹⁾. По всей вѣроятности, это личное прозваніе возникло по причинѣ пребыванія козака Сидора, его отца или дѣда на Дунаѣ. Въ настоящее время въ купянскомъ уѣздѣ харьков. губ. проживаетъ одинъ крестьянинъ съ уличнымъ прозви-

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

щемъ Дунай, даннымъ ему на томъ основаніи, что онъ ходилъ къ Дунаю на заработки. Можно думать, что малорусскій, точнѣе, общеславянскій Дунай въ значеніи большой рѣки вообще коренится въ до-исторической древности, а Дунай въ значеніи опредѣленной рѣки вошелъ и окрѣпъ въ малорусской поэзіи въ историческое, отмѣченное лѣтописями время, болѣе всего въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, во время частыхъ вторженій болѣе или менѣе многочисленныхъ козацкихъ отрядовъ въ Молдавію.

Г. Ягичъ указываетъ на слѣдующіе пѣсенные мотивы съ р. Дунаемъ:

Козакъ «на тихому Дунаю своего коня напуває». Конь не пьетъ воды, предзнаменуя такимъ образомъ козаку несчастье, или потому не пьетъ, что съ козакомъ случилось несчастье.

За Дунаемъ живетъ козакъ, косить здѣсь сѣно, привозить сюда свою милую. На Дунаѣ козака настигаетъ смерть.

На Дунаѣ дѣвушка имѣетъ свидѣніе съ своимъ возлюбленнымъ. Вообще «судьба малорусской дѣвушки связана съ Дунаемъ, начиная съ момента первой встрѣчи съ милымъ, до той минуты, когда она, испытавъ много горя, рѣшается броситься въ рѣку». Дѣвушка жалуется Дунаю на свою долю и ищетъ на берегахъ Дуная доли. Она пускаетъ на Дунай свои волосы или вѣнокъ изъ руты, посылаетъ къ роднымъ утку вѣстницей. Наконецъ, она ищетъ въ волнахъ Дуная успокоенія отъ любовной муки. Малорусской народной словесности свойственно, что несчастье въ любви приводитъ козаковъ (т. е. вообще мужчинъ) къ подобному же шагу и они бросаются въ Дунай.

Мать рѣшается довѣрить своихъ дѣтей Дунаю; мать проситъ рѣку, что-бы она не разбудила своимъ шумомъ дѣтей; и дѣти были воспитаны Дунаемъ.

Народная фантазія пользуется Дунаемъ, какъ арабесками, при возникновеніи и развитіи пѣсни, для придачи пѣснѣ мѣстнаго характера, для сравненія и опредѣленія красоты и смѣха дѣвушки, для метафорическаго выраженія того, что не можетъ случиться или что прошло безвозвратно.

Довольно часто встрѣчается излюбленный Дунай въ свадебныхъ обрядныхъ пѣсняхъ: невеста тонетъ въ Дунаѣ; отецъ, мать,

братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый, или невѣста бросаетъ свои волосы въ Дунай и посылаетъ ихъ къ отцу.

И. В. Ягичъ отзывается съ большими похвалами объ эстетическомъ достоинствѣ малорусской поэзіи вообще, пѣсенъ съ Дунаемъ въ частности. Обращаясь къ разсмотрѣнію малорусскихъ пѣсенныхъ мотивовъ съ р. Дунаемъ, г. Ягичъ говоритъ: «Я перехожу теперь къ самой задушевной и, если принять поэзію за исторію сердца, къ самой прекрасной и богатѣйшей славянской народной поэзіи, къ поэзіи малорусской». Затѣмъ г. Ягичъ указываетъ на то, что малорусская народная поэзія въ особенности богата поэтическими мотивами. Приводя отрывки изъ малорусскихъ пѣсенъ, г. Ягичъ много разъ отмѣчаетъ ихъ художественное достоинство выраженіями: прекрасная пѣсня, прелестная пѣсня¹⁾.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ статьѣ г. Ягича объ отраженіи Дуная въ славянской народной поэзіи пройдено молчаніемъ «Слово о полку Игоревѣ»,—памятникъ въ особенности замѣчательный по тѣсной связи съ позднѣйшей малорусской поэзіей. обстоятельное сравненіе поэтическихъ мотивовъ «Слова о полку Игоревѣ» съ поэтическими мотивами новой малорусской поэзіи можетъ разъяснить степень устойчивости поэтическихъ мотивовъ. Съ такой точки зрѣнія представляются любопытными упоминанія неизвѣстнаго автора «Слова» о Дунаѣ.

Въ «Словѣ» три раза упоминается Дунай и, повидимому, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ рѣки великой, славной и отдаленной.

1) Копіа поють на Дунаи;

2) Ярославинъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ, рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бибранъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ....

3) Солнце свѣтитъ ся на небесѣ: Игорь князь въ роуской земли! Дѣвици поють на Дунаи: вьють ся голоси чрезъ море до Кыева.

Профессоръ О. Огоновскій относитъ фразу «копіа поють на Дунаи» къ предложенію: «но розно ся имъ хоботы пашоуть» и слѣдующую затѣмъ фразу «Ярославинъ гласъ» начинаетъ съ красной строки и относитъ ее въ другую главу²⁾. Мы въ данномъ

¹⁾ У Чубинск., т. V, стр. 214, 411, 282, 556, 889, 921—922. ²⁾ Огоновскій, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 18.

случаѣ придерживаемся общепринятой интерпункціи (у г. г. Тихонравова, Потебни, Малашева) и связываемъ «копіа поють на Дунаи» и «Ярославнинъ гласъ» и пр. «Параллелизмъ между пѣніемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны, пѣсенный, традиціонный» ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ Дунай означаетъ великую и отдаленную рѣку.

Г. Огоновскій выраженіе Слова «дѣвицы поють на Дунаи» объясняетъ такъ: «дивчата співають не тильки въ Къиви, колы Игорь сюда приїхавъ, але и далеко видъ Кіева. Въ писняхъ народнихъ названъ моремъ иногда и Дунай» (125). Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на «Сборникъ Укр. пѣсенъ» Максимовича, стр. 96. Добавимъ, что Дунай называется моремъ преимущественно въ припѣвахъ галицко-рускихъ пѣсенъ:

Плыла дѣвойка доловъ Дунаемъ,
 Дунаю, гей, Дунаю, море, Гануса, зоре! ²⁾.
 Плыла Фемуня краемъ Дунаемъ,
 Дунаю, море, Фемуне, зоре! ³⁾.

По видимому, здѣсь не смѣшивается рѣка и море, а первая гипорбелически характеризуется сравненіемъ съ моремъ. Въ народной поэзіи обычны эпитеты Дуная тихій, широкій и глубокій; эпически широкій Дунай съ теченіемъ времени сдѣлался нарицательнымъ именемъ всякаго многоводія. Мнѣ приходилось слышать въ харьковской губерніи, при переѣздѣ черезъ большую лужу воды, возникшую отъ сильнаго разлива рѣки весной или отъ дождя: «Дунай стоитъ». Въ малорусской пѣснѣ:

Ой за горами вода дунаями,
 Ой тамъ козаченько коня напуває ⁴⁾.

Конь выпиваетъ воды «пивъ Дунаю» ⁵⁾, даже «два Дуная» ⁶⁾.

Днѣпръ.

Здається кращого немає
 Ничого въ Бога, якъ Дніпро,
 говорить Т. Г. Шевченко ⁷⁾. Красота Днѣпра выражается не въ бере-

¹⁾ Потебня, Слово о полку Игоревѣ, стр. 135. ²⁾ Гол., т. II, стр. 80. ³⁾ Тамъ-же, стр. 161. ⁴⁾ Чуб., т. V, стр. 760. ⁵⁾ Тамъ-же, стр. 959. ⁶⁾ Тамъ-же, стр. 43. ⁷⁾ Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 353.

гахъ, большею частью однообразныхъ, песчаныхъ, а въ общемъ его обликъ, въ ширинѣ и многоводности. Масса воды не помѣщается въ днѣпровскомъ руслѣ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе мелѣющему, и частью уклоняется въ сторону, образуя озера и заливы, мѣстами широко разливаясь по низменнымъ песчанымъ берегамъ. Хорошъ Днѣпръ и въ бурную погоду, когда его каменистые «пороги межъ очередами ревуть и стогнуть», и въ тихую погоду, когда «геть-геть соби роскинеться, сіе та горыть»¹⁾. На берегахъ Днѣпра были разыграны главные акты малорусской исторіи. Въ Черкасахъ и Каневѣ сложилось козачество. На Хортицѣ, Томаковѣ, Микитиномъ Рогѣ и Чертомлыкѣ развилось и окрѣпло запорожское войско. Въ Приднѣпровьѣ южно-русскій народъ пролилъ потоки крови въ борьбѣ съ татарами и поляками за религіозную и національную самобытность. Было много основаній полюбить Днѣпръ и, повидимому, въ старинное время малороссіянинъ, въ особенности запорожець, дорожилъ Днѣпромъ въ высокой степени и, что въ особенности заслуживаетъ вниманія, отлично понималъ стратегическое и торговое значеніе Днѣпра. Говорятъ, запорожцы однажды разсердились на своихъ старшинъ и грозили оставить Сѣчь. Ни силой, ни увѣщаніями нельзя было ихъ остановить. Тогда кошевой Томиленко обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «И вы, паны молодци, оставите Сячь? И вы, братья, покинете Днипръ? А чи-жь есть другій якіи Днипръ? Да вы якъ рыба безъ воды не можете бути безъ Днипра. Де вы найдете нову таку славну рѣку, щобъ вамъ такъ служила, щобъ васъ такъ кохала! Да вы знаете, хлопци, що нашъ старый Днипро прямой шляхъ и въ татарскій Крымъ, и въ Анатолю, и въ Румилію, и на самый Царьгородъ, котрый въ нечестивыхъ рукахъ. Нихто васъ не сміе и не може удержувать, да сами вы удержитесь и схаменитесь, товарищи мои прелюбезныи! Да куда жъ васъ нечистая несеть? Христось зъ вами!»—«Да и правда мы дурни», заговорили запорожцы. Не зминымо Днипрови—батькови». Одинъ голось, желая поддержать въ козакахъ прежнюю готовность оставить Сѣчь, закричалъ, что крымскій ханъ обѣщаетъ дать козакамъ льготы и вольности. «Та цуръ ему, собаки! гаспидъ зъ нимъ!»—былъ

¹⁾ Шевченко, Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 68.

ему отвѣтъ. «А Турокъ даетъ цѣлые мѣшки золота!» добавилъ тотъ же голосъ.—«А стонадцать ему чортивъ зъ тобою, паршивою вивцею!» гаркнуло сто голосовъ,—«остаемся!» и остались ¹⁾).

Народно-поэтическое значеніе Днѣпра далеко не соотвѣтствуетъ его историческому значенію. Въ пѣсняхъ Днѣпръ упоминается рѣдко. Дѣло въ томъ, что въ народной поэзи Днѣпръ подавленъ Дунаемъ, что съ особенной яркостью обнаруживается въ великорусскихъ былинахъ; на примѣръ въ былинѣ про Дуная Ивановича: «отъ Дунаюшки протекла Дунай рѣка ко городу ко Кіеву» ²⁾). Опираясь на эту былевую фразу, профессоръ Огоновскій предполагаетъ, что и въ выраженіи «Дѣвици поють на Дунай: вьють ся голоси через море до Кыева» въ «Словѣ о полку Игоревѣ» подъ названіемъ Дуная скрывается Днѣпръ ³⁾). Впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», Дунай означаетъ идеальную даль. Замѣна Днѣпра Дунаемъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» представляется тѣмъ болѣе сомнительной, что здѣсь Днѣпръ два раза упоминается, при томъ съ присоединеніемъ похвалы и съ поэтической обрисовкой.

1) Ярославна рано плачетъ Поутивлю городу на заборолѣ аркучи: «о Днѣпре Словоутичю! ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю воловецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави посады до плѣкоу Кобыкова. Възлелѣй, господине, мою ладоу ко мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!»).

2) Одному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темни берези.

Названіе Днѣпра Словутою, говоритъ А. А. Потебня, и въ великорусскихъ былинахъ другихъ рѣкъ, на примѣръ, Волги, славными, предполагаетъ, что рѣки славилась, что имъ пѣлась слава («быстрымъ рѣкамъ слава до моря», Кир. II, III, 106). Городамъ кликалась до поздняго времени слава въ окликахъ часовыхъ: «славень городъ N!» ⁴⁾). Можно думать, что въ до-монгольской Руси были особыя пѣсни о Днѣпрѣ. Пѣсни эти могли быть распѣваемы при княжескомъ дворѣ придворными поэтами, причемъ одновременно съ рѣкой Днѣпромъ славилась князья, воевавшіе съ кочевниками на берегахъ Днѣпра. Изъ народныхъ пѣсенъ о Днѣпрѣ въ

¹⁾ *Надгинъ*, Память о Запорожьѣ, въ „Чтен. въ моск. общ. ист. и древ.“. 1886 г., т. II, стр. 125. ²⁾ *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. II, стр. 51. ³⁾ *Огоновскій*, Слово о полку Игор., стр. 125. ⁴⁾ *Потебня*, Слово о полку Игор., стр. 140.

«Слово о полку Игоревѣ» вошло нѣсколько мотивовъ, а именно названія Днѣпра «Славутичемъ» и «господиномъ».

Исходя изъ той мысли, что «народная пѣсня представляетъ богатый запасъ остатковъ вѣковаго эпоса, запасъ смѣшанный и разновременный, въ которомъ явленія древнѣйшія и позднѣйшія соединены вмѣстѣ въ одну пеструю группу»¹⁾, можно сдѣлать попытку отыскать въ новой малорусской поэзіи обломки древнихъ южно-русскихъ пѣсень о Днѣпрѣ.

Названіе Днѣпра Славутой встрѣчается въ думѣ про Самуила Кошку и въ думѣ про смерть Федора Безриднаго. Въ первой думѣ козакъ «къ Днѣпру Славутѣ низенько укланяли»²⁾; во второй думѣ козакъ «идуть Днѣпромъ-Славутою»³⁾.

Названіе Днѣпра «господиномъ» встрѣчается также въ малорусскихъ пѣсняхъ⁴⁾.

Темные берега Днѣпра, скрывшіе трупъ утонувшаго князя Ростислава, можетъ быть, являются въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» продуктомъ исключительно личнаго воспоминанія автора «Слова» объ извѣстныхъ ему лѣсистыхъ побережьяхъ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ отличаются, какъ характеристика Днѣпра, столь же субъективнымъ характеромъ, какъ въ Кобзарѣ Т. Шевченка характеристика Днѣпра «крутоберегимъ» и «дужимъ» (стр. 207 и др.).

Днѣпръ встрѣчается въ думахъ и бытовыхъ пѣсняхъ. Согласно съ исторической и географической точностью народно-поэтическихъ мотивовъ думъ, Днѣпръ въ думахъ имѣетъ строго определенное значеніе. По Днѣпру спускаются козацкія чайки; по берегу Днѣпра двигаются козацкіе отряды; жида раскинули вдоль Днѣпра свои «крамнички», съ такими чертами выступаетъ Днѣпръ въ думахъ про Самойла Кишку, Федора Безроднаго и Богдана Хмельницкаго⁵⁾. Въ бытовыхъ пѣсняхъ Днѣпру дается болѣе широкая обрисовка и болѣе идеальная окраска. Въ превосходной пѣснѣ «Ой зацвила калинонька у темному лузи» дивчина спрашиваетъ уѣзжающаго козака: «ой, коли тебе, серденько, ждати»; козакъ отвѣчаетъ:

¹⁾ *Ждановъ*, Русская поэзія въ до-монг. эпоху, стр. 1. ²⁾ *Антоновичъ и Драгом.*, т. I, стр. 217. ³⁾ Тамъ-же, стр. 251. ⁴⁾ *Огоновск.*, стр. 116. ⁵⁾ *Антонов. и Драгом.*, Истор. пѣс. малор. нар., т. I, стр. 217, 253; т. II, стр. 17.

Тоди мене, моя мила, ждати-пидждати,
Якъ стане по Днипру хмара похожати,
Старый Днипръ дощемъ полоскати ¹⁾.

Въ одной пѣснѣ дѣвушка груститъ по своему милому; она бросаетъ въ Днѣпръ кольцо въ надеждѣ, что днѣпровскія воды отнесутъ кольцо къ ея милому и такимъ образомъ напомнятъ ему объ ней. Мотивъ этотъ встрѣчается также съ Дунаемъ ²⁾.

Въ другой пѣснѣ украинскій парубокъ сѣтуетъ на свою долю, что она блукаетъ гдѣ-то за Днѣпромъ. Этотъ пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ ³⁾ и потому, можно думать, что Днѣпръ сюда попалъ случайно.

Въ «Трудахъ этн. экспед.» (т. V, стр. 1013) находится, между прочимъ, одна довольно любопытная пѣсня съ Днѣпромъ. Пѣсня новѣйшаго происхожденія, неправильнаго размѣра, представляетъ большую путаницу старыхъ и новыхъ пѣсенныхъ мотивовъ:

Було-жь насъ три брата
Охъ! та вси не вкупи:
Одинъ въ Самари атаманомъ;
Другій въ Петербурси есауломъ,
А я, молоденькій, на Вкраини
Наповаю коня изъ быстрого Днипра,
Называю Днипра риднымъ братомъ:
Ой ты, Днипро—брате, скажи мени правду,
Охъ сколько у тебе ричокъ упало?
Ой упало у мене ричокъ сорокъ и чотыри;
Одна ричка—копирочка,
Та и та въ Днипро упала.....

Такъ какъ далѣе въ пѣснѣ говорится:

Называютъ мене бурлакою,
Мого товарица розбишакою,
Свого кониченька пропилякою,

то, можно думать, пѣсня сложена какимъ-нибудь бродяжкой гайдамакомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Число 44—эпическое, встрѣчается въ отрывкѣ думы о разрушеніи бурей турецкаго корабля ⁴⁾.

¹⁾ Чубинск., т. V, стр. 881. ²⁾ Тамъ-же, стр. 140, 1025. ³⁾ Тамъ-же, стр. 214, 234. ⁴⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 99.

Упоминаемый изрѣдка въ думахъ Лиманъ означаетъ днѣпровское гирло, что ясно видно изъ слѣдующаго мѣста думы о Самійлѣ Кишкѣ: козаки «на Лиманъ-рѣку испадали, къ Днипру-Славутѣ низенько укланяли»¹⁾. Запѣвъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ «Ой Лимане, Лимане!», не имѣющей географической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы, можно объяснить такимъ образомъ, что Лиманъ совершенно произвольно вставленъ въ пѣсню, исключительно для рѣзвы съ слѣдующей затѣмъ строкой: «Ты Сирку Романе».

Днѣстръ.

Въ малорусской народной поэзіи Днѣстръ встрѣчается рѣдко, причемъ смѣшивается съ Днѣпромъ. Такъ, одни варианты думы про Федора Безроднаго начинаются со словъ: «Надъ сагою Днипровою», другіе: «Надъ сагою Днистровою»²⁾. Въ думахъ про походъ Хмельницкаго на Молдавію вѣтеръ повѣваетъ то «изъ низу Днѣстра», то «изъ низу Днипра»³⁾. Галицко-русскія пѣсни, почти совсѣмъ не знающія Днѣпра, изрѣдка говорятъ о Днѣстрѣ, напримѣръ, въ пѣсняхъ на Меланку (новый годъ)⁴⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ поэзіи нѣтъ характеристики Днѣстра, и всѣ упоминанія о немъ совершенно безцвѣтны. Народно-пѣсенный Днѣстръ принадлежитъ еще польско-литовскому государству. Въ великорусскихъ былинахъ р. Дунай пошла изъ богатыря Дуная, а р. Настасія изъ его жены Настасіи. «Для меня говоритъ И. В. Ягичъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Настасѣ рѣкѣ скрывается Днѣстръ. Что мужское имя Днѣстръ перемѣнено въ женское, столь-же мало удивительно, какъ и то, что мужское Днѣпръ въ былинахъ обращено въ женское Днѣпра и далѣе Нѣпра»⁵⁾.

За Дунаемъ и отчасти Днѣпромъ и Днѣстромъ другія малорусскія рѣки не нашли мѣста въ народной поэзіи. Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами упоминаются степныя рѣки: «Жида-рандари на славной Украины вси козацьки рики заорандовали:

Перва на Самари,
Друга на Саксагани,

¹⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 21. ²⁾ Тамъ-же, стр. 248. ³⁾ Ант. и Драг., т. II, стр. 100, 103. ⁴⁾ У Голов., т. IV, стр. 146. ⁵⁾ Archiv f. Slav. Philol. 1876 г., т. I, стр. 80.

Трейтя на Гнилій,
 Четверга на Пробойній,
 Пята на ричци Кудесци ¹⁾

Одна ричка—Копрочка,
 Друга ричка—Гнилобережка
 А третя—Самарька ²⁾.

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго упоминается Ташлыкь ³⁾; въ думахъ объ угнетеніи Украины жидами, о корсунской битвѣ и о Перебийносѣ упоминается р. Случь, какъ пограничная, отдѣляющая Украину отъ Польши, согласно съ Зборовскимъ договоромъ ⁴⁾. Есть пѣсня, начинающаяся словами: «Ой тамъ на Роси проявились чауси». Изрѣдка въ бытовыхъ пѣсняхъ упоминается *Донецъ*, по смыслу, какъ замѣна Дуная, въ означеніи идеальной дали ⁵⁾. Подобнаго рода замѣну р. Дуная Дономъ при обозначеніи идеальной дали находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ хороводной изъ ярославской губерніи: «Коло Дону, коло Дону, коло тихаго Дунаю ходитъ молодець гуляеть ⁶⁾», и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ: «Ой по Дону, по Дону, по тихому Дунаю та плавало суденце» ⁷⁾

Какъ извѣстно, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» находится превосходная поэтическая характеристика Донца: «Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявши князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми не вѣтрѣхъ». Можно думать, что авторъ «Слова», характеризуя Донецъ, руководствовался существовавшими въ его время въ народной поэзіи образами и эпитетами. Можетъ быть, передъ его мысленными очами носилась извѣстная пѣсня, прославляющая рѣку Дунай или Днѣпръ, въ родѣ малорусскихъ пѣсень, напечатанныхъ въ V т. «Трудовъ Этн. Ст. Экспед.» на стр. 889, стр. 922, и бѣлорусской, вѣроятно, выродившейся изъ малорусской въ Сборн. бѣлор. пѣс. П. В. Шейна, стр. 258. Въ ряду

¹⁾ Ант. и Драг., т. II, стр. 21. ²⁾ Тамъ-же, стр. 28. ³⁾ Тамъ-же, стр. 126.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 28, 29, 34, 47. ⁵⁾ Чубин., т. V, стр. 87. ⁶⁾ Труды Яросл. Губ. Стат. Комитета, т. I, стр. 50. ⁷⁾ Чубинск., т. V, стр. 952.

пѣсенъ этого мотива лучшей представляется у Чубинскаго (V, 922). Молодая вдова пустила въ тихій Дунай своихъ дѣтей и обратилась къ Дунаю съ просьбой:

Тихій Дунай, не гуди,
 Моихъ дитокъ не збуди,
 А ты, жовтый писочокъ,
 Годуй моихъ диточокъ;
 А ты, быстрая вода,
 Моихъ дитокъ доглядай;
 А ты, густый очереть,
 Вари дитямъ вечерять,
 А вы, луги, не гудить,
 Моихъ дитокъ не збудить.

Русь—Украина.

П. А. Кулишъ высказалъ мнѣніе, что «Русь, Русская земля, русскій народъ первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впоследствии является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Мнѣніе это можетъ быть принято въ приложеніи къ великоруссамъ и малоруссамъ, за исключеніемъ польскаго народа. Ограничиваясь общеизвѣстными фонетическими особенностями языковъ польскаго и русскаго, можно сказать, что уже въ X вѣкѣ между ними было значительное различіе. Русскій и тогда прежде всего значило отличный отъ ляхскаго, чешскаго, болгарскаго ¹⁾. Не касаясь вопроса о томъ, занесено ли названіе Русь съ Балтійскаго побережья, или изстари было туземнымъ, достаточно замѣтить, что уже въ XI столѣтіи названіе это распространилось на Волынь и Галицію, затѣмъ на всю южную Россію и наконецъ на Россію среднюю и сѣверную. Съ теченіемъ времени названіе это вполне укрѣпилось за сѣверо-восточной Русью и было утеряно южной Русью, за исключеніемъ западной ея окраины, Галиціи. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ Русь встрѣчается въ тѣсномъ смыслѣ Галиціи и въ болѣе широкомъ смыслѣ всей Украины. Съ послѣднимъ значеніемъ, по видимому, является Русь въ одной галицкой пѣснѣ:

¹⁾ *Потемля*, Рецензія сборн. пѣс. Головацкаго, стр. 5

Налетѣли бѣли гуси
 Зѣ той далекои Руси ¹⁾).

Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится выраженіе: «ставъ ихъ Господь на Русь вызволяты» ²⁾), причеъ Русью обозначена Украина. Въ думахъ есть намеки, что извѣстное великорусское пѣвенное выраженіе «святая Русь», столь часто встрѣчающееся въ былинахъ, было въ старину свойственно и малорусской исторической поэзіи. Такъ, въ «Плачѣ невольника» поется:

Вызволь, Боже, бидного невольника
 На святоруській берегъ,
 На край веселый, межъ народъ хрещеный ³⁾).

«Въ XVII ст., говоритъ Н. И. Костомаровъ, явились названія: Украина, Малороссія, Гетманщина; названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами; ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы воего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе южноруссовъ остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому что даже по своему сложному виду какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи... Изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобы отличить его отъ великорусскаго, болѣе всего какъ-то привидось названіе «хохла», не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его великоруссы. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища народа за серіозное названіе народа» ⁴⁾).

Обращаясь къ народной поэзіи, мы должны сказать, что украинская народная словесность, именно думы и пѣсни, совершенно не знаетъ южноруссовъ, малоруссовъ и хохловъ. Въ сказкахъ встрѣчается изрѣдка хохоль въ противоположеніи великороссу; но такихъ сказокъ немного и онѣ относятся большею частью къ восточной Малороссіи, гдѣ слово «хохоль» вошло отчасти въ обыденную народную рѣчь. Историко-географическій терминъ Гетман-

¹⁾ Голов., т. I, стр. 313. ²⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 191. ³⁾ Тамъ-же, стр. 95. ⁴⁾ Костомаровъ, Историч. монографіи, т. I, стр. 61—62.

щина въ пѣсняхъ встрѣчается очень рѣдко и безъ фактической или поэтической обрисовки.

Народная поэзія знаетъ только Украину. Это названіе встрѣчается часто, встрѣчается въ историческихъ думяхъ, въ обрядныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ семейно-родственныхъ, иногда съ достаточнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ и въ поэтической обрисовкѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что Украина въ пѣсняхъ имѣетъ двойное значеніе. Въ однихъ случаяхъ подъ этимъ названіемъ разумѣется родной край, близкій и дорогой сердцу народнаго пѣвца, въ другихъ случаяхъ—край далекій, чужбина, вызывающая въ душѣ народнаго поэта чувство грусти. Разберемъ подробнѣе оба значенія названія Украины, согласно съ данными народной словесности.

1) *Украина—родина.*

Тиха вода береженьки зносить—
Молодь козакъ своего пана просить:
Пусти мене звидси до дому на Вкраину,
Пише дивча листы, що мае дитину ¹⁾.

Диточки мои, горе мени зъ вами,
Що не можете заробляти сами!
Ой посажу я дитей у рядову торбину,
Та вынесу дитей на високу могилу,
Пуцу своихъ дитей на всю Украину ²⁾.

Признаніе Украины родиной вызываетъ проявленія любви къ ней и прославленія, наприкладъ:

Ой Україно мила, краю памятливый!
Тамъ я любивъ дивчину, тамъ я бувъ счастливый;
Живъ собі въ мистечку, кругъ своей родины ³⁾.

Ой е въ мене на Вкраини риднесенька мати ⁴⁾.

Добре було нашимъ батькамъ на Вкраини жити,
Доки не знали наши батьки панщины робити ⁵⁾.

¹⁾ Чуб., т. V, стр. 344. ²⁾ Тамъ-же, стр. 860. ³⁾ Тамъ-же, стр. 328. ⁴⁾ Тамъ-же, стр. 454. ⁵⁾ Чуб., т. V, стр. 1064; Голов., т. I, стр. 20.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Украина называется козацкой страной ¹⁾. Она бываетъ несчастна ²⁾ и потому «журится» ³⁾. Неоднократно Украина называется славной ⁴⁾. А. К. Толстой въ превосходномъ стихотвореніи «Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ» представилъ Украину страной богатой. Подобнаго рода обрисовка Украины не чужда народной повѣи. Такъ въ одной галицко-русской пѣснѣ, повидимому, нѣсколько подкрашенной интеллигентнымъ человѣкомъ, находимъ такую характеристику Украины:

На Украинѣ всего много, и паши, и браги,
Лише шо тамъ ляхи стоять, козацкіи враги.
На Украинѣ всего много, меду и горѣлки,
Красны дѣвки, молодыци, а всѣ чернобривки.
На Украинѣ молодыци, то въ червонныхъ ходять,
Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами роблять ⁵⁾.

Доказательствомъ народности основнаго мотива этой пѣсни, прославленія Украины, можетъ служить небольшая старинная пѣсня въ Сборникѣ историч. пѣс. малор. нар. Антоновича и Драгоманова (II, 49): «Та немає лучше, та немає краще, якъ у насъ на України, та немає ляха, немає жида, нема и уніи».

2) *Украина—чужбина*. При опредѣленіи Украины чужбиной было принято во вниманіе этимологическое значеніе слова Украина.

Якъ поиду на Украинну, не скоро буду ⁶⁾.

Самъ пиду у свить на Украинну,
Та не будуть мене люде знати ⁷⁾.

Дѣвчинонько мило, що будешъ робила
Въ Украинѣ далекій ⁸⁾.

Эй погнѣвался, та и погнѣвался
Мой милый на мене,

¹⁾ Антон. и Драг., т. II, стр. 24. ²⁾ Голов., т. I, стр. 15, 16. ³⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 274, 73; т. II, стр. 4. ⁴⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 6, 21. ⁵⁾ Гол., т. I, стр. 103. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 221. ⁷⁾ Тамъ-же, стр. 347. ⁸⁾ Гол., т. I, стр. 126.

Осѣдлалъ коня вороненько,
 Поѣхалъ пречь отъ мене....
 Послала бѣ я до него
 На Украину, на Украину ¹⁾).

Покинь отца, покинь маму и всю родину,
 Ходи зъ нами козаками на Украину ²⁾).

Якъ же ты буде за нелюба давати,
 Дай же ты мени на Вкраину знати....
 А я изберу сто кониченьки Литвы,
 Та и нароблю я твой матинци битвы ³⁾).

Нужно замѣтить, что Литвой въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ называются иногда поѣзжане жениха; они называются также татарами. Какими бы судьбами Литва ни попала въ пѣсню, очевидно, народный поэтъ имѣлъ темное представленіе объ Украинѣ.

Изъ представленія Украины страпою далекой, чужбиной выработалось отрицательное и враждебное къ ней отношеніе народнаго поэта, что обнаруживается, напримѣръ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Не иди, суко, на Вкраину жити,
 На Вкраини усе чужи люде ⁴⁾).

Колибъ я крыла мала,
 Тобъ я тую превражу Вкраину
 Кругомъ облитала,
 Тобъ я своего миленького
 По волахъ признала ⁵⁾).

Послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ числу чумацкихъ, и здѣсь Вкраина обозначаетъ Новороссію.

Въ старинныхъ пѣсняхъ, въ думахъ встѣчаются иногда описательныя выраженія Украины: «города христіанскіе», въ противо-

¹⁾ Голов., т. II, стр. 704. ²⁾ Гол., т. I, стр. 124. ³⁾ Тамъ-же, стр. 110.
⁴⁾ Чуб., т. V, стр. 455. ⁵⁾ Тамъ-же, стр. 1044.

положность земли турецкой, вѣрѣ бусурманской, «міръ крещеный», «міръ царскій», «тихія воды и ясныя зори»¹⁾.

Изъ украинскихъ городовъ въ народныхъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Кіевъ, Львовъ, Коломыя, Каменецъ - Подольскій, Черкасы, Богуславъ, Черниговъ, Немировъ; только объ одной Коломыи въ галицко - русскихъ пѣсняхъ говорится съ нѣкоторыми фактическими подробностями. Въ коломыйкахъ неоднократно прославляется Коломыя, какъ мѣстность красивая, городъ славный, съ красивымъ и довольнымъ населеніемъ; всѣ же остальные города и даже Кіевъ упоминаются въ пѣсняхъ мимоходомъ, безъ поэтической обрисовки.

Пѣсни, преимущественно старинныя, помнятъ еще про «славное Запорожье» и разныя запорожскія мѣстности, про Муравскій шляхъ и Савуръ могилу, про Базавлукъ, Самарскія поля и Чорный лѣсъ, про «Сичову Покровъ» (церковь), Межигорскаго Спаса и Терехтемировскій монастырь. Фактическая и поэтическая характеристика запорожскихъ урочищъ незначительна и безцвѣтна.

Польша.

Въ старинныхъ пѣсняхъ упоминается «земля польска», Польша, земля королевская, ляцкій край. Относясь враждебно къ полякамъ, какъ этнографической и политической единицѣ, малорусская пѣсня къ Польшѣ относится довольно индеферентно. Последнее обстоятельство объясняется существованіемъ въ народной поэзіи архаической точки зрѣнія на территориальную Польшу, какъ на государство, заключающее въ себѣ Украину, напримѣръ, въ пѣснѣ о тещѣ въ плѣну²⁾. Впрочемъ, чаще встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ полное отдѣленіе Украины отъ Польши, напримѣръ: «не попустимо ляхви изъ Польщи»³⁾, или:

Ой не чорна хмара надъ Польщею стала,
То жъ то не одна ляшка удовою стала⁴⁾.

Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами говорится, что «въ земли королевскій добра не було»⁵⁾.

¹⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 90, 91. ²⁾ Тамъ-же, стр. 290. ³⁾ Антонов. и Драг., т. II, стр. 41. ⁴⁾ Тамъ-же, стр. 37. ⁵⁾ Тамъ-же стр. 20.

Изъ польскихъ городовъ въ малорусскихъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Варшава и Краковъ.

Слово Польша въ украинской словесности иногда вовсе не относится къ бывшему польскому государству и имѣеть совершенно особое географическое значеніе. Такъ, оно употребляется въ приложеніи къ низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или Коломыйскаго округа. Угорскій верховинець называетъ Польшей низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля¹⁾. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ встрѣчаются выраженія: «ой нема въ Польшѣ добра, та вѣдай, и не будетъ», или, «не маемо цесарику, що въ Польшѣ сидѣти». Варианты: «ой нема добра въ горахъ»; «ой не маемо, цесарику, що на Руси сидѣти» указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ Польши. Рѣчь очевидно идетъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ.

Туреччина.

Въ чешской грамматикѣ Благослова 1571 г. приведена малорусская пѣсня, и въ ней находимъ сопоставленіе малорусскихъ сосѣдей:

На верси Дунаю три рогы ту стол,
Перша рота Турецка,
Друга рота Татарска,
Третья рота Волоска²⁾

Подобнаго рода сопоставленіе сосѣднихъ съ Украиной странъ находимъ въ думѣ о покупкѣ братомъ сестры плѣнницы:

Три братчики та риднесеньки,
Одинъ пишовъ на Волощину,
Другій пишовъ на Вгорщину,
Третій пишовъ на Туреччину³⁾.

и въ колядкахъ, напримѣръ:

¹⁾ Головацкий, О костюмахъ, стр. 81. ²⁾ *Потѣбля*, Малор. нар. пѣсня по списку XVI в., стр. 2. ³⁾ Антон. и Драг., т. 4, стр. 276.

Ты, коню сивый, будь ми счастливый,
 На три дорози та у три земли,
 Одна дорога та въ Волоськую.
 Другая дорога та въ Нѣмецкую,
 Третья дорога та въ Турецкую ¹⁾.

Главная особенность Туреччины—бусурманство ея жителей это «Невір земля», «вира погана—земля проклята» ²⁾. Здѣсь война и слезы:

Турецкая землеюнка,
 Шабельками пощобана,
 Слизоньками пидмочена ³⁾.

При всемъ томъ, турецкія страны богаты золотомъ и конями.

Ты, земле Турецкая, гиро бусурманская,
 Ты есь наполнена серебромъ, златомъ,
 И дорогими напитками ⁴⁾

Изъ Турціи выводятъ коней ⁵⁾. Въ галицко-русской свадебной пѣснѣ дается жениху советъ съѣздить къ туркамъ на ярмарку и купить тестю въ даръ вороного коня съ золотымъ сѣдломъ ⁶⁾.

Изъ турецкихъ городовъ чаще всего въ пѣсняхъ упоминается Царыградъ, Царивъ-городъ. Русскіе молодцы дѣлаютъ на него нападенія и заставляютъ горожанъ платить выкупъ. Кіевскій богатырь Михайликъ удаляется въ Царыградъ и переноситъ сюда изъ Кіева Золотыя ворота. Въ думахъ неоднократно упоминаются константинопольскіе базары. Положеніе Цареграда опредѣляется довольно точно: «доливъ Дунаемъ пидъ Царигородъ». Частое упоминаніе о Цареградѣ указываетъ на довольно близкое съ нимъ знакомство малорусскаго народа по рассказамъ бывалыхъ людей, плѣнниковъ и богомольцевъ. Кромѣ Цареграда въ думахъ изрѣдка упоминаются Варна, Трапезунтъ, Азовъ, Ягинь, Килія, Хотинъ, Козловъ, Тендеръ.

Крымъ упоминается въ чумацкихъ пѣсняхъ, обыкновенно въ фразахъ «иты въ Крымъ по силь» и «до Крыму дороженька далекая» ⁷⁾.

¹⁾ Голов., т. I, стр. 61. ²⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 212. ³⁾ Голов., т. I, стр. 101. ⁴⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 94. ⁵⁾ Антоп., т. I, стр. 6; Голов., т. II, стр. 61. ⁶⁾ Голов., т. IV, стр. 224. ⁷⁾ Чуб., т. V, стр. 112, 198, 457, 1043, 1053 и др.

Волощина.

Румыніа изображается страной ровной:

Вандруй, вандруй, дѣвчинонко въ Волощину зъ нами!
 Бо у Волощинѣ все поле ривненьке...¹⁾

Къ румынамъ галицко-русская пѣсня относится сочувственно, какъ къ добрымъ людямъ:

Бувай здоровъ, Ляцкій краю!
 Вжежъ я тебе покидаю.
 Ой пиду я въ Волощину,
 И тамъ же я не загину:
 Въ Волощинѣ добри люде,
 И тамъ мени гараздъ буде²⁾.

«Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси, говоритъ А. А. Потебня, важную роль играютъ ея почти постоянно дружественныя связи съ румынами... Связи Руси съ румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи церковно-славянскаго языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в., въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной іерархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія уніи въ Галичинѣ въ XVII в., въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей, въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ»³⁾.

Въ одной галицко-русской любовной пѣснѣ находится указаніе на расположеніе волоховъ къ колдовству, къ ворожбѣ:

Волошине, Волошине,
 Навчи мене ворожити⁴⁾...

Въ объясненіе этого выраженія нужно сказать, что въ средней и восточной Малороссіи, вдали отъ румынъ, слово волохъ перешло на цыганъ. Въ одной пѣснѣ находимъ выраженіе: «цыганочка-волошечка». Пѣсня съ вышеприведенной фразой, хотя записана въ Галиціи, не заключаетъ въ себѣ ничего специально га-

¹⁾ Голов., т. I, стр. 326. ²⁾ Тамъ-же, стр. 240. ³⁾ Потебня, Рецензія сбор. пѣс. Голов., стр. 8. ⁴⁾ Голов., т. III, стр. 364.

лицаго, и по складу, по языку представляется малорусской пѣсней. Вѣроятно она возникла первоначально въ Малороссіи и потомъ проникла въ Галицію.

Въ одной колядкѣ находится указаніе, что малороссіане приобрѣтали воловъ въ Молдавіи, «зъ Волоцины иде—волики веде» ¹⁾. Это указаніе подтверждается лексическими данными малорусскаго языка. Многія малорусскія слова, относящіяся къ скотоводству, заимствованы изъ румынскаго языка.

Угорщина.

Согласно съ географическимъ положеніемъ Венгріи, въ малорусской народной поэзіи Венгрія—страна далекая. Въ галицко-русской колядкѣ чудесный пастухъ овецъ, личность мифическая, трубитъ въ костяную трубу, и звукъ «чути було а въ Угорщину» ²⁾. Какъ жители далекой малоизвѣстной страны, притомъ неоднократно вторгавшіеся въ галицко-русскую землю, венгры «зрадывіи люде» ³⁾. Этотъ оттѣнокъ враждебнаго отношенія малорусскаго народа, точнѣе, его галицкой вѣтви, къ венграмъ, съ отчетливостью обнаруживается въ галицко-русской свадебной пѣснѣ:

Поѣхавъ староста
 Въ угорскую землю,
 Угриночку влюбити.
 Угриночку си влюбивъ,
 Господь му не присудивъ.
 Бо въ угорской землѣ
 Куроньки не поють.
 И свѣтъ не свитае,
 И соненько не сходить,
 И дрибенъ дощъ не иде,
 И травонька не росте,
 И коникъ ся не пасе ⁴⁾.

Отрицательныя стороны угорской земли здѣсь преувеличены по противоположности къ непоименованной Руси, гдѣ по мысли

¹⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 6. ²⁾ Гол., т. IV, стр. 53. ³⁾ Антонов. и Драг., т. I, стр. 78. ⁴⁾ Голов., т. IV, стр. 224.

поэга, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава растетъ и, главное, есть хорошія дѣвушки—невѣсты.

Останавливаясь въ настоящемъ изслѣдованіи только на тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ украинской народной словесности, которыя извѣстны были всему народу и получили фактическую обрисовку, я оставилъ въ сторонѣ нѣсколько мѣстныхъ названій, или потому, что они встрѣчаются только въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или по причинѣ отсутствія фактическихъ данныхъ касательно ихъ поэтической обрисовки. Такъ, я оставилъ въ сторонѣ Карпатскія горы, встрѣчающіяся исключительно въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или подъ названіемъ Бескида, или чаще подъ общимъ названіемъ горы, не говорилъ ничего про названіе Московщина, какъ названіе рѣдкое, указывающее только на далекую отъ мѣста сложенія пѣсни Великороссію, ничего не замѣтилъ, наконецъ, о Германіи, въ силу совершенно неопредѣленнаго выраженія одной пѣсни, что «Нимеччина не Ляшина и не земля Волоска»¹⁾. Очевидно, что малороссіяне знаютъ нѣмецкую землю, какъ отдѣльную, независимую страну и, какъ видно изъ одной пѣсни, страну богатую, потому что «зъ Нимещины иде, грошки несе»²⁾.

Изъ разсмотрѣнія мѣстныхъ названій въ украинской народной поэзіи видно, что выступающая въ поэзіи Украина представляется Украиной архаичной, X—XVII ст. Эта старинная Русь-Украина, по даннымъ народной поэзіи, стоитъ въ ближайшей географической связи съ Балканскимъ полуостровомъ. Черное море, Дунай, Волощина, Туреччина и Цареградъ въ особенности привлекали вниманіе южно-русскаго народа въ старинное время и въ народной поэзіи заслонили собой всѣ другія сопредѣльныя съ Украинной страны.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

¹⁾ Голов., т. II, стр. 341. ²⁾ Антоп. и Драг., т. I, стр. 6.

Въ **Петербургѣ** въ книжномъ магазинѣ г. Стасюлевича и въ
Харьковѣ въ книжномъ магазинѣ г. Полуехтова.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. В. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. О. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 3) Іоанникій Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Іннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ.
1884 г. Цѣна 25 коп.
- 6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г.
Цѣна 40 коп.
- 7) Религіозно-миѣческое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г.
Цѣна 40 коп.
- 8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 9) Іоаннъ Вышенскій. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 10) Опытъ объясненія пѣсни о Журилѣ. 1885 г. Цѣна 10 коп.
- 11) О вліяніи греко-римскаго ритуала на малорусскую свадьбу.
1886 г. Цѣна 40 коп.
- 12) Научное изученіе колядокъ. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 13) Досвѣтки и посидѣлки. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 14) Коломыйки. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 15) Малорусскія пьяницкія пѣсни. 1886 г. Цѣна 40 к.
- 16) Малорусская географическая номенклатура. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 17) Мѣстныя названія въ украинской народной словесности. 1886 г.
Цѣна 40 коп.

КОЛОМЫЙКИ.

Н. Р. СУМЦОВА.

Издание редакціи „Кіевской Старины“.

КІЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4-й.

1886.

Printed in Russia.

27233.61.5

Grant Fund

КОЛОМЫЙКИ.

О внѣшней формѣ и содержаніи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, объ ихъ историческомъ и бытовомъ значеніи составляетъ сужденіе по имѣющимся въ печати сборникамъ произведеній народнаго поэтическаго творчества, преимущественно по громаднымъ сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Нельзя не признать, что многого еще не достааетъ для правильныхъ и полныхъ выводовъ и обобщеній относительно малорусской поэзіи, особенно мѣстныхъ, краевыхъ ея проявленій: здѣсь можно указать на два главныхъ препятствія, одно, такъ сказать, географическаго, другое хронологическаго свойства. Далекое не всѣ мѣстности Малороссіи изслѣдованы въ этнографическомъ отношеніи и въ особенности относительно наличнаго матеріала пѣснотворчества. Въ то время какъ народныя пѣсни галицкой и угорской Руси собраны во многихъ сборникахъ, собраны въ послѣднее время, правобережная Малороссія представлена сравнительно старинными сборниками, а нѣкоторые углы и закоулки лѣвобережной Малороссіи, напримѣръ, восточные уѣзды харьковской губерніи, населенная малороссіянами часть воронежской губерніи, значительная часть Екатеринославщины, все Черноморье—terra incognita въ приложеніи къ народнымъ пѣснямъ. Составляя свои мнѣнія и сужденія о малорусской народной поэзіи преимущественно по сборнику Чубинскаго, мы невольно усваиваемъ ретроспективный взглядъ на народную поэзію и употребляемъ выраженіе «настоящее время», «нынѣшнія пѣсня» въ приложеніи къ времени прошедшему и пѣснямъ забытымъ. Значительное большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ Чубинскаго, записано въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Многое должно

было измѣниться съ тѣхъ поръ въ жизни и слѣдовательно въ пѣсно-творчествѣ народа, особенно въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе, послѣ великаго дня 19 февраля 1861 года и всѣхъ вызванныхъ имъ крупныхъ и мелкихъ измѣненій народнаго быта. Освобожденіе крестьянъ, развитіе заводской промышленности, размноженіе желѣзныхъ дорогъ, сокращеніе срока военной службы, появленіе и размноженіе религиозныхъ сектъ, изъ года въ годъ усиливающийся приливъ нѣмецкихъ колонистовъ, русско-турецкая война за освобожденіе балканскихъ славянъ, еврейскіе погромы, масса другихъ, не столь крупныхъ бытовыхъ явленій новаго времени, все это въ совокупности неизбежно должно было затронуть народную мысль, народное чувство, должно было такъ или иначе выразиться въ области словеснаго поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, наука сильно отстаетъ въ опредѣленіи, освѣщеніи и разъясненіи новыхъ явленій жизни, такъ какъ не имѣетъ подъ руками необходимаго матеріала, не имѣетъ записей, сообщеній людей, близко стоящихъ къ народу. Какъ-бы то ни было, многое забыто, многое вновь народилось на свѣтъ Божій. Можетъ быть, новые элементы народной поэзіи похожи на старые, и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанию, въ силу того, что въ народной жизни новое съ старымъ всегда переплетается и связывается тѣсно.

Сборники галицкихъ пѣсень, преимущественно сборникъ г. Головацкаго, открываетъ новую внѣшнюю форму народнаго поэтическаго творчества, форму своеобразную, оригинальную, вызвавшую нѣкоторое измѣненіе самаго содержанія народно-поэтическаго творчества, что вполне естественно, такъ какъ внутреннее содержаніе и выражающая его внѣшняя форма по основнымъ законамъ индивидуальной и народной психологіи тѣсно связаны между собою, и одно другое обуславливаетъ. Новой внѣшней формой народнаго малорусскаго, преимущественно галицко-русскаго поэтическаго творчества представляется коломыйка.

Развитіе коломыйки совершается независимо отъ многообразныхъ событій и явленій южно-русской жизни. Коломыйка—преимущественно галицко-русское созданіе, и потому ни одно изъ перечисленныхъ выше политическихъ движеній русскаго народа не могло оказать на нее достаточно сильнаго вліянія. На возникновеніе и развитіе коломыйки повліяли главнымъ

образомъ, если не исключительно, общее обветшаніе всѣхъ формъ малорусской народной поэзіи, думы, колядки, щедривки, веснянки, свадебной пѣсни. Бандуристы перевелись, лирники окончательно переводятся; парубки и дивчата начинаютъ считать пѣніе колядокъ подъ окнами неприличнымъ, нищенскимъ дѣломъ. Думы забыты; колядки и щедривки вырождаются въ тягучіе и дряблые духовные стихи; веснянки и свадебныя пѣсни въ легкія, любовныя импровизаціи; наступаетъ всеобщее оскудѣніе. Однако, жизнь не терпитъ пустоты, долгаго застоя. Въ замѣнъ угасающихъ формъ жизни нарождаются или должны въ непродолжительномъ времени народиться новыя формы, примѣнительно къ новымъ бытовымъ условіямъ. Естественно возникаетъ вопросъ, представляетъ ли замѣчаемое оскудѣніе пѣснотворчества признакъ крайняго упадка духа и моральнаго вырожденія, или оскудѣніе знаменуетъ наступившій переломъ въ направленіи пѣснотворчества и переходъ къ пѣснѣ новой, соответствующей бытовой дѣйствительности, съ сохраненіемъ силы и оригинальности самобытнаго духовнаго творчества, другими словами: будетъ ли взятъ пѣсня изъ-чужа, со всѣми безобразіями искаженія, поддѣлки и фасильфикаціи, или родникъ народнаго духа окажется настолько сильнымъ и свѣжимъ, что изъ него вылетѣтъ пѣсня свободная, звонкая, чистая. Недалекое будущее отвѣтитъ на эти вопросы. Въ настоящее время неумѣстно пускаться въ догадки и предположенія, забѣгать впередъ и предвѣщать. Самое большое, что можно сдѣлать при современныхъ научныхъ средствахъ—это представить посильное разъясненіе отдѣльныхъ, мелкихъ явленій народной жизни и по возможности опредѣлить ростки будущаго.

Коломыйки весьма распространены въ Галиціи и Буковинѣ. Въ Угорской Руси также много коломыекъ; только здѣсь онѣ слабоваты, безцвѣтны, что вполне отвѣчаетъ дряблости и невзрачности угорско-русскаго народнаго характера вообще и поэзіи въ частности. Коломыйка, какъ опредѣленная пѣсенная форма, встрѣчается въ Малороссіи (у Чубинскаго, напр., въ т. V, стр. 138, 235, 512, 144); но, повидимому, здѣсь неизвѣстно самое названіе «коломыйка».

Наибольшаго развитія коломыйки достигли въ галицкомъ Покутьѣ. Покутье—прекрасный уголокъ Руси, съ сѣверо-востока обрамленный скалистыми берега Днѣстра, съ юго-запада обрѣзанный

карпатскими горами. Въ весеннее половодье днѣстровскія воды заливаютъ обширныя пространства Покутья и, по возвращеніи въ русло, оставляютъ плодородный иль на поляхъ. Мѣстное населеніе, въ особенности горцы гуцулы, отличается силой характера, предприимчивостію, подвижностью ¹⁾).

Главный городокъ края Коломыя далъ названіе для пѣсни коломыйки. Это веселый, хорошо застроенный поселокъ, вблизи Чорной горы, упоминаемой въ пѣсняхъ галицкихъ гайдамакъ, опрышковъ. Самое названіе городка Коломыи и протекающей черезъ него рѣчки Коломыйки объясняютъ различно; одни производятъ отъ римскаго слова *colonia*, другіе отъ имени галицкаго князя Коломана, заложившаго городъ въ 1214 году ²⁾).

Новостью коломыекъ, въ особенности въ Малороссіи, появленіемъ ихъ лишь въ недавно вышедшихъ сборникахъ пѣсенъ и своеобразностью этого рода поэзіи объясняется то крайне ошибочное опредѣленіе коломыйки, которое сдѣлалъ Закревскій въ «Старосвѣтскомъ Бандуриствѣ» 1861 г. «Подъ словомъ *коломыйка*, писалъ онъ, разумѣютъ наборъ строфъ одного размѣра и мелодіи, но безъ всякой строгой связи въ отношеніи содержанія» (стр. 62)... «Малороссійская нисенитныця, или наборъ строфъ есть то же, что галицкая коломыйка или что у поляковъ краковякъ» (стр. 65). Здѣсь смѣшаны двѣ совершенно различныя формы поэзіи, коломыйка и нисенитныця. Коломыйка представляетъ сконцентрированное выраженіе народнаго поэтическаго творчества, своего рода художественную формулу пѣсеннаго мотива или бытоваго явленія; нисенитныця есть стихотворная чепуха, бессмыслица, словесная игра въ соединеніе предметовъ, не имѣющихъ въ природѣ между собою ничего общаго.

Случайно оброненное Закревскимъ замѣчаніе о тождественности галицко-русской коломыйки и польскаго краковяка даетъ поводъ къ предположенію о возможности генетической связи между ними, о происхожденіи коломыйки изъ краковяка. Предположеніе это, такъ сказать, само еобой напрашивается на мысль, въ виду близкаго топографическаго сосѣдства краковяка и коломыйки, общаго ихъ плясоваго характера и продолжительности польскаго вліянія въ Галиціи на мѣстное русское населеніе. Пересматривая

¹⁾ Сборникъ Головацкаго, т. I, стр. 695 и др.

²⁾ Kolberg, Pokucie, 1, 10.

многочисленные краковяки въ 6 томѣ «Lud» Кольберга (стр. 381—498) и сравнивая ихъ съ многочисленными коломыйками въ сборникѣ Головацкаго, нельзя открыть между ними ничего общаго, никакого родства. Въ краковякахъ величина пѣсни, размѣръ, содержаніе, взятые изъ внѣшней природы образцы совсѣмъ особыя, чужды коломыйкамъ. Краковякъ по величинѣ значительно превосходитъ коломыйку. Большинство краковяковъ состоитъ изъ четырехъ или пяти строфъ; часто встрѣчаются семи-строфные и одиннадцатистрофные краковяки. Господствующій размѣръ—шестисложный, изрѣдка восьмисложный въ каждой строкѣ, размѣръ, сравнительно съ коломыйками, слишкомъ короткій, слабый. Въ краковякахъ, не смотря на ихъ значительную величину, нѣтъ запѣвовъ, которые всегда указываютъ на разбѣгъ мысли и придаютъ пѣснѣ силу. Краковяки, сравнительно съ коломыйками, очень бѣдны взятыми изъ внѣшней природы образами, обыкновенно придающими пѣснѣ живописность и выразительность. Въ замѣнъ того, въ краковякахъ много отвлеченныхъ сужденій и морально-дидактическихъ замѣчаній: напримѣръ:

Niema nic na świecie
Pod słońcem stałego (425)...

Nie panuje teraz,
Słuszność na tym świecie (425).

Niech cię urodzenie
Panów nie uwodzi;
Wszakże nas natura
Jedna na świat rodzi (420).

Въ коломыйкахъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ содержаніе краковяковъ входятъ большею частью тѣ-же житейски-бытовые мотивы, что и въ коломыйки, преимущественно любовь молодыхъ людей, но въ такомъ сочетаніи подробностей, что между краковякомъ и коломыйкой относительно содержанія получается полное различіе. Поэтическое и нравственное достоинство краковяка можно охарактеризовать слѣдующими словами самаго краковяка:

Niemasz ci to niema
Jak w krakowskiém polu;

Jedna garsć pszenicy,
A druga kakolu (390).

Большое различіе между коломыйкой и краковякомъ обнаруживается также въ той оцѣнкѣ, какую русинъ даетъ коломыйкѣ, а полякъ краковяку. Для русина коломыйка такая пѣсня, которую можно пѣть всегда и вездѣ, которую слѣдуетъ пѣть въ минуты радости и горя; вообще, русинъ, какъ это будетъ видно въ концѣ настоящей статьи, относится къ коломыйкѣ съ безусловной похвалой; полякъ-же поетъ:

Niedobra jest rzeczą
Krakowiaki śpiewać,
Jedna można bawić,
A drugich rozgniewać (390).

Въ итогѣ сравнительнаго изученія коломыекъ и краковяковъ получается, такимъ образомъ, заключеніе о полной независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Галичанинъ Счастнй Саламонъ, издавшій въ началѣ шестидесятихъ годовъ сборникъ коломыекъ и шумокъ, говоритъ въ предисловіи: «и вжежь то изъ всѣхъ напѣвовъ въ Галицкой Руси наибильше разширена коломыйка. Коломыйка, се душа, се вѣрна товаришка галицкаго русина видъ колыски ажъ до могилы; нею все начинае винъ пѣти и все кончить. Въ коломыйкахъ бо, въ ихъ нутѣ и напѣвѣ, наибильше отпечатлѣлась меланхолія, тужливость, сумота души, а въ тыхъ то чувствахъ именно сосредоточилась цѣла жизнь несчастливаго народа Руси, который по утратѣ политической своей самостоятельности черезъ пять долгихъ столѣтій (подразумѣвается покореніе Галиціи поляками въ 1340 г.) не малъ ни волѣ, ни доли, а все лишъ изнывалъ, стогналъ въ путахъ рабства, пидъ ударами судьбы жестокой. Оттакъ то истинный образъ исторіи нашего народа въ самыхъ напѣвахъ коломыйки». Меланхоличность напѣва нѣкоторыхъ коломыекъ не можетъ служить доказательствомъ древности ихъ, а лишъ проявленіемъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Нельзя упускать изъ виду также того обстоятельства, что новыя пѣсни часто принимаютъ напѣвъ старинныхъ, забываемыхъ пѣсенъ.

Въ сборникѣ г. Головацкаго коломыйки помѣщены въ отдѣлѣ плясовыхъ пѣсенъ. Значительное количество коломыекъ по тону и содержанію дѣйствительно отвѣчаетъ пляскѣ. Въ Галичинѣ и Угор-

ской Руси есть особый танецъ коломыйка. Танцуютъ его такъ: мужчина подбоченясь и устремивъ свой взглядъ на концы ногъ, продѣлываетъ ими всевозможныя движенія; при этомъ онъ кружится около танцующей съ нимъ дѣвушки, которая, не спуская съ него глазъ, съ опущенными руками, приплясываетъ на мѣстѣ; когда мужчина вскрикнетъ и ударитъ въ ладоши, дѣвушка къ нему придвигается; онъ обнимаетъ ее за шею и покачивается вмѣстѣ съ нею взадъ и впередъ, затѣмъ снова выпускаетъ дѣвушку, и танецъ продолжается по прежнему. Въ кругъ никогда не входятъ нѣсколько паръ одновременно, но танцуютъ только по одной парѣ, смѣняя одна другую. Мужчина, желающій танцевать, въ Угорской Руси громко произносятъ: «я выронилъ свою трубку!»; это условный знакъ, по которому пары разступаются и даютъ мѣсто той, которая такимъ образомъ заявила о своемъ желаніи танцевать; натацтовавшись вдоволь, эта пара уступаетъ мѣсто другой¹⁾.

При всемъ томъ, коломыйка не плясовая пѣсня. Коломыйки въ массѣ представляютъ нѣчто совсѣмъ особенное, серьезное и, за исключеніемъ отдѣльныхъ коломыекъ, не могутъ быть подведены подъ отдѣлъ пѣсенъ плясовыхъ. Во многихъ коломыйкахъ обнаруживается вовсе не плясовое настроеніе духа, отражается грусть, находится сѣтованіе на горемычную долю, говорится о слезахъ, на примѣръ, въ коломыйкѣ:

Чому очи не плачете, жалю не маєте?

Мое серце въ слезахъ стоить, а вы не знаєте.

Встрѣчаются коломыйки съ отвлеченной, почти философской мыслью, на примѣръ, коломыйка:

Лише рѣчка не вертає у горы землицевъ,

Тилько усе упадає до моря водицевъ

представляетъ сравненіе жизни человѣка съ теченіемъ рѣки. Въ другой коломыйкѣ зарожденіе и развитіе любви сравнивается съ рѣкой, которая сначала течетъ тихо, потомъ впадаетъ въ водоворотъ.

Тече ричка не величка, въ вырынку впадає,

Гирша любовь видь болѣсти, хто ю добре знає.

По внѣшней формѣ коломыйка представляетъ небольшую пѣсню, въ четыре или двѣ строки, изрѣдка въ шесть строкъ. Размѣръ—

¹⁾ Де-Волланъ, Угро-рус. пѣсни, стр. 16.

строго опредѣленный. Каждая строка состоитъ изъ 14 слоговъ, съ цезурой, раздѣляющей строку на двѣ неравныя части, причеъ въ первой части всегда 8 слоговъ, во второй 6 слоговъ, такъ что свойственный коломыйкамъ размѣръ можетъ быть выраженъ формулой 2 (8+6). Коломыйка представляетъ правильно чередующіяся повышенія и пониженія голоса, опредѣленные числомъ слоговъ, и по отзыву этнографовъ, по отзыву и оцѣнкѣ самаго народа отличается мелодической прелестью. Встрѣчаются большія пѣсни, составленныя изъ коломоекъ, распределенныхъ въ порядкѣ, по основной мысли стихотворенія, причеъ каждая коломыйка имѣетъ самостоятельное значеніе, цѣльный смыслъ, и встрѣчается въ отдѣльности. Въ сборникѣ Кольберга «Рокисіе», пѣсни составленныя изъ коломоекъ, помѣщены во 2 томѣ на стран. 99, 168 и многихъ другихъ, а въ сборникѣ г. Головацакаго во II т., стран. 380—400. Начало коломыйки, первая строка (8+6 слоговъ), представляетъ обыкновенно образъ, заимствованный изъ природы; дальнѣйшая часть пѣсни представляетъ соотвѣтствующее этому образу уподобленіе въ настроеніи души поющаго, причеъ образъ и уподобленіе составляютъ органическое цѣлое, и второе какъ-бы вытекаетъ изъ перваго. Бываетъ такъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе въ остальныхъ трехъ, напримѣръ:

Шкода травки и муравки тому облогови;
 Шкода мене молодой тому неробови;
 Шкода мене молодой, шкода мого стану,
 Та якъ я ся леда бѣдѣ у руки достану
 (т. II, стр. 779).

Часто бываетъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе во второй, въ третьей опять образъ, очень близкій первому, въ четвертой соотвѣтствующее уподобленіе, напримѣръ:

Ой часъ, мати, жито жати—вже перестигае;
 Чому мене, моя мати, замижъ не отдае.
 Ой часъ, мати, жито жати—колосъ похилився;
 Ой часъ мене замижъ дати—голосъ изменився.

Въ нѣкоторыхъ коломыйкахъ обнаруживается значительное различіе между внѣшними образами первой и третьей строкъ. Это различіе почти всегда указываетъ на составной характеръ четырехъ-

строчной коломыйки изъ двухъ самостоятельныхъ двухъ-строчныхъ коломыекъ; на примѣръ:

Ой спѣвала на былинцѣ якась пташка сива:
 Ой котра ще не любила, у Бога счастлива;
 Бо не усѣ сады родять, котры вже зацвѣли:
 Та не усѣ побралися, котры ся любили.

Встрѣчаются изрѣдка коломыйки съ поэтическимъ образомъ изъ внѣшней природы, безъ примѣненія его къ нравственной природѣ человѣка; на примѣръ:

Ой засвѣти, мѣсяченьку, засвѣти, засвѣти,
 Та на то-ти полонины, на хороши цвѣты!

Внѣшній образъ бываетъ такъ обыченъ и типиченъ въ народной поэзіи, что поющій, опуская уподобленіе, можетъ легко его подразумѣвать.

Бываютъ и такія коломыйки, въ которыхъ нѣтъ взятаго изъ внѣшней природы образа, нѣтъ параллелизма, и пѣсня прямо излагаетъ какой-нибудь случай или событіе изъ жизни, по метрическому коломыечному складу; на примѣръ въ коломыйкахъ:

У богача поль калача, та еще винъ плаче,
 А въ сироты нигде корки, еще вона скаче.

А у Львовѣ, славнимъ мѣстѣ, стала ся пригода,
 Студенты ся збунтовали, що имъ невыгода:
 На старшихъ то нарекали, що ихъ хтѣли бити,
 Щобы дѣвчаты не любити, казали ся вчити.

Ой якъ я си нагадала, якъ мы ся любили,
 Не разъ ми ся доливъ окомъ слѣзы покотили.

Связь между образомъ и уподобленіемъ не всегда бываетъ достаточно ясна для интеллигентнаго человѣка, главнымъ образомъ по причинѣ своеобразности народныхъ приѣмовъ сравненія и уподобленія, по обилію въ народной поэзіи такихъ установившихся типическихъ внѣшнихъ, взятыхъ изъ природы образовъ любви, разлуки, горя, какіе не встрѣчаются въ обращающихся среди интеллигентнаго общества поэтическихъ произведеній Пушкина, Лермон-

това, Тургенева, не встрѣчаются даже у Шевченка, напримѣръ, коломыйки:

Ой идутъ воли зъ полонины, рогами ся крешуть,
Отдай, мати, дѣвку зъ хаты, най на ню не брешуть,

была-бы непонятна, если-бы многія малорусскія и галицкія пѣсни не указывали на склонность простаго южно-русскаго народа сближать въ поэзіи воловъ и лѣта. Смыслъ коломыйки въ дѣйствительности простъ и ясенъ: дѣвушка старѣетъ; люди начинаютъ надъ ней подсмѣиваться, какъ надъ старой дѣвой, и матери поставляется въ обязанность позаботиться объ отдачѣ ея замужъ. Сближеніе лѣтъ съ волами яснѣе обнаруживается въ другой коломыйкѣ:

Воли мои половыи, чому не орете?
Лѣта мои молоды; марне зъ свѣта йдете!

Для полноты пониманія послѣдней коломыйки нужно замѣтить, что въ народной поэзіи ораніе поля служить иногда символомъ любви; напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ коломыйкахъ:

Не сѣявши, не оравши, не буде родити,
Не дай хлопцю принадоньки, не буде ходити.

—
Усѣ нивки поорани, одна облогуе;
Усѣ дѣвки на мя добри, одна ворогуе.

Ограничиваемся краткимъ объясненіемъ двухъ поэтическихъ образовъ, такъ какъ подробное изложеніе встрѣчающихся въ коломыйкахъ образовъ и уподобленій неизбѣжно должно вывести за предѣлы коломыйки, въ обширную область малорусской народной поэзіи и даже безыскусственной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ.

По содержанію коломыйка представляетъ эклектическое явленіе народной поэзіи. Эклектизмъ является обыкновенно въ тотъ періодъ въ жизни народа, когда прогрессивное движеніе приостанавливается на нѣкоторое время, причѣмъ возникаетъ потребность прослѣдить весь прежній ходъ цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Эпоха эклектизма большею частью совпадаетъ съ эпохою промышленнаго развитія, съ преобладающимъ, даже всепоглощающимъ обращеніемъ вниманія на предметы полезные и упо-

требительные въ матеріальной жизни. Эпоха эклектизма выражается обыкновенно перемѣщеніемъ центра тяжести народной жизни, въ слѣдствіе какого-нибудь крупнаго разрыва въ органической преемственности ея основныхъ явленій и фактовъ; однѣ формы жизни быстро вырождаются и на мѣсто ихъ являюся другія, съ ними мало сходныя. Исчезаютъ формы жизни, созданныя бурными порывами фантазіи и чувства, порожденные грандіозными историческими народными движеніями, и нарождаются обыкновенно такія формы и явленія, гдѣ господствуетъ болѣе или менѣе сухой разсудокъ, расчетъ, гдѣ все соразмѣрно, ясно и просто, иногда живо, свѣтло и увлекательно, какъ стихотворенія въ прозѣ Тургенева, иногда натянуто, сухо и мелочно, какъ вирши и грамматики греческихъ ученыхъ александрійскаго періода эллинской образованности.

Эклектическая коломыйка беретъ изъ народной поэзіи все лучшее, въ отдѣльныхъ частяхъ, обрывкахъ, обломкахъ, и будучи сама очень небольшою по величинѣ, удачно сохраняетъ и передаетъ драгоценные элементы народной поэзіи. Въ настоящее зремя малорусскій, преимущественно галицко-русскій крестьянинъ обращается съ доставшимися ему отъ предковъ пѣснями такъ-же расчетливо, какъ полторы тысячи лѣтъ назадъ ново-платоническіе философы Плотинъ и Прокль, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи французскій философъ Кузенъ обращались съ ученіями Пифагора, Платона и Аристотеля, выбираютъ поэтическіе образы и истины изъ различныхъ формъ и родовъ поэзіи, изъ колядки, гайвки, свадебной пѣсни, жатвенной пѣсни, думы, и заботливо складываютъ ихъ въ коломыйку. Въ періодъ духовнаго застоя, нравственной ломки, усиленія разлагающихъ цѣлостъ міросозерцанія и быта внѣшнихъ вліяній, обнаруживаемый коломыйкой эклектизмъ представляетъ весьма замѣчательное и, въ смыслѣ консервативномъ, утѣшительное явленіе. Если нельзя удержать думъ, колядокъ, щедривокъ, гайвокъ, если имъ суждено въ самомъ непродолжительномъ времени полное забвеніе въ средѣ простаго народа, что несомнѣнно, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя ихъ жемчужины будутъ сохранены коломыйкой и переданы его будущимъ поколѣніямъ, какъ матеріаль, средство, пособіе для дальнѣйшаго духовнаго творчества.

Эклектическими коломыйками представляются, напримѣръ, слѣдующія:

Выйди, выйди, файна любка, не бійся морозу,
А я твои били нижки за пазуху вложу.

Заревили баранчики, зъ полонины йдучи,
Очка ми придивили, миленького ждучи.

Эти коломыйки очевидно представляют отрывки изъ распространенныхъ въ Малороссіи и Галиціи любовныхъ пѣсень.

Чисто жатвенной пѣсней представляется слѣдующая коломыйка:

Вечерь, вечерь, вечерѣ, сонце надъ вербами,—
Пускай, пане атамане, до дому съ серпами.
Вечерь, вечерь, вечерѣ, уже сонце нызко,—
Пускай, пане атамане, до дому не близько.

Нѣкоторое отношеніе къ галицкимъ свадебнымъ пѣснямъ имѣетъ коломыйка:

Ой по по пидь гай зелененькій ходыть мій миленькій,
Та тычая за голову розмаринъ дрибненькій;
Ой бо то розмаринъ дрибный росте на каменю;
То-то мому миленькому, якъ иде до дому.

Пѣсня выражаетъ неудачное сватовство. Розмаринъ употребляется на свадьбахъ въ Германіи, у западныхъ славянъ и въ Галиціи, причѣмъ, вѣроятно, заимствованъ славянами отъ нѣмцевъ. У древнихъ германцевъ розмаринъ былъ символомъ Гольды, дѣвственности. Замѣчаніе, что розмаринъ растетъ на камнѣ, служитъ въ коломыйкѣ намекомъ на неудачное сватовство.

Захватывая отдѣльные поэтическіе мотивы изъ всѣхъ устарѣвшихъ формъ поэзіи, коломыйка въ то же время передаетъ всѣ современные движенія народной жизни, обрисовываетъ краткими чертами національное самосознаніе галицко-русскаго крестьянина, его отношенія къ нѣмцамъ, полякамъ и евреямъ, его воззрѣнія на австрійскаго императора, его недовольство панщиной и рекрутчиной, мельчайшія проявленія семейной жизни, любовь, разлуку, бракъ, вѣрно передаетъ бытвыя проявленія народнаго юмора въ легкой насмѣшкѣ и шуткѣ надъ слабостями человѣческими. Въ коломыйкахъ есть всего понемножку, и религія, и политика, и мораль, и исторія. Распредѣлить коломыйки на отдѣлы по содержанию—дѣло

трудное, и потому въ сборникѣ г. Головацкаго, гдѣ напечатано нѣсколько тысячъ коломыекъ, распредѣленіе ихъ совершенно произвольно, случайно. Въ отдѣлы коломыекъ внесены всѣ двухъ-строчныя и четырехъ строчныя пѣсни 14-сложнаго размѣра, безъ различія содержанія. Одна и та же коломыйка иногда встрѣчается читателю нѣсколько разъ, на разныхъ страницахъ. Въ сборникѣ коломыекъ Счастливаго Саламона, изданномъ сначала въ 1864 г., потомъ вошедшемъ въ 5 томъ сборника г. Головацкаго, сдѣлана попытка раздѣленія коломыекъ на любовныя, сиротинскія, вояцкія и жартовливныя, причемъ въ любовномъ и шутливомъ отдѣлахъ коломыйки подраздѣлены на молодецкія и дѣвичьи. Это дѣленіе коломыекъ хотя и вноситъ нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіе ихъ въ сборникѣ, далеко, однако, не выражаетъ содержанія коломыекъ.

Не имѣя намѣренія подробно излагать содержаніе коломыекъ, что было бы бесполезно безъ обращенія ко всему составу малорусской и галицкой поэзіи, мы укажемъ только на болѣе характерныя стороны содержанія коломыекъ. Прежде всего вниманіе читателя привлекаютъ тѣ коломыйки, гдѣ выражена преданность галицко-русскаго крестьянина къ родинѣ, къ горамъ, къ своему округу, селу. Такъ какъ въ созданіи коломыйки главную роль играли жители коломыйскаго округа, то въ коломыйкахъ естественно видное мѣсто занимаетъ восхваленіе Коломыи и коломыйцевъ.

Горы мои высокія, мушу васъ лишити,
Волѣвъ бы-мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити.

Ой не ма то якъ у горахъ дѣвчата спѣвають,
Ой не ма то якъ у горахъ молодци гуляють.

Ой славная Коломыя та й у межі горами.

Коломыя—не помья, Коломыя мѣсто;
Въ Коломыи дивчатонька, якъ пшеничне тисто.

Коломыець-чорнобрывецъ, та и коломочка:
Якъ була красна няня, а ще краще дочка.

А въ гуцулки чорни очи, якъ тернь на галузѣ,
Биле личко румяненко, якъ калина въ лузѣ.

Какъ извѣстно, простой народъ внимательно относится къ мелкимъ, краевымъ этническимъ различіямъ въ языкѣ и обычаяхъ и выражаетъ это различіе въ поговоркахъ, пѣсняхъ, разсказахъ, большею частью ироническаго свойства. Въ древности поляне подсмѣивались надъ древлянами, новгородцами; въ новое время курскій крестьянинъ разсказываетъ смѣшной анекдотъ про крестьянина орловской губерніи, тулякъ даетъ москвичу насмѣшливое прозваніе, москвичъ рязанцу и т. д.; напримѣръ: осташи-торгаши, новоторы—воры.

То же самое видимъ въ Галиціи. Въ слѣдствіе гористой мѣстности, здѣсь болѣе своеобразія, особенностей между поселеніями, что выражается, между прочимъ, и въ коломыйкахъ. Бойки издѣваются надъ гуцулами, а гуцулы надъ бойками; напримѣръ:

Ой гуцуле, гуцуленьку, гуцуле небоже,
А ни орешь, а не сіешь, пожаль ты ся, Боже!

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломью мелей дорожити.

Ой серака Поланиця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.

Ой гуцуле, гуцуленьку, коганая вѣра:
Твоя жинка у середу соломиу ѣла.

Якъ гуцула не любити? А въ гуцула вивци,
А въ гуцула за поясомъ писани тѣпорци;
Та якъ зачне жинку бити, бича не пытае,
Та якъ утне межи плечи, ажъ душа минае.

Ой гуцулы, гуцуленьки, де-сто бойка ¹⁾ дѣла,
Ци вы его испекли-сте, ци сырого зѣбли?

¹⁾ Въ другой коломыйкѣ „батька“.

Ни мы его испекли-сме, ни сырого зѣбли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го волки зѣбли.

Бойко умеръ, бойко умеръ, бойкови звонили,
Якъ ся бойко зирвавъ зъ лавы, ледво догонили.

Дала мене моя мати за бойка, за бойка,
А у бойка головонька легонька, легонька.

Любопытно въ галицко-русскомъ крестьянинѣ сознаніе, что въ горахъ ему несовсѣмъ хорошо живется и любопытно въ особенности то, что причиной зла считается нѣмецкій режимъ вообще, въ особенности рекрутчина и польскій гнѣтъ.

Ой нема въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по нѣмцєви заваджати буде ¹⁾.

Въ коломыйкахъ открывается своеобразный взглядъ галицкаго русина на «Цесаря»; напримѣръ:

Ой Цесарю, Цесарику, якій же ты глупый,
Убравъ есь мя у камаши, не закрывъ есь дупы ²⁾.

Пѣсня очевидно создана рекрутомъ, молодымъ солдатомъ, которато нарядили въ костюмъ для русина крайне странный, въ штитлеты и въ такую куртку, которая не закрываетъ задней части тѣла. Вообще, коломыйки очень враждебно относятся къ солдатской службѣ; напримѣръ:

Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ,
Якъ не вѣришь, моя мамо, дывыся на ковнѣръ,
Ой ридный мой, каже, брате, та не дай мя взяти,
Не дай мени молодому ручки извязати!
А якъ мени молодому руки извязали.
Тогда маю матионьку водою видлывати.

Ой не треба, дѣвчинонько, жовнѣра любити,
Бо онъ мусить Цѣсарєви десять лѣтъ служити,

¹⁾ Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 300.

²⁾ Тамъ же, стр. 298.

Ой дѣвицѣ молодицѣ скиньтєся по грошу,
Та заплатѣть Цесарєвн, най муидирѣ не пошу

Ой Цесарю, Цесарєнку, Цесарю Францишку,
Пусти мене до домоньку дѣвкамѣ на потишку.

Бодай то-ти карабины отъ сонця згорѣли;
Бо вже въ мене, молодого, плечи заболѣли.

Ой Цесару, Цесарєнку, на що насѣ вербуєшь?
Забравъ турокѣ магазини, чимѣ насѣ выгодуєшь?
Ой буду васѣ годовати вивсяной половой,
Ой буду васѣ высылати цесарской дорогой.
Якѣ мы будемѣ, Цесарєнку, половоньку ѣсти,
То мы будемѣ дороженькой по волєньки лизти.

Какѣ ни тяжєла для галичанина солдатская служба, какѣ ни
противна она ему, ещє болѣе тяжелой и противной является въ
коломыйкахѣ панщина, зависимость отъ польскихѣ помѣщиковѣ:

Ой волю я, пане братє, Цесарю служити,
Какѣ я маю вражимѣ ляхамѣ панщину робити.

Ой чоґо ты поскрипуєшь, яловая хато?
Нема добра въ нашємѣ сєлѣ, бо панивѣ баґато ¹⁾.

Бодай ляхи пановали—въ ходакахѣ ходили,
Що сѣ нами, русинами, тязко наробили!

Породила шєвця вивця, а ляха кобыла,
А русняка неборака мати чернобрыва.

Коломыйки обвиняють єврея въ спаванїи и въ разорєнїи
крєстьянина:

И я не пью, и ты не пїй, та хто буде пити,
Та хто буде на жидивскї сироты робити.

Не давно-мѣ сѣ, товаришу, стали напивати,
Прїйшли жиґды, взяли бычки, часть було впрятати.

¹⁾ Сборникѣ Лукашевича, стр. 138.

Выйдѣть дѣти на улицю, та заплачте ревне,
Най арендарь одурѣе, та й бычки оберне.

Есть одна прекрасная коломыйка, гдѣ, такъ сказать, подведенъ итогъ причинамъ недовольства галичанина Цесаремъ:

Ой Цесарю, Цесарику, шапочка ти срибна,
Не вважаешь, Цесарику, яка та Русь бидна:
Ой, бидна, кажу, бидна, бо пань зидрали,
Ой мали мы сьмо по коровѣ, й то жиды забрали.
Жиды взяли по коровѣ, Цесарь бере дѣти,
Не маемо, Цесарику, що въ Руси сидѣти!

(Гол. т. III, стр. 474).

Въ послѣдней строкѣ находится своего рода угроза или по меньшей мѣрѣ предостереженіе, угроза, яснѣе выраженная въ слѣдующей коломыйкѣ:

Черезъ тии рекрутоньки, черезъ вражи ляхи,
Покинемо свое село, пидемъ въ гайдамахѣ.

Въ одной коломыйкѣ находится такое зловѣщее пожеланіе:

Ой, бодай ти, атамане, та и хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла.

Въ другой коломыйкѣ зловѣщее пожеланіе близко къ осуществленію, судя по началу коломыйки: «запалю я крайну хату на всѣ штыри куты».

Большинство коломоекъ отличается строго бытовымъ характеромъ, точнѣе сказать, представляетъ лишь факты и явленія семейной жизни, родственныхъ отношеній и въ особенности возникновенія и развитія любовнаго чувства въ парняхъ и дѣвушкахъ, томленіе влюбленныхъ въ разлукѣ и радость встрѣчи.

Выраженіе любовнаго чувства парубка и дивчины въ коломыйкахъ иногда достигаетъ большой силы; на примѣръ:

Солодка ма бѣлавице, солодка ма душко!
А нужь сюда мало ближе, най тя шепчу въ ушко!
Рыбка моя золотая; ай меде мій, меде:
Уже намъ ся сего року любитки не веде.

Шумить вода, шумить вода, по каменью гучить:
Кто плакати та й не вмiе, люба го научить.

Не такъ болить, якъ укусить лютая гадина,
Гѳрше болить, якъ счаруе милая дѳвчина;
Якъ укусить гадинонька, знайдешъ въ зѣлю лѳки,
Якъ вчаруе дѳвчинонька, пропадешъ на вѳки.

Загублюся, моя мати, загублю, загублю,
Видколи мя поцоловавъ, видѳтогды го люблю;
Видколи мя поцоловавъ въ личенько биленьке,
Видѳтогды мени личенько, якъ медъ солоденьке.

Якъ я пришла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ смутно свѳчка горить, що милого нема;
Черезъ малу годиночку миленькiй уходить,
Оттакъ свѳчка засвѳтила, якъ зирнычка сходить.

Парубокъ обращается къ своей матери съ просьбой:

Мамко моя солодка, дай ми порадочку,
Ци любити, ци лишити тоту чорнявочку.

Въ другой коломыйкѳ находится отвѳтъ матери:

Даю я ти, милый сыньцю, таку порадицю,
Кедь ти мила, роботлива, возьми чорнявицю.

Въ другихъ коломыйкахъ совѳтъ матери измѳняется:

Ой не бери багацкои, бери си убогу!
Багацкая гордовита, ще до того пышна,
Убогая прихильная, якъ у саду вишня.

Теши, сыну, ясенину, то буде клинье:
Возьми сыну сиротину, то буде газдине!
Не зъ каждой ясенины клинье ся удае,
Не зъ каждой сиротины газдине бувае.

Главнымъ препятствiемъ для женитьбы является недостатокъ денежныхъ средствъ.

Радъ бы-мъ я ся оженити, радъ бы-мъ жену мати,
Прійде зима великая, нѣчимъ зимовати.

Подобнаго рода мысль выражается во многихъ коломыйкахъ;
напримѣръ:

Оженися не журися, гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати цѣловати, а хлѣба не буде.

Оженися, не журися, будешь газдовати,
Ты самъ будешь свини пасти, жона завертати.

Во многихъ коломыйкахъ выражается жалоба дѣвушки на
отсутствіе ея милаго, высказывается желаніе полетѣть зозулей, по-
плыть рыбой, и вернуть его, сѣсть около него, рассказать ему всю
правду, рассказать о заискиваніяхъ нелюба. Какъ Ярославна въ
«Словѣ о полку Игоревѣ», дѣвушка въ коломыйкѣ спрашиваетъ у
вѣтра о мѣстопребываніи ея милаго:

Пытала-мъ ся того вѣтру, що зъ тыхъ сторонъ вѣе:
Скажи мени, де мій милый, та що ся съ нимъ дѣе?

Вызванное отсутствіемъ милаго горестное чувство выражается
различнымъ образомъ; напримѣръ:

Очка мои сивенькіи, то-жъ то вы блудите,
Ой нема вже того тутки, кого вы любите!
Очка мои сивенькіи, въ голову-сте впали.
Вы бы сте вже слёзоньками все море заляли!

Сумна гора безъ явора, безъ зелененького,
Ще сумнѣйше дивчиноньцѣ та безъ миленького.

Иногда дѣвушка овладѣваетъ своей тоской, перемогаетъ ее.

Я милого утратила, та и не журюся,
Хоть велику тугу маю, а не поддаюся;
Та хоть бы-мъ ся якъ журила, жура не поможе,
Ино мою головоньку бильше рознеможе.

Душевное успокоеніе можетъ быть обусловлено вѣрой въ судьбу,
въ Божью волю:

Ой тамъ въ полѣ конопельки, верхомъ зелененьки,
 Мене милый покидае,—вороги раденьки.
 Не тѣшьтеся, вороженьки, що зъ вамъ зъ того буде?
 Та що кому Господь судивъ—не розсудять люде.

Значительное количество коломыекъ представляет несчастную жизнь въ замужествѣ за вдовцемъ, за которымъ «хлѣбъ готовый, сердце засмучено», у котораго «борода коле», одно дитя просить ѣсть, другое пить, третье покачать.

Многія коломыйки представляют насмѣшку надъ увлеченіями молодыхъ людей и слабостями людей старыхъ; наприкладъ:

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
 Ой у Бога надіечка, що ще душа чиста.

Ой косити, молотити я то не змагаю,
 А дѣвчата обіймати, то я добре знаю.
 Болить мене головонька, болить мя плечима,
 Треба, треба ми дохтура съ чорными очима!

Надулася дѣвчинонька, якъ жидивскій индыкъ,
 Не озме и багацькій сынъ, хйба якій винникъ.

Въ церкви звонять—баба глуха,
 Въ корчмѣ грають—баба слуха:
 А де жъ мой ходачищи?
 Я бы-мъ пишла до коршмыщи.

Въ коломыйкахъ часто блеститъ чистая поэзія, проявляющаяся или въ яркости и выразительности взятаго изъ внѣшней природы образа, или въ силѣ и искренности проявленія чувства; наприкладъ:

Уже солнце на запади, уже ся спущае,
 Мисяченько на востоцѣ ему ся всмѣхае.

Свѣтитъ солнце, свѣтитъ солнце, на хату лиле,
 Ой вже нема та й не буде, на кого надія.

Цвѣтуть въ лѣсѣ красне зѣля, де медь бере пчола,
Ой я той медь въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлюю.

Ой не лѣтай, воробею, по пидь чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

Послѣдняя коломыйка нуждается въ объясненіи. Коломыйка запѣта въ курной хатѣ, гдѣ потолокъ закоптился. Воробей, летая, можетъ прикосновеніемъ своихъ крыльевъ струсить сажу на приготовленную для любимаго человѣка постель. Прекрасный поэтический образъ!

Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты зоре ясна,
Передь тыми воротами, де дивчина красна!

Оѣ засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мій миленькій на ничь изъ волами.

Ой заходить то сонечко за терновый садокъ:
Не знаешь ты, мій миленькій, килька въ мене гадокъ.
Ожъ бы усѣ звѣзды зъ неба писарями стали,
Та еще бы мои гадки не переписали.

Ой Боже жъ мій милостивый, яка я несчастна,
Уже жъ моя зоря ясна на небѣ загасла!
Моя зоря уже згасла, друга засвѣтила,
Ой Боже-жъ мій милосердный, якъ я несчастлива.

Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!
Завѣю ти, дѣвчинонько, та й попередь хаты,
Не розвѣю, не рознесу, шо ти мавъ Богъ дати.

Галицко-русскій народъ очень дорожитъ коломыйкой, какъ такой пѣсней, котаря улаждаетъ и веселитъ «засмученное сердце», прогоняетъ тугу, иногда заставляетъ задуматься, иногда вызоветъ тихія, успокаивающія сердце слезы, иногда уноситъ мысль, чувство и воображеніе въ «свѣти далекіи». Все это выражено въ самыхъ коломыйкахъ:

Якъ-бы не тѣ коломыйки, бувъ бымъ вже загинувъ,
 Бувъ бымъ зъ горя та зъ недоли давно свѣтъ покинувъ:
 Но якъ сердце мое тужить, горюе, сумуе,
 Та якъ собѣ заспѣваю,—уже не бануе.

Нема танцю на всѣмъ свѣтѣ, якъ та коломыйка:
 Она душу вырывае зъ моего серденька,
 Якъ заграю, заспѣваю, туга исчезае,
 Бо то наша коломыйка таку силу мае.

Заграй же мени, музыченьку, бѣлыми пальцами,
 Най я собѣ потанцюю зъ чорными бровами!
 Ой у тебе, музыченьку, руки золотыи.
 Тожъ ты душу потягаешъ въ свѣти далекіи.

Гей плыву я по Дунаю,
 И такъ се думаю:
 Нема крацихъ спѣваночокъ,
 Якъ у нашимъ краю!
 Ой нема-жь то, ой нема-жь то,
 Якъ руська краина,
 Тамъ спѣвае коломыйки
 Каждая дѣвчина.

Руська наша коломыйка, хоть она дрибойка.
 Она мила, а все щира—мени солодойка,
 Якъ я начну коломыйки спивати, спивати,
 Затужинь ты и заплачешъ, та й станешъ думати.

Такая высокая оцѣнка коломыйки, сдѣланная самимъ народомъ, представляетъ тѣмъ болѣе любопытное явленіе, что ранѣе народъ не объектировалъ своихъ поэтическихъ произведеній настолько, чтобы самостоятельно ихъ оцѣнить въ пѣснѣ-же. Фактъ самостоятельной оцѣнки коломыйки галицко-русскимъ народомъ свидѣтельствуеетъ о большой силѣ его поэтического творчества и самосознаніи.

Нельзя не пожелать въ заключеніи статьи о коломыйкахъ, что-бы современное состояніе народнаго пѣсенотворчества было приведено въ извѣстность. Необходимо-бы притомъ, что собраніе па-

мятниковъ народнаго пѣснотворчества было распространено въ Россіи повсемѣстно, съ соблюденіемъ научныхъ требованій относительно сохраненія и вѣрной передачи всѣхъ чертъ и особенностей, даже искаженій и ошибокъ, въ словахъ и въ размѣрѣ. Въ научномъ отношеніи важно знать областныя, краевыя проявленія пѣснотворчества. По весьма основательному замѣчанію А. Н. Пыпина, «при общихъ мотивахъ преданіе (или пѣсня) чрезвычайно разнообразно, представляетъ множество варіацій; каждая мѣстность, каждый отдѣлъ племени несетъ свой оттѣнокъ старины, свой мѣстный складъ обычая и поэтическаго творчества, и именно изученіе этого разнообразія бытовыхъ и поэтическихъ явленій можетъ принести наукѣ любопытнѣйшіе результаты, какъ слѣдъ, старой народной исторіи». Собираніе, записываніе пѣсень, преданій, рассказовъ изъ народныхъ устъ идетъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Малороссіи, хотя совершается людьми различнаго образованія, различной научной подготовки, по различнымъ мотивамъ, большею частью въ силу пробудившагося въ обществѣ стремленія къ изученію народнаго быта. Въ специальныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», появляются время отъ времени небольшія, но цѣнныя по точности, записи народныхъ пѣсень. Недавно П. В. Шейнъ въ этнографическомъ отдѣленіи русскаго географическаго общества обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ собирателей памятниковъ народнаго творчества, В. Н. Добровольскаго, записавшаго въ 6 уѣздахъ смоленской губерніи болѣе 3000 пѣсень, сказокъ, заговоровъ и т. п., и Н. Е. Бера, занимающагося не только записываніемъ, но и переложеніемъ пѣсень на музыку («Свѣтъ» 1886 г. № 27). Д. И. Эварницкій года три назадъ записалъ въ харьковской губерніи много пѣсень. Харьковское историко-филологическое общество два года назадъ приобрѣло покупкой отъ г. Манжуры объемистый сборникъ народныхъ пѣсень, преданій и рассказовъ. П. В. Ивановъ собралъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи много дѣтскихъ пѣсень и игръ. Все это еще ждетъ изданія. Но если желательно, чтобы собираемый матеріалъ не залеживался въ частныхъ рукахъ и въ рукописныхъ сборникахъ обществъ, то еще болѣе желать надо, что бы онъ былъ издаваемъ съ необходимыми комментаріями, съ указаніемъ сходнаго или тождественнаго въ двухъ сборникахъ, дабы не повторился

случай, бывший при изданіи «Рокисіа» Кольберга, который, упустивъ изъ виду громаднѣйшій сборникъ г. Головацкаго, привелъ массу пѣсенъ, тождественныхъ съ пѣснями, изданными г. Головацкимъ. Отдѣльнымъ труженикамъ собирателямъ пѣсенъ нельзя ставить въ обязанность приводить ихъ въ систему и выдѣлять варианты. Это дѣло трудное, требующее значительной научной подготовки, хорошихъ книжныхъ пособій; успѣшное его выполненіе возможно только при доставляемыхъ столичными библіотеками книжныхъ средствахъ и при совокупныхъ усиліяхъ многихъ лицъ или ученыхъ обществъ. Въ западной Европѣ дѣло собиранія и изданія памятниковъ народнаго поэтическаго творчества и ритуала хорошо поставлено. Достаточно указать на общество Folk—lage, ученое братство, своего рода цехъ, не только издающій этнографическія изслѣдованія и матеріалы, но и поддерживающій между самими научными дѣятелями начала взаимной помощи и содѣйствія. Въ славянскихъ земляхъ въ сходномъ направленіи дѣйствуютъ академіи и матицы, въ Россіи—географическое общество. Въ послѣдней книжкѣ Извѣстій этого общества (1885 г. т. VI стр. 480—500) въ любопытной статьѣ А. Н. Пыпина «о задачахъ русской этнографіи» читаемъ: «Прежнее этнографическое собираніе, всего чаще случайное, диллегантское, частичное, иногда просто крохоборное, должно смѣниться организованнымъ изслѣдованіемъ, простирающимся на всѣ основные типы и мѣстности населенія и производиться людьми научно приготовленными... Многостороннее и правильное... (этнографическое) изученіе необходимо не только для цѣлей чистой науки, но и для внутренняго и пракческаго самосознанія; успѣхи этого изученія считаются теперь требованіемъ и условіемъ самого національнаго достоинства». А. Н. Пыпинъ высказываетъ при этомъ пожеланія, къ которымъ нельзя не присоединиться, именно чтобы въ университетахъ слушателямъ предлагались теоретическія наставленія о правильномъ собираніи народной старины, чтобы основалось спеціальное изданіе, посвященное этнографіи, основаны и расширены были музеи, а этнографическое отдѣленіе географическаго общества взяло на себя трудъ организациі ученыхъ экспедицій, създовъ, сосредоточенія и изданія крупнаго матеріала, библіотечныхъ работъ и т. д.

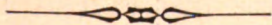
Н. Ѳ. Сумцовъ.

Въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8), кромѣ экземпляровъ журнала 1882—1885 гг., высылаемыхъ съ уступкою до 20%, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя ея изданія:

1) Записки гофмейстера П. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосвѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ г. Стасюлевича и въ
Харьковѣ въ книжномъ магазинѣ г. Хаввина и г. Полуехтова.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Ѳ. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. Ѳ. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 3) Иоанникій Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Иннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ.
1884 г. Цѣна 25 коп.
- 6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г.
Цѣна 40 коп.
- 7) Религіозно-миѣическое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г.
Цѣна 40 коп.
- 8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 9) Иоаннъ Вышенскій. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 10) Опытъ объясненія пѣсни о Журигѣ. 1885 г. Цѣна 10 коп.
- 11) О вліяніи греко-римскаго ритуала на малорусскую свадьбу.
1886 г. Цѣна 40 коп.
- 12) Научное изученіе колядокъ. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 13) Досвѣтки и посидѣлки. 1886 г. Цѣна 40 коп.
- 14) Коломыйки. 1886 г. Цѣна 40 коп.

304

3

Н. О. Сумцовъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, кн. III).

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гиндбургъ.
1889.

Printed in Russia.

Н. Θ. Сумцовъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, кн. III).

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Ганцбургъ.
1889.

27233.61.5

Grant Fund

11

Этнографическія замѣтки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одна отрасль знаній не представляетъ такого обилія мелкихъ и разрозненныхъ фактовъ и наблюденій, какъ этнографія. Широкая область этой науки и въ высшей степени сложный матеріалъ, подлежащій ея вѣдѣнію, даетъ основаніе какъ для разнообразныхъ построеній общаго характера, такъ и для массы специальныхъ работъ. Люди науки собираютъ и группируютъ этнографическіе факты, согласно съ главными проявленіями народнаго міросозерцанія, морали и быта. Въ результатъ получаютъ болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія о семейно-родственныхъ отношеніяхъ, демонологіи, народной медицинѣ и пр. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ наплываетъ новый матеріалъ, и между прочимъ такой, который не можетъ войти въ цѣльную систематическую работу, какъ законное и необходимое явленіе въ общемъ строѣ народной жизни, матеріалъ мелкій, отрывочный и своеобразный. Но и этотъ матеріалъ, вынесенный новѣйшимъ фольклоромъ изъ глубины народнаго быта, заслуживаетъ вниманія и объясненія, сначала хотя бы частнаго, мелко монографическаго, пока явится возможность поставить его въ связь съ другими однородными или сходными этнографическими данными.

Предлагаемыя вниманію читателя этнографическія замѣтки болѣею частью относятся, именно, къ мелкому или новому этнографическому матеріалу и составляютъ какъ бы продолженіе тѣхъ статей о культурныхъ переживаніяхъ, кото-

рыя были напечатаны мною въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 и 1889 гг. Однѣ изъ этихъ замѣтокъ по самой, такъ сказать, природѣ своей, по характеру трактуемаго предмета, не поддаются подробному специальному изслѣдованію; для широкой разработки другихъ нѣтъ подъ руками научныхъ пособій. Авторъ первый порадуется, если предстоящія замѣтки вызовутъ появленіе новаго этнографическаго матеріала или болѣе подробныя спеціальныя изслѣдованія по затронутымъ вопросамъ.

1. Сонъ-трава (*Anemone pratensis*) въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ.

Въ настоящее время наука насчитываетъ много различныхъ приемовъ искусственнаго усыпленія, начиная отъ употребленія внутрь сока усыпительныхъ растений и кончая таинственной силой гипнотическаго внушенія. Отъ наблюдательности народа не могло скрыться усыпляющее свойство нѣкоторыхъ травъ и манипуляцій массажа. Одно изъ раннихъ весеннихъ растений украинской флоры *Anemone pratensis* получило названіе „сонъ-трава“. Существованіе такого названія повлекло за собой соответственныя народно-поэтическія сказанія, пѣсни и повѣрья. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ украинской флорѣ *Рювича*, *Горнишкію* и особенно *Шмальгаузена* подробно обозначены ботаническія разновидности этого растенія безъ указанія на то, обуславливается ли его названіе дѣйствительнымъ свойствомъ усыплять человѣка, или мы здѣсь имѣемъ дѣло лишь съ голымъ названіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ народныхъ повѣрій объ усыпляющей силѣ растенія.

Въ народныхъ повѣрьяхъ травѣ-сну приписывается пророческое значеніе; если положить ее на ночь подъ изголовье, то она покажетъ человѣку судьбу его въ сонныхъ видѣніяхъ (*Маркевичъ*, Обыч. и повѣр., 29). Сонъ-трава вошла въ колыбельныя и историческія пѣсни. Такъ, въ превосходной колыбельной пѣснѣ поется:

Ой, ешы, дѣти, бѣзь опыты,
Поки маты въ поля прѣйде,
Та принесе тры кыштоуны:
Одна буде *дримлосая*,
Друга буде *сомысая*,
Третья буде *шаслывая* (Чуб. IV, 26).

Въ старинной думѣ о походѣ Сверчовскаго въ Волощину (1574 г.) сонъ-трава является символомъ горя и смерти, вѣроятно, подѣ влияніемъ обычнаго народно-психическаго сближенія сна и смерти. Послѣ смерти „пана Свирговскаго“—

Плакала стара баба Грыщыха,
Мовъ перепелыха, мовъ перепелыха;
Молодая сетра *сонъ-траву* ирвала,
Старую пытала, старую пытала:
„Чи той *сонъ-трава* козацькая сыла,
Чи той *сонъ-трава* козацька могыла?“
— Ой той *сонъ-трава*, голубонько,
Зростывся у поли,
Та піймала ту траву недоля
Та дала мойй дони.
Ой, доня жь моя, доня,
Годи сумоваты,
Що нашого молодого Йвана
У могыли шукаты и пр. (Ант. и Драл., I, 160).

Этотъ пѣсенный мотивъ заключаетъ въ себѣ, повидимому, глубоко-древнее повѣрье о томъ, что сонъ-трава находится въ распоряженіи злой силы, недоли, бѣса. Въ древней лѣтописи и въ Печерскомъ Патерикѣ повѣрье это приурочено къ житію св. Маттея: „Бѣ же старецъ Матеей... провордиль. Единоу бо ему стоянцю въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, поврѣ по братыи, иже стоять поуще по обѣма странама, видѣ обходяща бѣса, въ образѣ ляха, въ лудѣ, и носяща въ приколѣ цвѣтвы, иже глаголется лѣпокъ, и обиходи подлѣ братью, взимая изъ ложа лѣпокъ, вержаше

на кого-либо: аще прильняше кому цвѣтожь въ поущихъ отъ братья, мало постоявъ и раслабленъ умомъ, вину створи каку-либо, изидаше изъ церкви, шедъ въ келью и усняше, и не возвратяшется въ церковь до отпѣтья“... (*Дитоп.* Лаврент. сп., изд. 1872, 185). Въ Патерикѣ Печерскомъ бѣсъ является въ видѣ воина, „носяща въ восприиміи ризномъ цвѣты липція, иже взимая нѣкое зло на цвѣтокъ, верзаше его на кого-либо“ (*Патер.*, ри). Въ вариантѣ повѣрья, находящемся въ Патерикѣ, обнаруживается уже толкованіе повѣрья: зло заключается не въ цвѣткѣ, а положено на цвѣтокъ. *Ө. И. Буслаевъ* въ статьѣ о живописныхъ изображеніяхъ страшнаго суда (*Ист. оч. II, 136*) и *г. В. Яковлевъ* въ сочиненіи о древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ (102—103) указали на сходныя житейныя сказанія и живописныя изображенія, причемъ мѣсто цвѣтка занимають стрѣлы (въ Скитскомъ Патерикѣ) или кошельки (у Іоанна Мосха). *Г. Яковлевъ* замѣчаетъ, что „въ бросаніи дьяволомъ въ людей снотворнаго зелья или цвѣтка можно предполагать общецарійское народное повѣріе, до сихъ поръ сохранившееся въ Малороссіи“, и ссылается при этомъ на указанную выше колыбельную пѣсню: „Ой, спы, дитя“ (*Яковл.*, 103). Позднѣе, *г. Мандельштамъ* въ „Опытѣ объясн. обыч.“ (296) сближалъ лѣтописное сказаніе о св. Матееѣ съ народными повѣрьями о сонѣ-травѣ. Мы полагаемъ нужнымъ въ ряду общихъ сравненій подчеркнуть сходство недоли въ думѣ о панѣ Свирговскомъ съ бѣсомъ легенды о св. Матееѣ, что ранѣе упускалось изъ виду. Сомнительно, чтобы въ украинской думѣ отразился указанный легендарный мотивъ, и скорѣе можно присоединиться къ тому мнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ одну изъ многочисленныхъ въ старину подробностей сложнаго мнѣческаго образа Горя-Злочастія, Недоли, Злыдней. Повидимому, трава сонѣ входилъ въ кругъ сказаній и повѣрій о Недогѣ; изъ области мнѣческихъ сказаній онъ проникъ въ житіе о св. Матееѣ и позднѣе въ думу о походѣ Сверчовскаго. Въ новѣйшее время, съ переходомъ мнѣческаго образа Горя-Злочастія въ простое олицетвореніе и съ послѣ-

довавшимъ затѣмъ забвеніемъ самого олицетворенія, забыто также повѣрье о связи сонь-травы съ бѣдой и смертью.

Въ старину (XVIII ст.) существовало вѣрованіе, что съ цвѣткомъ можно передавать недугъ отъ одного лица къ другому, и потому считалось опаснымъ брать или давать цвѣты незнакомымъ лицамъ. Въ 1750 г. дворянинъ Поляковскій и крестьянинъ Сусленко жестоко избили дворянку Лучевскую, заподозрѣвъ ее въ чародѣйствѣ вслѣдствіе того, что она передала своему ребенку цвѣтокъ, который взяла изъ рукъ ребенка Сусленка (*Антон.*, Колд. 451). Эта подробность имѣеть, очевидно, отношеніе къ приведенному выше мѣсту изъ думы о Сверчовскомъ, гдѣ Недоля даетъ цвѣтокъ, именно сонь-зилье, и причиняетъ такимъ образомъ горе и несчастье.

Весной топчуть сонь-траву, приговаривая: „щобъ на той годъ дождаты сону топтаты“ (*Новос.*, Lud II, 146; *Ефим.*, Закл. 34; *Номисъ*, Приказки). Чаше топчуть рясть (*coyda-lis*)—обыкновенное растеніе, въ изобиліи появляющееся ранней весной въ рощахъ.

Можетъ быть, обычай топтать сонь-траву или рясть и повѣрья о цвѣткѣ Недоли стоятъ въ связи съ древними религиозно-мифическими представленіями о землѣ, какъ всеобщей матери, супругѣ неба, о растеніяхъ, какъ волосахъ земли (подробно у *Аванасьева*, Повт. возвр. слав. II, 135—150).

Въ числѣ украинскихъ народныхъ рассказовъ о сонь-травѣ выдѣляется слѣдующій, высоко-поэтический и оригинальный по содержанію. У всѣхъ цвѣтовъ есть мать; не имѣеть матери только сонь-трава; у него злая мачеха; ежегодно она выгоняетъ его изъ земли ранѣе, чѣмъ поважуются какіе либо другіе цвѣточки. „Сонь, сонь, ступай вонь,—говоритъ она,—бо вже вси цвитки зацвилы, тилько тебе нема“, и послушный сонь вылазитъ изъ земли, оглядывается по сторонамъ и не видитъ ни одного товарища. Свѣситъ тогда онъ свою умную головку на бокъ, какъ сиротка, и дремлетъ до тѣхъ поръ, пока не появятся его товарищи: новельцы (*Anemone ranunculoides*), медуники (*Pulmonaria*), фіалки и др. (*Rulikowski*, Zbiór wiadom do Antrop., Краковъ, III, 98).

Къ этому разсказу о мачехѣ сонь-травы можно присоединить слѣдующій сказочный мотивъ. Одна женщина полюбила змѣя и хотѣла выдать ему своего брата; но братъ убилъ змѣя, а сестру засадилъ въ глубокой погребъ. „Прошло вже съ того часу не сто и не тысяча лѣтъ, а сестра Иванова усе соби пидъ землею десь плаче дай плаче. Вона вже не одынъ цеберъ (ушатъ) наплакала, такъ що слѣзы и ажъ на сей свить сходятъ. Аже-жъ оце чога, якъ тилько сонечко зажеврѣе, то по всякому дереву и по всякій быльни роса и выстугае? Оце жъ не що, якъ тѣ слезы Галины; да тилько вони таки гришни, що и дерево ихъ не прыймае: усе до долу скапують дай скапують. Галя, може, струхла тамъ у земли по сей часъ, а слидъ ии на земли таки зостаеся“ (*Родченко*, Юж.—р. ск. I, 138; варианты безъ слезъ Гали у *Чуб.*).

Сходныя поэтическія сказанія встрѣчаются у литовцевъ. Поклусъ (литов. Плутонь), принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Сказаніе это записано литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и нуждается въ провѣркѣ. Крашевскій воспроизвелъ это сказаніе въ поэмѣ „Витолерауда“ (*Вилси. Вѣсти*. 1889, 75; *Этногр. Обзор.* 1889, II, 197).

Образцовымъ сказаніемъ по разбираемому поэтическому мотиву служить гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Варианты этого гимна встрѣчаются у многихъ древнихъ авторовъ. Содержаніе гимна извѣстно: Плутонь, съ согласія Зевса, похитилъ Персефону, дочь Деметры. Иліосъ открылъ Деметрѣ похитителя ея дочери. Тогда раздраженная богиня оставила Олимпъ, спустилась на землю и, принявъ видъ старухи, поселилась въ Елевсинскомъ храмѣ. Боги постановили, что Персефона треть года будетъ проводить въ Эребъ, а двѣ трети на Олимпѣ съ своей матерью. Учредивъ въ Елевсинѣ мистеріи, Деметра возвратилась на Олимпъ. Мнѣ о похищеніи Персефоны очень часто служилъ древнимъ художникамъ сюжетомъ для произведеній искусства. Увлекаемую Плутономъ дочь Деметры можно видѣть на надгробныхъ памятникахъ, на вазахъ и на различныхъ украшеніяхъ. Среди

греческаго народа до недавняго времени встрѣчались разсказы, напоминающіе своими мотивами гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Ленорманъ сообщаетъ подобнаго рода сказку, которую онъ слышалъ отъ старика священника въ Елевсинѣ (*Новосадскій*, Елевс. мистеріи, 31, 32, 38). Въ древнее и въ новое время высказаны были различныя толкованія мѣся о Деметрѣ и Персефонѣ. Одно толкованіе—лунарное (Варронъ Реатинскій, *Виргилій*, неоплатоники Порфирій и Ямвлихъ, Ленорманъ). Въ силу этого толкованія мѣся о Деметрѣ и Персефонѣ изображаетъ луну и разныя ея фазы. По другому толкованію, мѣся этотъ представляетъ собой нисхождение душъ въ подземный міръ и затѣмъ восхождение ихъ въ міръ свѣта, Геліоса (неоплатоникъ Саллюстъ). Третье мѣняіе (*Новосадскаго*) состоитъ въ томъ, что мѣся выражаетъ борьбу добра со зломъ въ мірѣ, смѣну горя и страданій въ жизни человѣка, спокойной, но непрочною радостью. Прочіе всего укрѣпилось въ наукѣ теллурическое толкованіе, по которому мѣся о похищеніи Персефоны является аллегорическимъ представленіемъ того, какъ брошенное въ землю зерно опять возвращается къ жизни въ видѣ растенія. Съ такой точки зрѣнія объясняли этотъ мѣся Корнута, Цицеронъ, С. Кроа и мн. др. (*Новосад.* 33—35). Персефона (или Кора) — это яркая, великолѣпная растительность весны, которая вянетъ и исчезаетъ осенью, такъ какъ листья цвѣтовъ и растеній возвращаются въ землю, откуда вышли. Гадесъ, богъ невидимаго міра и подземнаго мрака, похищаетъ молодую дѣвушку у матери, и затѣмъ она возвращается на время—это возвращеніе растительности весной (*Леру*, Словарь гомер. мѣеол. 38).

Поэтическій мотивъ о похищеніи Персефоны послужилъ темой для произведенія Шиллера: „Жалоба Цереры“. Здѣсь поэтъ говоритъ о цвѣтахъ:

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страню дна.

Малорусское сказаніе о сонѣ-травѣ по основному содержанию, напоминаетъ греческія народныя преданія о похи-

щеніи Персефоны и далѣ „Жалобу Цереры“ Шиллера. По-видимому украинская мачеха сонъ-травы—вариантъ древне-греческой Деметры. Исключая возможность заимствования поэтического мотива о мачехѣ сонъ-травы, я готовъ признать, что этотъ мотивъ возникъ у малоруссовъ самостоятельно, подъ вліяніемъ религіознаго и поэтическаго воззрѣнія на землю, какъ всеобщую мать, попечительную и заботливую, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ на недоброжелательную мачеху.

Повѣрье объ усыпляющей сонъ-травѣ встрѣчается въ Германіи. Оно вошло, между прочимъ, въ Эдду: подъ голову Брунгильды кладутъ сонъ-траву, отчего она вскорѣ засыпаетъ. Въ числѣ германскихъ растений есть Schlafkump. Въ Тироли подъ подушку кладутъ Schlafapfel, чтобы сонъ былъ спокойный (*Манильшт.* Опытъ объясн. обычаевъ, 297 *).

2. Розмай—зилье.

Н. И. Костомаровъ въ диссертациі объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (1843) высказалъ предположеніе, „что розмай-зилье—баснословное растение. Проф. А. А. Потебня въ IV т. „Къ ист. звуковъ“ (стр. 50) замѣчаетъ, что „розмай—зилье, можетъ быть, гдѣ либо приурочено къ туземному растенію, но по происхожденію есть зап.—слав. (хорв. и др.) rozmárgia, т. е. розмаринъ“. Въ малорусской пѣснѣ говорится: „ще до гаю не дійшла, розмай—зильечко знайшла“ (*Чуб.* V, 414), причемъ, очевидно, розмай—зилье относится къ какому-то туземному растенію. Южно-славянское растеніе розмаринъ проникло въ Германію и западно-славянскія страны; оттуда оно далѣе перешло и къ галицкимъ русскимъ подъ названіемъ розмарія, а въ Малороссію уже подъ названіемъ розмая, вѣроятно, съ мѣстными приуроченіями, причемъ народная фантазія воспользовалась этимъ именемъ и ввела его въ пѣсни и повѣрія

*) Осетины свотворное значеніе приписываютъ лѣвому крылу летучей мыши, которое потому и называется у нихъ соняныиъ. Его кладутъ подъ голову ребенка, если сонъ беспокойный. *Вс. Миллеръ, Осет. этюды, II, 291).*

Творческая сила народнаго воображенія выразилась въ данномъ случаѣ на усвоеніи и развитіи поэтическихъ мотивовъ о розмаринѣ, при отсутствіи самаго растенія. Розмаринъ (морская роса)—название небольшого кустарника, растущаго въ изобиліи на островахъ Адриатическаго моря, въ Далмаціи, мѣстами въ Италіи, Сициліи, Корсикѣ и Франціи. Розмаринъ не выноситъ холоднаго климата, и въ Россіи разводится только въ оранжереяхъ. Изъ розмарина извлекается душистое масло, которое идетъ въ подмѣсъ къ венгерскимъ винамъ и въ особаго рода одеколонъ—„aqua della regina“ (*Die Natur*, 1879 № 51; *Анненковъ*, Ботан. словарь, 150). Розмаринъ входилъ уже въ древне-римскій свадебный ритуалъ, какъ украшеніе для невѣсты. Въ настоящее время въ Германіи невѣста украшаетъ голову розмариномъ (*Rossbach*, *Die röm. Ehe*, 232). У чеховъ и поляковъ розмаринъ служитъ символомъ дѣвства (*Kolberg*, *Lud VI*, 55). Въ Чехіи розмаринъ идетъ на вѣнокъ невѣсты и на украшеніе гривы и хвоста свадебныхъ лошадей *Sumlork*, *Staroč. Obuč. I*, 365). Въ Малороссіи и въ Галиціи роль розмарина на свадьбахъ играетъ барвинокъ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обр., 184). Костомаровъ высказалъ мнѣніе о приворотномъ значеніи розмай—зилья, что находитъ подтвержденіе въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка, найдя розмай—зилье, полоскала его на рѣкѣ,

Прыставляла въ горильци,
Полоскала на меду,
Прымовляла до ладу,
Прысунула до жару
Козакови до жалю:
Кыпы, кыпы, коринець,
Поки прыйде молодець;
Ще коринець не вкыпивъ,
Вже молодець прилетивъ. (*Чубин V*, 414;
Новос. II, 146).

Украинская народная поэзія заключаетъ въ себѣ указаніе, что розмаринъ и лилія выросли на могилахъ двухъ лю-

бовниковъ. (Мотивъ: дерево, трава или цвѣтокъ вырастаетъ на могилѣ любовниковъ—весьма распространенъ въ поэзіи разныхъ народовъ, причемъ растеніе, происшедшее такимъ образомъ, большею частію получаетъ приворотное любовное значеніе). Въ одной малорусской пѣснѣ говорится о двухъ сосѣдкахъ: у одной былъ сынъ Яничко, у другой дочь Ганочка. Молодые люди полюбили другъ друга, и мать Янички покровительствовала имъ; но зато мать Ганочки стала поперекъ ихъ любви. Яничка умеръ съ горя, а Ганичка утопилась. Яничка былъ похороненъ съ одной стороны церкви, а Ганичка съ другой; на могилѣ Янички выросъ розмаринъ, а на могилѣ Ганички—прекрасная бѣлая лилія, которая поднялась выше церкви (*Костомаровъ*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 29). Въ вариантѣ этой пѣсни, также галицкомъ, говорится:

Едно поховали powyше костела,
Друге поховали пониже костела;
На едномъ выросла ружа и шалвія,
На другимъ выросла дробна розмарія;
А тоты квитки въ едно ся зростали,
Жебы люде знали, же ся любовали (*Голов. III, 254*).

Этотъ поэтическій мотивъ встрѣчается у многихъ народовъ. Психари и Гедозъ указали на ирландскую легенду о двухъ умершихъ любовникахъ, надъ которыми выросли и переплелись деревья. Новогреческое сказаніе такого же рода, причемъ повредила мать любовника; надъ его могилой выросъ кипарисъ, а надъ его возлюбленной розовый кустъ. Сюда же относится средневѣковое сказаніе о Тристанѣ и Изольдѣ, серболужицкое, сербское, 3 пѣсни венгерскія, пѣсня болгарская, 3 албанскія пѣсни, пѣсни шведскія, португальскія, итальянскія, пѣсня румынская, китайскій рассказъ и др.—всего около 25 сходныхъ вариантвъ, указанныхъ названными авторами (*Melusine*, 1888 №№ 3, 4, 6). Въ малорусской поэзіи извѣстно нѣсколько пѣсенъ и сказаній даннаго мотива (въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, въ VIII т. *Zbiór wiadom.*, у Костомарова въ „Бесѣдѣ“ 1872 г. и др.)

Въ поэзіи западныхъ и южныхъ славянъ розмаринъ часто упоминается. Въ сербскихъ пѣсняхъ съ розмариномъ сравнивается дѣвушка-невѣста (*Вукъ Караджичъ*, I, 33).

3. Жемчужная трава.

Жемчужная трава — фантастическое растеніе. Изрѣдка оно встрѣчается въ галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ черная гора не родила ни жита, ни пшеницы, а родила она жемчужную траву, золотую рясу. Гордый молодецъ пустилъ коня въ жемчужную траву, а самъ заснулъ. Буйные вѣтры зашумѣли въ жемчужной травѣ и разбудили молодца. Онъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ на охоту за крупнымъ звѣремъ, за чернымъ туромъ (*Костомаръ*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 48—49). Въ этой колядкѣ, повидимому, слито нѣсколько разнородныхъ мотивовъ, именно: апокрифическій—о черной горѣ и жемчужной травѣ, мѣологическій—о золотой рясѣ и историко-бытовой—объ охотѣ на тура.

На христіанскомъ востокѣ въ древности было весьма распространено преданіе о плачѣ Богородицы и о слезахъ, пролитыхъ Ею по Спасителѣ, которыя обращались потомъ въ вещественные предметы. Уже у Даніила Паломника читаемъ: „Мѣсто, идѣ же плакала Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томъ. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, текуще въ слѣдъ Христа и глаголаше въ болѣзни сердца своего слезящи: камо идеши чадо мое?“ и пр. (*Мочульскій*, О Голуб. Книгъ 168). Въ связи съ этимъ христіанскимъ преданіемъ о плачѣ Богородицы находится легенда о томъ, что слезы Ея обращались потомъ въ вещественные предметы. Туземцы и даже пришлые поклонники собираютъ въ долинѣ Иордана въ какой-то травѣ родъ мелкихъ бѣловатыхъ камешковъ или ракушекъ, дѣлаютъ изъ нихъ четки и потомъ продаютъ ихъ повсемѣстно на востокѣ, называя ихъ четками изъ слезъ Богородицы (*ib*, 168). Жемчужная трава галицко-русской колядки, выросшая на черной горѣ, соотвѣтствуетъ плакунъ-травѣ великорусскаго стиха о Голубиной книгѣ.

Золотая ряса встрѣчается во многихъ пѣсняхъ малорусскихъ, великорусскихъ, сербскихъ, польскихъ и др. Большое количество пѣсень съ золотой рясой приведено въ соч. А. А. Потебни: „Объясн. малор. и сродн. пѣсень“, II, 455—471. Въмѣсто рясы часто встрѣчается роса. О значеніяхъ того и другого слова см. въ томъ же соч. проф. Потебни 465—466. О мнѣическомъ значеніи пѣсенной росы см. еще у Афанасьева въ „Поэт. возвр. слав.“ I 604, II 277, 281, III 490—495.

Подробность объ охотѣ на тура—историческая, о чемъ см. мое соч.: „Турь въ народной словесности“.

4. В а с и л ь к и.

Трава и цвѣты васильковъ (*Oscimum basilicum*) пользуются у малороссовъ и другихъ славянъ, преимущественно южныхъ, большимъ уваженіемъ. Въ Малороссіи разводятъ это растеніе въ огородахъ и садахъ независимо отъ того, что оно растеть здѣсь и въ дикомъ состояніи. Цвѣты васильковъ затыкаютъ за иконы; въ день Воздвиженія Креста украшаютъ въ церкви крестъ васильками; изъ васильковъ часто дѣлаютъ церковное кропило. Въ Харьковской губерніи кладутъ въ воду васильки, когда купаютъ дѣтей, страдающихъ желтяницами. Кромѣ того, отваромъ этого растенія въ Малороссіи поятъ при внутреннемъ жарѣ и при лѣченіи отъ запоя (*Горничикій*, Замѣтки объ укр. флорѣ, 113).

У болгаръ, сербовъ и хорватовъ васильки также идутъ на кропила при освященіи воды; букетъ изъ васильковъ кладутъ въ дѣтскую колыбель и на гробъ умершаго: такъ что это пахучее растеніе является неизмѣннымъ спутникомъ южнаго славянина въ теченіи всей его жизни (*Die Natur*. 1879, № 51).

Въ народной словесности малорусской (и сербской) василекъ является символомъ святости, чистоты, привѣтливости и учтивости (*Костомар.*, Объ ист. зназ. р. н. поэт. 1843, 30). Не смотря на греческое названіе этого растенія, въ Малороссіи существуетъ нѣсколько пѣсень, въ которыхъ названіе цвѣтка сближено съ именемъ Василія; напр., въ

одной пѣснѣ дѣвушка говорить: „посѣю я васильки, буду поливать; приходи, Василь, буду тебя принимать“ и проч. (*Костомар.*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 25). Въ одной свадебной пѣснѣ „идѣ василькомъ слюбъ берутъ“ (*Roszk. i Franko.*, въ „Zbiór“, X, 11).

Религіозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи честнаго креста, въ которой рассказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовутъ ее *okimop*, а народъ *basilikon* — украинскіе васильки (*Мочумскій*, О Голуб. книгѣ, 169).

О врачевномъ значеніи васильковъ говорятъ, между прочимъ, старинные лѣчебники и травники (см. *Флоринскаю*, въ Казан. Унив. Извѣст. 1879, V).

Отечествомъ *Ocimum basilicum* считаютъ южную Азію (*Шмиллаузенъ*, Флора юго-зап. Рос. 457).

5. ОБЖИНЫ.

Сравнивая старинныя описанія малорусскихъ и галицко-русскихъ обжинокъ у Максимовича, Войцицкаго (*Zagusy domowe*, 1842 г.), Голембіовскаго (*Gry i zabawy*), Семеновскаго и Срезневскаго (въ „Маякѣ“ 1843 г.), Терещенка (въ 5 т. „Быта руск. нар.“ 1848 г.) съ новыми описаніями Чубинскаго (въ Трудахъ Э.—С. Эксп.), Де-Волмана (въ Угор. пѣсн.), Кольберга (въ 1 т. *Rokusia*), Коперницкаго (въ XII т. *Zbiór wiadom.*), мы не находимъ между ними значительнаго различія. Основное содержаніе этого праздника труда состоитъ въ томъ, что, по окончаніи жатвы, сплетаютъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ вѣнокъ, и одна изъ жницъ, самая старшая или чаще самая красивая, несетъ этотъ вѣнокъ на головѣ къ хозяину поля, въ сопровожденіи подругъ, распѣвающихъ пѣсни на тему, что жатва счастливо окончена, что хозяинъ долженъ угостить потрудившихся жницъ. Хозяинъ угощаетъ жницъ водкой, а вѣнокъ сохраняетъ до ближайшаго посѣва, когда изъ вѣнка выколачиваютъ зерна и употребляютъ ихъ въ началѣ посѣва. Въ

старинныхъ обжинковыхъ пѣсняхъ и обрядахъ обнаруживаются черты крѣпостного состоянія: похвала своему пану, легкая насмѣшка надъ жнецами сосѣдняго пана, порицаніе эконома и т. п. Обжиночныя пѣсни вообще весьма сходны. Онѣ отличаются необыкновенной мягкостью, нѣжностью, задушевностью. Отъ нихъ вѣетъ теплотой лѣтняго вечера и ароматомъ только что скошенной хлѣбной нивы. Мягкое нѣжное чувство женщины также даетъ себя чувствовать почти въ каждомъ словѣ обжинковыхъ пѣсень.

Обжинки только въ 2—3 частностяхъ (остатки крѣпостничества, Спасова борода и др.) заключаютъ остатки старины; основное же ихъ содержаніе — обрядная и пѣсенная похвала хлѣбу, полю и его хозяину — такое бытовое явленіе, которое встрѣчалось въ древности у земледѣльческихъ народовъ, повторяется нынѣ и, вѣроятно, имѣетъ впереди далекое будущее, такъ какъ неразрывно связано съ земледѣльческимъ бытомъ и необходимо обусловливается имъ. Сходными повсемѣстно условіями земледѣльческаго быта объясняется чрезвычайное сходство между обжиночными пѣснями и обрядами разныхъ народовъ разныхъ временъ. Въ малорусскихъ, чешскихъ, словацкихъ, сербскихъ дожиночныхъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ обнаруживается совпаденіе мотивовъ, мѣстами тождественность выраженій; напри- мѣръ, въ малор. пѣсняхъ: „Закотылось та сонечко за зеленый бирь, мы поидемо вечеряты у богатый двирь“ (*Чуб.* III, 247), или „Закотылось та сонечко за виноградный садъ, цилуется, мылуется, та хто кому радъ“ (*ib.* 240), „вже сонце надъ вербами, пустить насъ изъ серпами“ (*Голов.* IV, 189) и мн. др. т. под.; въ сербской жатвенной пѣснѣ: „постај, сунце, рано не заоди, да навеземъ брату кошулице“ и пр. (*Ястреб.* 173); въ словацкихъ: „влакомъ, слуняшко, влакомъ, поидемо домо мракомъ“, или: „зъ горь, слунечко, зъ горь, за тень зеленый яворь, за тень наизелѣйшій, где е муй наизелѣйшій“ (*Терещ.*, V, 112; изъ сборника Коллара). Въ числѣ обычныхъ началъ жатвенныхъ пѣсень является начало вопросительное: „ой чіе жъ то поле заспывало (или

задремало) стоя?“ (малор.); „чіе же то ярее житко подь горами?“ (словац.); у сербовъ безъ вопроса: „узвикнала бијела пшеница: ја ме жнејте, ја ме покосте; вете мене ноги заболѣше“. Мотивы жатвенныхъ пѣсенъ и обрядовъ малочисленны: прославление поля, прославление хлѣба, прославление хозяина поля, обращеніе къ солнцу или мѣсяцу, пожеланіе угощенія со стороны хозяина, прославленіе и поднесеніе вѣнка хозяину, пожеланіе здоровья и урожая на будущей годъ. Мотивы эти повторяются у разныхъ народовъ индо-европейскаго корня; въ особенности много сходныхъ чертъ представляетъ обрядовое употребленіе вѣнка изъ хлѣбныхъ колосьевъ или послѣдняго житнаго снопа. Въ Малороссіи одна изъ дѣвушекъ жницъ, по общему выбору, надѣваетъ по окончаніи жатвы на голову вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ и въ сопровожденіи жнецовъ и жницъ идетъ къ дому хозяина (*Чуб.* III, 226). Въ Волынской губ. выбираютъ иногда малолѣтнюю дѣвочку, лѣтъ десяти, какъ существо чистое, невинное, что имѣетъ значеніе по соображенію относительно урожая будущаго года (*Корени.*, *Zbiór* XI, 184). Форма вѣнка бываетъ различная; наиболѣе обычная приведена въ рисунокъ въ 1 т. „Покутья“ Кольберга. Въ пѣсняхъ вѣнокъ „пелехатый“ (т. е. кудрявый, косматый, а потому далѣе „пань богатый на коровы, вивци, червинци“), „золотый“; его первоначально катаютъ по полю, на что указываютъ слова пѣсенъ: „коломъ, виноньку, коломъ“; „котьвся виночокъ по полю“. Въ одной превосходной пѣснѣ вѣнокъ просится къ хозяину поля въ стодолу въ слѣдующихъ словахъ, сохраняющихъ въ себѣ всю прелесть лѣтняго поля: „Пускай, хозяинъ, въ стодолу; вже я набувся на полю, буйного витру начувся, ранней росы напывся“. Когда жнецы несутъ вѣнокъ съ поля, „зашумила дуброва, залящила дорога“ (*Чуб.* III, 232).

У лужичанъ, по окончаніи жатвы, одна жница несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другія держатъ въ рукахъ полевые цвѣты (*Мандельшт.*, *Оп. об. обыч.* 233). Въ Великороссіи жницы, по окончаніи жатвы, торжественно несутъ въ домъ

хозяина вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ или дожиночный снопь. Въ Гродненской губ. дожиночный вѣнокъ кладутъ на кіотъ, а дожиночный снопь ставятъ на покути (*Аванас.*, Поэт. возар. III, 767 — 769). Въ Литвѣ дожиночный вѣнокъ несетъ дѣвушка въ сопровожденіи жницъ въ домъ хозяина поля, гдѣ ее принимаютъ съ почетомъ и угощаютъ. Вѣнокъ хранится въ избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божье благословеніе (*Терещ.* V, 120; *Wisła* 1888. I). Весьма сходные обряды встрѣчаются въ Германіи и Шотландіи: дожиночный снопь срѣзывается и связывается самой молодой жницей; его торжественно несутъ въ домъ хозяина, гдѣ снопь кладутъ на почетное мѣсто и берегутъ его до Рождества Христова, когда вымолачиваютъ его и полученныя зерна даютъ въ кормъ лошадямъ и рогатому скоту (*Revue des trad. popul.* 1888, 485). Въ Англій въ концѣ прошлаго вѣка было въ обычаѣ готовить дожиночный снопь, соотвѣтствующій малорусскому „имяниннику“, вологодской кумушкѣ (*Терещ.* V, 131) въ видѣ соломенной куклы, „королевы жатвы“ или „kep-baby“; съ радостными криками приносили ее домой, вѣшали надъ столомъ и хранили до слѣдующаго года (*Спенсеръ*, Опис. соц. 180).

Г. Мандельштамъ въ „Опытѣ объяс. обычаевъ“ (стр. 247) высказалъ мнѣніе, что вѣнокъ—форма представленія растительнаго демона; но мнѣніе это не получило права гражданства въ наукѣ, по причинѣ крайняго расширенія демонологіи растительнаго міра, со внесеніемъ въ нее повѣрій и обрядовъ мистическаго и бытового характера. Несомнѣнно, что жатвенный вѣнокъ по происхожденію и основному значенію соотвѣтствуетъ другимъ обряднымъ вѣнкамъ, въ особенности свадебному вѣнку. Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (стр. 79—89) я подробно говорилъ объ обрядовомъ употребленіи вѣнка на свадьбахъ и о различныхъ его символическихъ значеніяхъ. Основное религіозно-мистическое значеніе вѣнка обусловлено тѣмъ, что онъ служилъ символомъ солнца, подателя урожая. Древніе германцы посвящали вѣнки богинѣ зари Остарѣ (*Milhause, Die Urrelig.* 145). Въ

латышской пѣснѣ дочь солнца (т. е. солнце) вбродь переходить море (небо); виднѣется лишь ея вѣночекъ. (*Спрингс-Памят. лат. нар. творч.* 312). Въ литовской пѣснѣ солнце три года собирало завядшіе листы съ вѣнка своей дочери (*Nesselmann, Lit. Volkslied.* 2). Жатвенный вѣнокъ катаютъ по полю, свадебный по столу—очевидная символика солнца.

6. Спасова борода.

Въ Волынской губ. по окончаніи жатвы на крестьянскихъ поляхъ оставляютъ нескатымъ горсть жита, которое связываютъ въ пучокъ, именуемый „Спасовой бородой“, нагибаютъ его колосьями къ землѣ и украшаютъ цвѣтами или лентами. Кругомъ бороды вырываютъ траву, очищаютъ землю отъ сора и закапываютъ немного зеренъ, взятыхъ изъ нѣсколькихъ колосьевъ той же бороды“. Затѣмъ слѣдуютъ пожеланія урожая на слѣдующій годъ, и молодежь качается по стернямъ (*Корепн, въ Zbiór.* XI, 184). Иногда заставляютъ парубковъ пролѣзть между стеблями бороды. Жнецы бросаютъ черезъ голову серпы: чей серпъ воткнется въ землю, то этотъ жнецъ и на другой годъ будетъ жать у того же хозяина. Въ пѣсняхъ, посвященныхъ бородамъ, борода „срибломъ-златомъ обвита, краснымъ шолкомъ обшита“ а въ одной пѣснѣ находится указаніе на жертвоприношеніе „бородѣ“: „отсе тобі, борода, хлѣбъ, силъ и вода“ (*Чуб.* III, 229). Тожественный обрядъ въ Полѣсѣ, съ наименованіемъ соломеннаго пучка „перепелкой“, описанъ въ „Маякѣ“ 1843, XI, 55. Я встрѣчалъ неоднократно „бороду“ послѣ жатвы въ Ахтырск. у. Харьк. губ.

Тожественный обычай „завиванія бороды“ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи, Бѣлороссіи, Австріи, Германіи, Англіи, причемъ борода носитъ названія бороды Волоса, бороды Ильи и пр. (*Мандельшт.*, 241—245; *Аванас.*, I, 141, 697; *Бусл.*, Нар. повѣз. 75; *Шейнз*, Бѣлор. пѣс. 60; *Спенсеръ*, Описат. соц. 179 и др.).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ „бородой“ лежитъ поклоненіе растительному или полевому духу, какъ покрови-

телю жатвы и подателю плодородія, о чемъ подробно въ соч. г. Мандельштама (Оп. об. обыч. 235—245). По нѣмецкимъ повѣрьямъ, кто скашиваетъ послѣдній колось, тотъ улавливаетъ демона. Въ Швабіи срѣзавшему послѣдній колось говорятъ: „Du hast die Roggensau“ (или Roggenwolf—зооморфическое представленіе растительнаго духа), и затѣмъ связываютъ колосья въ видѣ свиньи и съ шумнымъ крикомъ приносятъ ихъ въ гумно, гдѣ оставляютъ до слѣдующаго года (*Манд.*, 242). Подобнаго рода возрѣніе встрѣчается у дикихъ и варварскихъ народовъ. На островѣ Борнео приписываютъ рису духъ Samangtradi и совершаютъ особые обряды, чтобы удержать этого духа у себя, чтобы жатва была хороша. Карены обращаются къ духу риса съ такими заклятіями: „О, прійди, душа риса! Вернись на поле, прійди съ запада, прійди съ востока!“ и пр. (*ib.* 194). Какъ при жатвѣ ржаного поля, говоритъ Бастианъ, оставляютъ (въ Германіи) отдѣльный снопокъ недожатымъ для того, чтобы дать убѣжище житной теткѣ, прогнанной изъ своей обширной территоріи, до тѣхъ поръ ею занимаемой, такъ точно при культивированіи лѣсныхъ пространствъ въ Остѣ-Индіи обыкновенно оставляютъ пару пней для демоновъ, лишившихся доселѣшнихъ своихъ обиталищъ, сосредоточивая, такъ сказать, этимъ миръ духовъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ“ (*Шеймъ*, Бѣлор. пѣс. 511).

7. Символика краснаго цвѣта.

Въ дѣйстви цвѣтовъ на физическую и психическую природу человѣка заключается еще много загадочнаго и таинственнаго. Гейгеръ высказалъ предположеніе, что человѣкъ прежде всего замѣтилъ красный и другіе близкіе къ нему цвѣта, происходящіе отъ оптическихъ волнъ болѣе длины, чѣмъ волны синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Магнусъ допускаетъ, что красныя цвѣтотыя волны производятъ на нервы человѣка болѣе сильное механическое дѣйствіе, чѣмъ синія и фіолетовыя волны, и что поэтому нервы, воспринимавшіе возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ, могли получить позд-

вѣйшее развитіе (*Петрушевскій*, въ *Вѣстн. Изящн. Иск.* 1889. IV. 317, 322). Хотя способность распознавать цвѣта составляетъ общее всѣмъ народамъ свойство, и гипотеза дарвиниста Магнуса о постепенномъ развитіи перцепціи цвѣтовъ признана нынѣ несостоятельной (подробности въ соч. *В. И. Шерцля* „О названіяхъ цвѣтовъ“), при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что красный цвѣтъ всегда пользовался у народовъ предпочтеніемъ сравнительно съ другими цвѣтами и въ народныхъ лексиконахъ всегда имѣетъ особое вполне опредѣленное наименованіе.

Въ народномъ бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ русскаго народа красный цвѣтъ имѣетъ теперь большое значеніе и еще болѣе имѣлъ въ старину, такъ что въ настоящее время во многихъ случаяхъ является лишь культурнымъ переживаніемъ стародавняго быта и міровоззрѣнія.

Обращаясь къ описаніямъ малорусскаго народнаго костюма у Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга и др. этнографовъ, мы находимъ большое пристрастіе народа къ яркимъ цвѣтамъ, преимущественно красному, въ чемъ малороссіяне сходятся съ великоросами и многими другими народами. Мужчины любятъ носить красный поясъ, красное шитье на воротникѣ и груди сорочки Женщины обнаруживаютъ большую склонность носить красныя ленты, красныя очипки, сорочки съ красною заплочью, въ старину красноватыя клѣтчатыя плахты и красныя сапожки или черевики. У Г. О. Квитки, повѣсти котораго составляютъ въ высшей степени правдивый этнографическій матеріалъ, дѣвушки ходятъ въ „червоныхъ юбкахъ, що такъ якъ макъ цвите“ и „у червоныхъ черевичкахъ“. Въ послѣднее время склонность малоруссовъ къ красному цвѣту стала ослабѣвать. Пристрастіе къ красному цвѣту обнаруживаютъ многіе другіе народы: киргизы, цыгане, сибирскія туземныя племена, обитатели Полинезіи (*Шерцль*, въ „*Фил. Зап.*“ 1884, III, 61).

Пристрастіе къ красному проявляется во многихъ словахъ, означающихъ этотъ цвѣтъ, преимущественно въ приложеніи ихъ ко всему хорошему, красивому. Въ старинномъ

русскомъ языкѣ и въ живыхъ областныхъ нарѣчьяхъ красный означаетъ собственно красивый. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ „красный“ Романъ Святославовичъ, „красная“ Глѣбовна, „красныя“ дѣвицы. Въ народныхъ пѣсняхъ обычный эпитетъ дѣвицы „красная“. Въ малорусской народной поэзіи эпитетъ „красный“ прилагается къ небеснымъ свѣтиламъ, парубку и дѣвушкамъ, короваю. То же отождествленіе красоты съ краснымъ цвѣтомъ обнаруживается у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у чеховъ слово *guzi* обозначало первоначально только красный, но затѣмъ приняло значенія: настоящий, чистый, неподдѣльный; въ турецкомъ яз. *kizil* — красный, а у киргизовъ то же слово означаетъ: красивый, прекрасный. У финскихъ народовъ красный — красивый. По-китайски „красное сердце“ означаетъ искренность, откровенность (Шериль, 64).

Символическое и обрядное значенія красного цвѣта у русскихъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, разнообразны, причѣмъ въ основѣ большинства символическихъ значеній красного цвѣта лежитъ его значеніе, какъ эмблемы огня. Разберемъ здѣсь нѣсколько малорусскихъ символическихъ значеній красного цвѣта.

Красный коровай въ свадебныхъ пѣсняхъ (Чуб. IV. 245, 216 и др.) служитъ символомъ солнца или мѣсяца (подроб. въ моемъ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣс.“). Какъ эмблема пламени и жара, красный цвѣтъ входилъ въ повѣрья и обряды индійцевъ, египтянъ, римлянъ (напр., красный „*flammeum*“ невѣсты).

Красныя ленты служатъ символомъ дѣвственности. У малороссовъ замужнія женщины не носятъ красныхъ лентъ. У лужицкихъ сербовъ невѣста послѣ сговора перестаетъ носить красныя ленты (Haupt u. Smol., *Volkslied*, II, 229). Въ сербскихъ пѣсняхъ невѣста — красная лента (Букъ *Kiradj.*, I 54, 57; *Lič-Nar. srb. ob.* 65). То же и въ великорусскихъ пѣсняхъ (Москвитянинъ, 1841, VI, 481).

Красный платокъ (иногда красныя ленты) служитъ символомъ крови. Съ такимъ значеніемъ красный платокъ раз-

вѣвается на высокомъ шестѣ надъ хатой послѣ первой брачной ночи молодыхъ. Древніе иберійцы, кароагенцы и спартанцы носили во время войны красную одежду; у римлянъ, туземцевъ сѣверной и южной Америки символомъ войны — кровопролитія служить красная одежда. Цвѣтъ фалловъ у древнихъ народовъ былъ красный (*Шериль*, 65).

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглазу и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычай встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Шотландіи женщины, въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весной, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Индіи невѣсты привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго шнура, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти руки что нибудь красное и приучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шериль*, 63).

Красными лентами перевязываютъ также животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (*Максимовичъ*, Собр. соч. т. II, 499).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается воззрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горящіе, красные, солнечнаго или огненнаго свойства, на примѣръ: горицвѣтъ, горица, соняшникъ. Объ отцвѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла“.

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносится на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко-красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства, а калина служитъ обычнымъ символомъ красоты и цѣломудрія.

8. Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцего- вины.

Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ письменности и въ народной словесности нѣтъ никакихъ указаній, чтобы славяне въ старину татуировались. Тѣмъ болѣе любопытнымъ и загадочнымъ является странный обычай боснійскихъ сербовъ-католиковъ татуировать грудь, руки, ноги. На этотъ обычай недавно указалъ докторъ Леопольдъ Гликъ въ 3 кн. „Гласникъ земляскаго музея“ ¹⁾ 1889 стр. 81—88, съ приложеніемъ 11 фотографическихъ снимковъ. Обычай татуироваться встрѣчается почти исключительно у католиковъ, чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Мѣстное его названіе „крижъ набоцати“ (т. е. набросить крестъ). Сначала готовятъ краску изъ кармина или индиго, иногда примѣшивается порошокъ каменнаго угля или порохъ. Операция производится такимъ образомъ: на груди, рукѣ или ногѣ натягиваютъ кожу, накалываютъ ее булавкой по опредѣленному узору и затѣмъ втираютъ въ наколотое мѣсто краску и обвязываютъ его на нѣкоторое время платкомъ. Операцию производятъ большею частью опытные въ этомъ дѣлѣ старухи (вѣще жене). Рисунки разнообразны; чаще всего накалываютъ крестъ, отчего и самый обычай называется „крижъ набоцати“; иногда выкалываютъ имя, фамилію, годъ, изображеніе меча или изображенія цвѣтовъ. Любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи рисункомъ является четырехконечный крестикъ въ кружкѣ, отъ котораго идутъ лучи. Концы крестика утолщены или имѣютъ три развѣтвленія. Эта форма креста даетъ нѣкоторое основаніе признать вѣрнымъ мнѣніе г. Глика, что обычай „набоцати крижъ“ возникъ подъ вліяніемъ богумильства, и позднѣе удержанъ сербами католиками, какъ культурное переживаніе. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ какое-либо восточное вліяніе. Лѣтъ тридцать назадъ въ Малороссіи снова много восточныхъ

¹⁾ Новый сербскій журналъ, выходитъ съ 1889 г. въ Босніи, въ Сараевѣ, по 4 кн. въ годъ; содержаніе археологическое и этнографическое. *Прим. Н. С.*

людей, повидимому, грековъ, съ татуированнымъ на рукѣ изображеніемъ креста. Люди эти выдавали себя за богомольцевъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ будто бы турки отмѣчаютъ такимъ образомъ всѣхъ поклонниковъ Христа.

Ч

354

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ ОТРАВЛЕНИИ

ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

Н. Ф. СУМЦОВА.

Оттискъ изъ Журнала „Кіевская Старина“.

Printed

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1894.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ

ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ

Н. Ф. СУМЦОВА.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

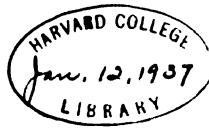

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., д. № 4.

1894.

27233.61.5

Grant Fund

Дозволено Цензурою Кієвъ 14 Декабря 1893 г.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

С о д е р ж а н і е.

Предисловіе.—Варианты малорусскіе, великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе, чехо-моравскіе, сербскіе, болгарскіе, литовско-латынскіе, мадьярскіе, албавскій, румынскій, нѣмецкіе, англійскіе и италіянскіе.—Обзоръ мотивовъ.—Предположеніе о происхожденіи нѣкоторыхъ галицко-русскихъ и малорусскихъ вариантовъ.—Предположеніе о происхожденіи всего цикла пѣсенъ.

Въ устной словесности западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ существуетъ обширный циклъ пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ. Эти пѣсни и являются предметомъ настоящаго нашего ислѣдованія. Мы дали имъ другое оглавленіе на слѣдующемъ основаніи: отравленіе змѣинымъ ядомъ составляетъ самую характерную черту этихъ пѣсенъ. Сестра отравительница выступаетъ въ большинствѣ вариантовъ славянскихъ; но въ западно-европейскихъ и, главное, въ старинныхъ италіянскихъ вариантахъ отравительницей является дѣвушка или вдова, а жертвой ея—невѣрный любовникъ. Такимъ образомъ, терминъ „сестра отравительница“ не обнимаетъ всего цикла пѣсенъ. Въ виду большого количества малорусскихъ вариантовъ—мы настоящее ислѣдованіе начнемъ съ ихъ разсмотрѣнія и на нихъ преимущественно сосредоточимъ наше вниманіе. Несомнѣнно, что въ народѣ циркулируетъ много незаписанныхъ еще пѣсенъ этого разряда; затѣмъ, мы должны оговориться, что изъ записанныхъ, вѣроятно, многія ускользнули отъ нашего вниманія; при всемъ томъ, многочисленность и сходство изданныхъ вариантовъ даютъ намъ поводъ предполагать о сходствѣ неизданныхъ и открывать возможность приступать къ научному ихъ обзору, систематизаціи и, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ

постановкѣ вопросовъ объ ихъ происхожденіи и путяхъ распространения.

№ 1—2. Двѣ пѣсни изъ Литинскаго уѣзда Подольской губ.:

Ой у поли кириченька,
Тамъ дивчина воду брала
Съ козаченькомъ розмовляла...

Она предлагаетъ козаку посватать ее; козакъ предлагаетъ ей отравить сначала брата. Дѣвушка говоритъ, что мать не научила ее чаровать. Козакъ тогда говоритъ:

Ой у лиси на ялини	Пидставъ дивча коновочу
Ой тамъ висить три гадни;	Пидъ гадату головочку,
На гадну сонце пече	Якъ приїде братъ зъ дороги,
А зъ гадны ропа тече.	То ти чарм приготовишь...

Дѣвушка предлагаетъ брату „цѣго пива“; братъ хочетъ, чтобы она сначала выпила; но она говоритъ, что уже пила.

Якъ братъ пива да и напийся,
По коньку покотнися,
По коньку вороному,
По сидельци золотому.

Дѣвушка возобновляетъ свое предложеніе о сватовствѣ и получаетъ отказъ: счарувала брата, говоритъ козакъ, счаруешь и меня (*Чубин. V. стр. 432, 433*).

№ 3. Въ вариантѣ изъ Балтскаго уѣзда начало: „Ой у поли дви тополи.“ Армяне (вармяне) подговариваютъ дѣвушку уйти съ ними. Дѣвушка боится брата и, по совѣту армянъ, отравляетъ его. Змѣя одна, висить на калинѣ; „болить їи головочка“; армяне отказались взять отравительницу, — „ни брата, ни вермана.“ Вышла она за жebraка, носила за нимъ торбу и часто получала отъ него удары „въ морду“ (*Чуб. V. 433*).

№№ 4—6. Въ трехъ вариантахъ изъ галицкаго Покутья, почти тождественныхъ съ №№ 1—2, въ концѣ пѣсни соблазнитель названъ „сербиномъ“; отравительница выходитъ замужъ за нищаго и также получаетъ отъ него удары „въ морду“ (*Kolberg, Rokucie II. 44—46*).

№ 7. Въ вар. изъ стрійскаго округа (въ Галиціи) сербъ выступаетъ уже въ самомъ началѣ пѣсни:

Ходить Сербинъ по надъ рѣку,
 За нѣмъ бѣжитъ дѣвка въ вѣну.
 „Ой сербине, сербичку,
 Возьми меня дѣвичночку.

Сербинъ говоритъ, что боится ея брата! Дѣвушка предлагаетъ отравить брата и при этомъ сама объясняетъ, что ядъ достанетъ изъ змѣиной головы. По возвращеніи брата съ охоты, сестра подноситъ ему отраву въ черномъ пивѣ. Пѣсня оканчивается отказомъ серба жениться на отравительницѣ брата (*Голов.* I 207),

№ 8. Близкій вариантъ изъ Липовецкаго у. Киев. губ. „Ой Свербыно, Свербыночку“ изданъ въ *Zbìdòr wiadomosci* т. VIII 169.

№ 9. Въ галицко-рус. вариантѣ первый стихъ оригиналенъ: „Сѣдятъ ткачи на варштатѣ, звѣдуются о своемъ братѣ.“ Воевода проситъ у дѣвушки вѣнокъ (символь цѣломудрія). Опасаясь противодѣйствія со стороны старшаго брата, дѣвушка отравляетъ его. Въ этомъ вар. подробно описано приготовленіе яда; по совѣту воеводы:

Иди до саду вишневаго,
 Ламай гнича зеленого,
 Частуй брата при сѣдѣ:
 Готуй же го подъ пецками,
 Уварь же го въ змиевой водѣ,
 Намочь же го до склянниц,
 Та го вынесь до свѣтлицы.

Пѣсня оканчивается такъ: братъ отравленъ, а сестра отравительница закована въ цѣпи и осуждена на висѣлицу (*Голов.* I 207—208).

№ 10. Въ близкомъ галицкомъ вар. дѣвушка отравляетъ брата по совѣту „чужоземца.“ Отравой служитъ зѣлье. По смерти брата сестра раскаивается и проситъ сжечь ее, пепелъ развѣять по полю; „няй зъ мя росте бѣлый квѣтъ, няй то знае цилый свѣтъ“—такъ кончается этотъ вариантъ (*Голов.* I 208).

№ 11. Въ вар. изъ Галиціи начало: „Ой ты зъ за горы, а я зъ-за другой.“ Здѣсь развитъ способъ приготовленія яда изъ гада рябенкаго и ящерицы. Особенностью представляется то, что у брата послѣ первой ложки „одно личко слѣзало,“

послѣ второй—другое лицо, а послѣ третьей „дѣла тварь облѣзла“ (*Голов. I 209*).

№ 12. Малор. вар. (изъ Залеванщины), изд. въ сборникѣ г. Поповскаго въ „*Zbiór wiadomości*“ VIII стр. 8, представляетъ повтореніе вар. № 1—2, 7 и 8. Начало: „Ой Сердене, Серденочку, сватай мене дивчивочку“. Сердене, очевидно, народно-этимологическое толкованіе слово „сербинь“. Пѣсня оканчивается, какъ №№ 3, 4, 5, 6.

№№ 13—14. Два варианта изъ Угорской Руси говорятъ вообще объ отравленіи молодца дѣвицей за невѣрность, они близки извѣстной малор. пѣснѣ „Ой не ходы, Грицю“. Брата нѣтъ. Способъ приготовления ядовитаго зелья изъ кореньевъ напоминаетъ великорусскія пѣсни (*Де-Волманъ, Угро-рус. нар. пѣс. 40—41*).

№ 15. Въ вар. изъ Ушицкаго у. дивчина Настя отравляетъ парубка перепелкой на маслѣ и смѣется надъ нимъ во время его мученій (*Чубин. V 434*).

№ 16. Въ одномъ вар. (безъ обозначенія мѣста) начало: „Жене Василь воли съ поля, въ сопилочку грае...“ Дѣвушка у криницы приглашаетъ Василя къ себѣ; ея мать даетъ ему сначала пирогъ съ шалфеемъ и мятой, чтобы вызвать любовь; потомъ пирогъ, со змѣей. Василь пришелъ домой и просить у матери совѣта (*Чуб. V 434*).

№№ 17—19. Къ этому варианту близко стоятъ три галицкихъ, изъ Покутья. Отравительницей является въ двухъ Парася, въ одномъ Одокия; жертва во всѣхъ трехъ вар. названа Иваномъ. Начало 1-го „Иванъ коне наповаѣ, а въ сопивку грае“, во 2-мъ также упоминается сопилка. Отрава поднесена въ пирогѣ и въ яблокахъ. Дана отрава дѣвушкѣ ея матерью (*Kolberg, Rokucie II, 42—44*).

№ 20. Буковинскій вар. у *Купчанка* 141 очень близокъ къ помѣщеннымъ у Кольберга изъ Покутья. Соблазнитель—Иванъ, отравительница—Парася. Отрава упоминается мимоходомъ. При смерти Ивана присутствуютъ односельчане.

№ 21. Въ вар. изъ Харьковской губ. „Ой дивчино чернобрыва“ дѣвушка накопила въ лѣсу ядовитаго коренья, вымыла

его въ Дунаѣ, положила въ стаканъ меду и отравила своего брата. Она спрашиваетъ, какъ онъ чувствуетъ у себя на сердцѣ. Козакъ отвѣчаетъ, что у него на сердцѣ „черни камушки лежать“ (*Чуб.* № 435)—пѣсня краткая и испорченная.

№ 22. Въ другомъ вар. Харьковской губ. („ой, сонъ, маты, ой, сонъ, маты, головоньку влонить“) дѣвушка кладетъ отраву въ пирогъ. Она говоритъ, что отравы тогда пройдетъ, когда въ полѣ при дорогѣ разовьется сухой дубъ (*Чуб.* V 436).

№ 23. Въ третьемъ вар. изъ Харьковской губ. „Маты сына научала“ не ходитъ на вечерницы. Дѣвушка его напоила отравленнымъ медомъ. Парубокъ идетъ домой и проситъ мать послать за ворожкой. Пѣсня оканчивается сожалѣніемъ парубка, что ему болѣе нельзя ходить на улицу (*Чуб.* № 436).

№ 24. Въ вар. изъ Полтавской губ. („Ой дивчино, дивчинонько“), мужчина проситъ дѣвушку полюбить его и, чтобы братъ не побилъ ее, отравить его. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ достать ядъ изъ змѣи—почти дословное повтореніе вар. № 1—2. Отравы положена въ пиво. Отравительница выходитъ замужъ за нищаго и получаетъ отъ него побои (*Чуб.* V 915).

№ 25. Весьма замѣчательнъ слѣдующій галицко-русскій вариантъ, по близости къ западно-европейскимъ. Это соединительное звено между восточно-малорусскими и западно-европейскими пѣснями о сестрѣ отравительницѣ:

Сынку Васильку, жалости мой!
Ой ци ходивъ ты до вдови на вечерниця,
Ходивъ я, ненько, шире серденько,
До тоя чаровниця.

Мать спрашиваетъ, что вдова варила? Сынъ отвѣчаетъ, что варила рыбку зъ лабочками (?). Мать спрашиваетъ, гдѣ она ее поймала? О.—Въ огородѣ въ лободѣ. Вопросъ: Гдѣ она ее вправляла? О.—Ожогомъ подъ порогомъ. Вопросъ: Цы вдова ея ила? О.—Не ѣла, говорила, что у нея голова болитъ. Вопросъ: Ёли ли дѣти ея? О.—Не ѣли, бо спатоньки хотѣли. Этими словами и оканчивается пѣсня. Смыслъ ея ясный—отравленіе парубка. (*Голов.* II 584). Въ этомъ вариантѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія его діалогическая форма.

Отъ объемистаго ствола пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ пошло нѣсколько могучихъ вѣтвей. Первой такой вѣтвью представляются пѣсни объ отравленіи дѣвицей невѣрнаго любовника на мотивъ весьма популярной пѣсни „Ой не ходы, Грыцю, на вечерницы“. Пѣсни этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ малорусскихъ пѣсенъ. Известны онѣ и въ Бѣлоруссіи (*Шейнъ*, стр. 235). Второй вѣтвью, мовидимому, являются тѣ также весьма многочисленныя пѣсни, въ которыхъ отравленіе молодца дѣвушкой является не какъ фактъ, а какъ уподобленіе, сравненіе, напримѣръ—слѣдующая угорско-русская пѣсня;

На дворѣ хмарно и вѣтеръ вѣе,
Самъ я не знаю, что ми ся дѣе,
Дѣвчина любила, серденько любила,
И приваду дала, та и зачаровала.
„Ей такъ бы ты знала изъ сѣни до хаты,
Якъ я тебе знала да чимъ чаровати;
У мене чаровьки черныи бровеньки
И приваду доньки румяныи личовьки“.
О якъ болятъ, кедь укусить
Люба гадюнька;
Еще лучше, кедь счаруетъ
Люба дѣвчюнька.
Кедь укусить гадюнька,
Найдешъ зеля лѣки;
Кедь счаруетъ дѣвчюнька—
Проваль ось на вѣки (*Де-Волланъ*, 42).

№ 26. Въ Великороссіи пѣсня о сестрѣ отравительницѣ хорошо известна.

Стругалъ стружки добрый молодець,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь клала
Все змѣй пекла, зѣлье дѣлала.
Сестра брата известъ думала,
Выходила посередъ двора,
Наливала чашу прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты ней, сестра, напередъ меня.
„Пила, братецъ, наливаючи.
Тебя, братецъ, подравляючи.

Канула канла вою на гриву
У коня грива загорѣлася...

Братъ срубилъ сестрѣ голову.

И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепла;
Онъ развѣлъ лухъ (sic!) по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плавать (*Сахаровъ, Сказанія*
рус. нар. III' 202).

Этотъ вариантъ, самый грубый и жестокий изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ, записанъ до 1841 г., года изданія Сказаній Р. Н. Подобная суровость могла существовать и въ инородныхъ вариантахъ; въ италянскомъ братъ грозить убить.

№ 27. Своеобразная версія у Сахарова ib. стр. 206: Дѣвушка копаеть ядовитые коренья и отравляетъ милого дружка (не брата). Умирающій проситъ похоронить его на распутьѣ, посадить въ головахъ дерево и т. д.

№ 28—29. Два близкихъ великорусскихъ варианта въ сборникѣ П. В. Шенна 327 № 56 и 57. Что пѣсни эти представляютъ великорусскую передѣлку пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ, видно изъ 57 №: сб. Шенна „Разнегодная дѣвчонка“ по лугу гуляла, накопила ядовитыхъ кореньевъ, наварила и поднесла ихъ „братцу родному“. Къ вечеру братъ „поразожался“, и въ полночь „попа спросилъ“, а къ бѣлу свѣту умеръ. завѣщавъ похоронить его межъ трехъ дорогъ (петербургской, московской и тверской“. Проѣзжающіе Богу молятся (за брата) и проклинаятъ сестру. Варианты Шенна записаны № 56 въ Рязанской, № 57 въ Тверской губ.

№ 30. Въ Терской области записанъ великорусскій вариантъ „Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ“. Дѣвица поднесла молодцу стеляницу“ вина съ отравой. Молодецъ проситъ дѣвицу выпить, получаетъ отказъ; онъ вылилъ вино на землю:

Маль сырал-то земля, она загоралася,
А люгалъ змѣя, она завивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму то молодцу на шешку бросалася.

Этими словами и заканчивается вся пѣсня (*Сборн. матер.* для изуч. Кавказа VII 83)¹⁾.

¹⁾ Въ сборникѣ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“ Кириши Данилова, составленномъ, вѣроятно, въ началѣ XVIII ст., а впервые изданномъ въ 1804 г.,

№№ 31—32. Бѣлорусскіе варианты въ сборникахъ *Шейна* стр. 234, № 409 и *Романова* I, 48 представляютъ почти буквальное повтореніе великорусскихъ Сахарова (безъ убійства отравительницы) и Шейна (подъ № 57). Въ обоихъ бѣлорусскихъ вариантахъ сестрѣ не удается отравить брата: онъ выливаетъ вино на гриву коня, грива загорается и братъ бранитъ сестру.

№ 33. У поляковъ циркулируетъ много пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ, и значительная часть ихъ вошла въ I т. *Lud Kolmbera* (стр. 115). Въ однѣхъ пѣсняхъ отравительницей является краковянка (Краковіанка, *otrój brata* etc.), въ другихъ подолянка. Приведемъ здѣсь вариантъ изъ Прасныша, написаннаго *Хельховскимъ* въ Вислѣ 1888 II 139. „*Na Podoli bialy kamniem*“; на камнѣ сидитъ подолянка; къ ней подходит подо-

находится любопытный великорус. вариантъ пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ, причемъ вмѣсто змѣянаго яда отравя готовится изъ кореньевъ. Въ этомъ вар. все вниманіе пѣвца сосредоточено на приготовленіи отравы. Пѣсня кратка.

Кабы по горамъ, горамъ, высокимъ горамъ,
 Кабы по доламъ, доламъ, по широкимъ доламъ,
 А и покрай было мога снѣго,
 И во тѣхъ хорошимъ зеленымъ лугамъ.
 Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица.
 А конала она коренья, зѣлье лютое.
 Она мыла тѣ коренья въ снѣгъ морѣ,
 А сушила коренья въ муравленой печи,
 Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
 Разюдила тѣ коренья меду сладкими,
 Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ—
 И хотѣла извести своего недруга;
 Не значае извела своего друга милого
 Она по роду брата роднаго.
 И расплатется дѣвица надъ молодецѣмъ,
 Она плачетъ, дѣвица, убивавчи,
 Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
 „Занапрасно головушка погибнула“.

Пѣсня эта—искаженіе пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ, Ошибка встречается въ болгарскомъ вар.; но ошибка какъ разъ обратная: сестра вмѣсто брата отравила любовника. Вариантъ Карши Давылова представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на распространеніе пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ въ Вѣлкороссіи въ началѣ XVIII в.

лянецъ и просить у ней вѣнокъ. „Я дала бы, да боюсь брата, говоритъ она. Отрави брата, совѣтуетъ подолянецъ. Подолянеа говоритъ, что не знаетъ чѣмъ. „Отыщи змѣиныхъ листьевъ, свари ихъ и напои брата“. Братъ возвратился съ похода, привезъ сестрѣ подарки (sukieneski). Сестра потчиваетъ его отравленнымъ виномъ. Братъ падаетъ съ коня и просить сестру позаботиться о его дѣтяхъ. Колокольъ звонитъ о смерти брата, а сестру ведутъ въ тюрьму. Пѣсня оканчивается раскаяніемъ отравительницы. Любопытно, что конецъ этого польскаго варианта совпадаетъ съ началомъ галицко-русской пѣсни, отмѣченной выше подъ № 9.

Siedzo wiewcy na warstacie
Spivajo pieśń o jy bracie,
Okujciez me w biały k mnicń,
Niech nie slyse pieśni o niem.

№№ 34—35. Съ этимъ вариантомъ почти дословно сходны два польскихъ вар. въ сб. *Kozłowskiego, Lud* (pieśni, rodania etc. z *Mazowsza Czerskiego*) стр. 52—53. Начало тожественное „Na podolu bioły kamien“. Подолянку къ отравѣ склоняетъ подолянецъ. Послѣднихъ 4 строкъ (Siedzo...) нѣтъ. Эти варианты оканчиваются просьбой брата, обращенной къ сестрѣ отравительницѣ, позаботиться о его дѣтяхъ. Отравка обычная—змѣя. Въ одномъ изъ вариантовъ братъ названъ Ясей. Козловскій въ примѣчаніи говоритъ, что такого рода пѣсни распространены у поляковъ, чеховъ и венгерскихъ словаковъ. Указаны польскіе вар. у Кольберга, Войцицкаго, Конопки и Жег. Паули.

№ 36. Чехамъ и моравцамъ пѣсня о сестрѣ-отравительницѣ хорошо извѣстна (сборники *Кукулевича, Эрбена, Сушила*). Моравскіе варианты отличаются поднотой; въ нихъ какъ-бы сведены мотивы пѣсни. Таковъ, напр., слѣдующій вариантъ, который приводимъ вполнѣ:

Ulianka čista pauna
U Dunaja šaty prala.
Dojeli tam tře husaři,
Pod' Uliške pojed' s nami.
Ja bych s wami rěda jela,
Dybych tu bratra nemela.
Bratra možeš otraviti,

Možeš s nami předca j. ti.
Jak bych ja ho otravila?
Temu sem sa neučila.
Bož do lesa doboveho,
Najdeš hada jedoveho.
Uvař mu hozsnidaničku,
Jak rybičku s černu mačku.

Už Janiček z hory jede,
 Malovane dřevo veze.
 Hned mu vrata otvírala
 Vrane koně vyřahala.
 Ulianko, co n veho,
 Ze vypřahaš kona meho?
 Pod' Janičku k snidaničku,
 Maš přichystann rybičku.
 A co suto za rybčky
 Dyt' nema žádná hlavičky.
 Hlavičky sem urubala
 Pod okenko z kopala.
 Jak ten první kus k zedl
 Hned na leve líčko zbledl.
 Jak ten druhý kusek zedl
 Hned na obě líčka zbledl.
 Jak ten třetí kusek zedl,
 Hned nacele telo zbledl.
 Bež Uliško pro pivečko
 Ať si ovlažim srdečko
 Donesla mu lužovice:

Pij, Janičku, pij velice.
 Bež, Uliško, pro perinku,
 Nech položim svu hlavenku.
 Donesla mu tvrdy kamen'
 Ostavaj tu s panem Bohem
 Bojanovake zvony zvoňa,
 Ulianku drabi hoňa.
 Ty Mutenske sezvanaju,
 Ulianku dohaňaju.
 A Hodonsake dozvonily,
 Ulianku dohonili.
 Janička na krchnv nesl,
 Ulianku kati vesu.
 Zazdíte mia do kamen'
 Nech o mne pesničky neni.
 Zednici ju sazdivali
 Panny pesničku skladaly.
 Ulianku už sazdivli
 Panny pesničku složily.

Suđil, Moral. narod. pisne, II, 167—

168.

Въ вариантахъ ничтожныя особенности. Вездѣ братъ жалуется, что у него заболѣло сердце. Способъ приготовления яда не сложный.

№ 37. Въ сербской пѣснѣ: „Сунце сађе међу две планине“; парубокъ лежитъ между двумя дѣвками; одну любитъ, другую не любитъ.

Am' говори лепота девојка:
 „Љуб' и мене, момче нежењено!“
 Нѣј говори момче нежењено:
 „Љубно б'те, лепото довојко!
 Али не смеи од брата твојега:
 У тебе је братац кавгаџија¹⁾,
 Кудгод иде, онъ замеће крвгу“.
 Кад то чула лепота девојка,
 Она иде у гору зелену,
 Те премеће дрвље и каменье.
 Док је нашла гују²⁾ отравницу.
 Закалала је злаћеним прстеном,
 Уточила по кондира³⁾ једа,

¹⁾ Спорщикъ, кавга—споръ, ссора.

²⁾ Гуја—змѣя.

³⁾ Кондиръ—чаща.

Оно друго вином доточила,
 Па га дала свом брату ро ђеном,
 Те је свога брата отровала;
 Па отиде момку нежењено;
 „Дуби мене, момче нежењено,
 Ја сам мого брата отровала.“
 Ан' говори момче нежењено:
 „Ид' одатле, једна отровнице!
 Кад си свога брата отровала,
 Отрова ђеш и мене јунака (Караџић, Сри. нар.
 пјесме I, 215 № 302).

№ 38. Въ сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ *Райковица* подъ № 251 (стр. 221) находится краткій вариантъ „Шокица“: начало обычное у сербовъ (сунце дало ме ђу горицата). Молодецъ Јово предлагаетъ дѣвушкѣ отравить брата; дѣвица говоритъ, что она попроситъ виду собратъ ядовитаго зѣлья:

Ја ђу ре ђи погоркињи вили
 Да сабере од отрова била,
 Па ђу свога брата отровати—
 —Курво, кучко, бијела Шокице...
 Кад би свога брата отровала
 И мене би млађага јунака.

Отравленіе не происходитъ. Пѣсня очень краткая и, несомнѣнно, выродилась изъ пѣсенъ съ отравленіемъ.

№ 39. Въ сборникѣ *Мажуранича* „Hrvatske narodne pjesme“ I, стр. 152: „Солнце между горами, Юро между дѣвицами“ и пр.—сходно съ сербскими. Въ половину сосуда налить змѣиный ядъ; долить виномъ. Братъ возвращается съ охоты. „Јунак рије па землју се сруѡи“. Юро отвергаетъ отравельницу:

Odi z Bogom mlajahna divojko,
 Kad si svoga brata otrovala,
 Kormo l'nebiš tudjega junaka.

Сербскіе варианты, сравнительно съ моравскими, польскими и малорусскими, отличаются краткостью.

№ 40. Въ болгарской пѣснѣ—передаю ее въ переводѣ—Стоянъ склоняетъ красавицу Бояну къ уходу; но братъ не даетъ ее. Стоянъ совѣтуетъ Боянѣ отравить брата. „Я отравила бы, отвѣчаетъ Бояна, но нечѣмъ“. Пойди въ глухое мѣ-

сто (*осой*), возьми двѣ змѣи, свяжи ихъ зеленымъ снуркомъ (гайтаномъ, собств. кантомъ) и повѣсь на зеленый яворъ: Яворъ будетъ цвѣсти, а ядъ капать. Нацѣди его въ чашку и дай брату напиться. Бояна такъ и поступила. Напился братъ яду (люта ракіа), упалъ съ коня (отъ коня падна) и ударился объ остріе сабли (*Миладиновъ* Бѣлг. нар. пѣс. 363—364).

№ 41. Въ другой болгарской пѣснѣ, неизданной въ печати, мотивъ о сестрѣ отравительницѣ получилъ такую своеобразную обработку: Турокъ хочетъ увести дѣвицу: отецъ и мать ея согласны: братъ не согласенъ. Турокъ предлагаетъ отравить брата змѣинымъ ядомъ. По ошибкѣ дѣвица поднесла ядъ своему любовнику и горько о томъ сожалѣеть.

№ 42. Въ сборникѣ македонскихъ болгарскихъ пѣсень *Верковица* (№ 317) родные мужа готовятъ ядовитое кушанье изъ двухъ змѣй и отравляютъ молодую и прекрасную замужную женщину Стану.

№№ 43—44. Пѣсни о сестрѣ отравительницѣ извѣстны латышамъ и литовцамъ. Въ литовской пѣснѣ изъ Троковского уѣзда Виленской губ.: “Ой на горѣ на высокой Аленушка лень таскала. Генераль предлагаетъ А. уйти съ нимъ. А. говоритъ, что братъ не позволитъ. Генераль предлагаетъ отравить брата. А. говоритъ, что у ней нѣтъ такого зѣлля. Генераль совѣтуетъ сорвать въ саду ядовитую траву, сварить ее съ чаемъ, слить въ стаканъ и отнести въ свѣтлицу. Братъ умеръ. Генераль побоялся жениться на отравительницѣ. Пѣсня оканчивается словами сестры: “нужно и мнѣ теперь нищенствовать и за брата молиться“. (*Перетцъ* въ *Кіев. Стар.* 1892, VI, 466). Въ близкомъ литовскомъ вариантѣ братъ возвращается съ охоты; приготовленіе отравы буквально сходное. Упавъ съ коня, братъ проситъ сестру приготовить ему постельку; генераль отказывается отъ женитьбы, и отравительница рада выйти и за нищаго (*Kolberg*, въ *Zbiór wiadomości* III 208—209). Последняя подробность о нищенствѣ отвѣчаетъ тѣмъ малорусскимъ вариантамъ, гдѣ отравительница идетъ замужъ за нищаго. По описанію приготовленія яда, эта литовская пѣсня представляетъ очень близкій, мѣстами дословный вариантъ галицко-русской пѣсни № 9.

№ 45 Въ албанской пѣснѣ мужчина подговариваетъ дѣвуху извлечь изъ головы змѣи ядъ и въ смѣси съ виномъ отравить брата.

№ 46. Въ румынской пѣснѣ свекруха приказываетъ повару сварить три змѣиныхъ головы и отравить невѣстку; существуютъ сходныя новогреческія и италіанскія пѣсни (*Child* I. 156).

№ 47. Пѣсни о сестрѣ, отравившей брата, распространены и среди мадьяръ. Братъ носитъ имя Ивана. Отравительницей является не родная сестра, а золовка. Мать спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ? О.—у золовки! В. Что ѣлъ? О.—Пятнистую жабу (въ вар. рыка). Умирающій (Иванъ) оставляетъ матери горе, братьямъ быковъ и лошадей, сестрамъ домашнія вещи, золовкѣ—вѣчное проклятіе (*Child* I 154, II 499).

№№ 48—50. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о „Schlangenköchin“ сынъ (Гебрихъ) на вопросы матери отвѣчаетъ, что онъ былъ у своей любовницы, ѣлъ пеструю рыбу (=змѣю), остатки которой далъ собакѣ, и собака издохла. Умирая, Гебрихъ желаетъ своимъ родителямъ всего хорошаго, а отравительницѣ адскія мученія. Въ одномъ нѣмецкомъ вар. мать спрашиваетъ у сына, гдѣ постлать ему постель и получаетъ, отвѣтъ: на кладбищѣ. Въ вариантахъ отравительницей является бабушка или тетка. Подобнаго рода пѣсни записаны въ Швеціи и Даніи. Отравительницей является въ нихъ мачиха или тетка, жертвой—дѣвуха. Въ концѣ пѣсенъ обычныя благопожеланія роднымъ и проклятіе отравительницѣ (*Child* I 152—154).

№ 51. Сербо-лужицкая пѣсня объ отравленіи молодого человѣка въ сборникѣ *Гаупта и Шмалера* (I, 110) представляетъ передѣлку германскихъ пѣсенъ и сходна съ ними даже въ мелочахъ.

№ 52. Уже въ концѣ XVIII в. въ Англіи были распространены баллады объ отравленіи брата. Около 20 вариантовъ издано въ послѣднее время въ превосходномъ сборникѣ Чайльда. Въ одномъ изъ лучшихъ вариантовъ фигурируетъ лордъ Рандаль и по его имени названы другія англійскія и шотландскія баллады этого рода. Всѣ баллады изложены въ діалогической

формѣ. Гдѣ ты былъ, мой сынъ?—спрашиваетъ мать. О. Въ лѣсу зеленомъ. В. Кого тамъ встрѣтилъ? О. Любовницу мою. В. Что она дала тебѣ? О. Зажаренную змѣю. В. Кому бросилъ остатки? О. Моимъ собакамъ. В. Что съ ними сдѣлалось? Поздихали. Мать: Ты отравленъ, мой сынъ. Сынъ: Сердце болитъ. Далѣе идутъ вопросы матери, что сынъ завѣщаетъ своимъ роднымъ, и отвѣты, что онъ оставляетъ братьямъ и сестрамъ коней, быковъ, родителямъ горе и бѣдность, своей возлюбленной адскій огонь. Всѣ англійскіе и шотландскіе варианты начинаются съ вопроса матери:

O where have you been, Lord Ronald, thy son?... т. е. гдѣ ты былъ, мой сынъ (ими рекъ), далѣе съ повтореніемъ, гдѣ ты былъ мой красавчикъ? и затѣмъ слѣдуютъ отвѣты сына (*Child* 157—166, II 498, IV 498, VI 499 и VIII 449).

№ № 53—54. Существуетъ много италіанскихъ вариантовъ разбираемой пѣсни, причемъ древнѣйшіе слѣды ихъ восходятъ къ 1629 и 1656 годамъ. Мать спрашиваетъ сына, гдѣ онъ былъ? Онъ былъ у милой, отравленъ угремъ (змѣей), посылаетъ за врачомъ, умирая, оставляетъ матери дворецъ, братьямъ лошадей, сестрамъ приданное, любовницѣ висѣлицу (*Child* I 153). Встрѣчаются буквальные совпаденія съ малорусскими пѣснями, напр. „el mio suor sta mal“, „e la n'a dato m'anguila zostita“... Въ нѣкоторыхъ вариантахъ жена добываетъ изъ змѣи ядъ и пытается отравить мужа, по возвращеніи его съ охоты; но мужъ заставляетъ ее выпить отраву. Между нѣкоторыми италіанскими и галицко-русскими пѣснями обнаруживается замѣчательное, совпаденіе, на примѣръ:

Dove si stà jersira.
Xiglinol mio caro, fiorito e gentil?
Dove si stà jersir?
Son stà dalla mia dama;
Signora Mama, mio core sta mal ¹⁾ (*Child* I 153).

Съ этимъ началомъ италіанской пѣсни совпадаетъ слѣд.:

Сынку Васильку, жалости мой,
Ой ци ходивъ ты къ вдови на вечерницѣ,

¹⁾ Буквальный переводъ: Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ, мой милый дорогой сынъ? Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? Я былъ у моей дамы, матушки, и мое сердце, болитъ....

Хедивъ а, ненько, шире серденько. (Голов. II 584).

Вратъ ся нива наливле

За сердце ся истискае (Голов. I 207).

Италянскія пѣсни этого рода называются L' Avvelenato т. е. отравленный. Любопытно совпаденіе по діалогической формѣ и по содержанію, доходящее до мелочей, напр. jersiga (вчера вечеромъ) вполне отвѣчаетъ лалорусскимъ вечерницамъ.

Вообще, италянскіе варианты имѣютъ замѣчательно большое сходство съ славянскими, напр., слѣдующій (Donna Lombarda) изъ Пиемонта, напечатанный въ "Canti popolari del Piemonte" (1888 г.) *Ниры* (передаю въ переводѣ на рус-языкъ). Полюби меня, милая ломбардка; "какъ мнѣ любить тебя, когда у меня мужъ"; отрави мужа; "укажи, какъ это сдѣлать".—Въ саду за домомъ есть змѣя, поймай ее, столчи и брось въ окно; когда мужъ возвратится съ охоты, дай ему вина. "Отчего, милая ломбардка, такое мутное вино?" (спрашиваетъ мужъ).—Вѣтеръ съ моря его помутилъ. Далѣе мужъ заставляетъ ее выпить вино, угрожая мечомъ. За первымъ глоткомъ у ломбардки измѣнился цвѣтъ лица, за вторымъ она позвала священника, а за третьимъ могильщика. Этотъ италянскій вариантъ почти буквально совпадаетъ съ галицко-русскимъ подъ № 11.

Сравненіе вариантовъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одной пѣснью. Сходство вариантовъ настолько велико, что не представляется достаточного основанія для постановки теоріи о версіяхъ пѣсни. Можно намѣтить только такія особенности: въ западно-европейскихъ вариантахъ болѣе выдержана діалогическая форма пѣсни, въ славянскихъ она выдержана лишь въ весьма немногихъ вариантахъ, сохранена еще кое-гдѣ въ началѣ пѣсенъ и совсѣмъ потеряна въ концѣ. Крупнѣе другая особенность: въ европейскихъ вариантахъ обычны пожеланія умирающаго и роздача роднымъ имущества, въ славянскихъ—нѣтъ ни пожеланій, ни просьбъ, ни завѣщаній, если не считать проскальзывающей въ нѣкоторыхъ вариантахъ просьбы умирающаго позаботиться о его дѣтяхъ.

.....

Обратимся къ болѣе детальному обзору мотивовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Относительно запѣва нужно сказать, что въ славянскихъ вариантахъ имѣтъ опредѣленнаго запѣва, а въ западно-европейскихъ установившимся приѣмомъ начала пѣсенъ этого рода называется обращенный въ сыну вопросъ матери, гдѣ онъ былъ. Изъ славянскихъ вариантовъ сходство по запѣву обнаруживается лишь въ сербскихъ (молодецъ между двумя дѣвицами) и отчасти великорусскихъ (струганье стружекъ, какъ символъ любви, на основѣ матеріальнаго характера)

Славянскіе варианты начинаются съ того мотива, что дѣвица проситъ мужчину жениться на ней. Мѣсто дѣйствія первой ихъ встрѣчи—криницы въ полѣ, поле, лугъ, берегъ рѣки (Дуная въ № 21), во многихъ вариантахъ совсѣмъ не обозначается.

Соблазнитель въ малорусскихъ пѣсняхъ сербъ, армянинъ, вообще чужестранецъ или инородецъ; въ моравскихъ—гусары, вообще сторонніе люди; въ болгарскихъ и польскихъ также замѣтно такое обособленіе (турокъ № 41, подолянецъ №№ 33—34).

Отравительницей является въ западно-европейскихъ вариантахъ большею частью любовница, въ славянскихъ сестра; жертвой—любовникъ или братъ. Въ древнѣйшемъ италіянскомъ вариантѣ дѣвушка отравляетъ своего возлюбленнаго. Въ малорусскихъ, великор. и бѣлор. вариантахъ собственныя имена встрѣчаются рѣдко; въ галицко-русскихъ отравительница названа Параской, а жертва Иваномъ. Послѣднее имя усвоено моравскими и мадьярскими пѣснями. Въ западно-европейскихъ пѣсняхъ личныя имена обычны (Генрихъ, лордъ Рандаль, Тиранти).

Въ малор. вар. (№№ 16—19) обнаруживается тенденція вину преступленія перенести на мать дѣвушки; она дала яду.

Въ отраву въ громадномъ большинствѣ западно-европейскихъ и славянскихъ вариантовъ идетъ змѣя, иногда двѣ или три змѣи; въ одномъ галиц.-рус. съ добавленіемъ ящерицы; въ многихъ вариантахъ змѣя прямо не названа, а лишь подразумѣвается подъ „пестрой рыбой“; изрѣдка она замѣнена

жабой (мадьярскій вариантъ), иногда (вар. малор., англ.) упоминается отравя, безъ указанія, изъ чего она составлена. Въ одномъ малорусскомъ вариантѣ (№ 3) у змѣи болитъ голова, что отвѣчаетъ народному повѣрью, будто у змѣи всегда болитъ голова, вѣроятно, отъ присутствія въ ней яда. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (№ 26 и др.) сила яда характеризуется тѣмъ, что отъ капли загорается у коня грива.

Повѣрье о возможности отравленія змѣинымъ ядомъ раздѣляютъ многіе народы. Въ русской сказкѣ, записанной въ Терской области, колдунья даетъ такой совѣтъ: „пустъ царица испечетъ хлѣбъ на змѣиномъ салѣ и дастъ его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его и разорветъ на нѣсколько частей“ (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа VII, 144*). Это повѣрье прочно держалось въ древней Россіи. Такъ, лѣтописецъ по поводу эпидеміи 1286 г. говоритъ слѣдующее: „Татарѣ многа зла сотвориша Русской землѣ, а же не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо сердце человѣческое мочаху въ ядъ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вся въ ядъ обратихася и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ“! Въ кабардинской сказкѣ про Пшибадиного всѣ нарты съ богатыремъ Сосруко во главѣ совѣщаются, какъ погубить Ишебадиного: они налили въ чашу бѣлаго сале (вина?) и опустили туда три ядовитыхъ змѣи (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII, 34*).

Весьма интересна одна подробность въ малор. (№№ 1—2) и болгар. (40) вар.: змѣю вѣшаютъ на дерево, чтобы ядъ стекъ въ поставленный внизу сосудъ. У Лопарей существуетъ обычай вѣшать убитыхъ змѣй на дерево (*Харузинъ 206*). Въ дѣтствѣ я жила въ Малороссіи, въ мѣстности очень изменной и обильной змѣями. Припоминаю, что деревенскіе ребятишки за лѣто убивали много змѣй и почему-то вѣшали ихъ на деревѣ лентами. Случайная ли это игра дѣтей, или она вызвана какимъ-нибудь повѣрьемъ, отвѣчаетъ лопарскому обычаю и, быть можетъ, стоитъ въ связи съ разобраннымъ пѣсеннымъ мотивомъ—судить не берусь.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ обозначена посуда, въ малор. (1—2) коновочка, въ сербскихъ (37) кондирь (т. е. чаша или бокаль), большею частью склянка (10, 30, 43).

Приготовление яда въ иныхъ пѣсняхъ обойдено молчаніемъ, въ другихъ объяснено: простое извлеченіе изъ змѣиной головы (1—2), настой на хододной водѣ и пр. (9, 11). Тенденція въ объясненію приготовления яда обнаруживается почти исключительно въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Ядъ большею частью смѣшивается съ другимъ напиткомъ, чаще всего съ пивомъ (1—2, 7, 24), изрѣдка виномъ (30, 33), медомъ (23) или преподносится въ пирогѣ (11).

Братъ возвращается обыкновенно съ охоты (7, 34, 44, 53, 54), иногда съ дороги (1), чаще всего безъ обозначенія. Такъ какъ возвращеніе съ охоты встрѣчается въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (малоруссовъ, поляковъ, латышей, итальянцевъ), то эту подробность нужно признать одной изъ наиболѣе древнихъ.

Въ одномъ малорусскомъ вар. (16) обнаруживается сначала любовная приворожба и потомъ слѣдуетъ отравленіе—очевидная амплификація, плохо мотивированная.

Дѣйствіе яда обнаруживается въ томъ, что братъ падаетъ съ коня (1, 33, 39, 40, 44), жалуется на боль въ сердцѣ (21, 36, 62, 53), измѣняется въ лицѣ (11, 36, 54).

Въ одномъ малорусскомъ вариантѣ (22) встрѣчается описательное выраженіе „никогда“, взятое изъ другихъ пѣсень, вѣроятно, изъ цикла пѣсень о смерти солдата (см. мою ст. въ Этнограф. Обзор. 1893, II).

Умиравшій въ западно-европейскихъ вариантахъ высказываетъ послѣднюю свою волю; въ малорусскихъ удержалось (въ № 9) пожеланіе для отравительницы висѣлицы. Такое пожеланіе встрѣчается въ итальянскихъ и англійскихъ вар. Въ нѣмецкихъ, англійскихъ, шведскихъ и датскихъ для отравительницы оставлены адскія мученія.

Въ одномъ болгарскомъ вар. дѣвушка по ошибкѣ подноситъ ядъ любовнику (41).

Въ польской пѣснѣ (33) преступность сестры усилена той чертой, что братъ привезъ ей подарки.

Въ англійскихъ, германскихъ (и отрасли ихъ сербо-лужицкомъ) вар. умирающій проситъ мать постлатъ ему постель. Въ славянскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ встрѣчается изрѣдка (въ моравскихъ). Обращеніе умирающаго къ матери довольно обычно въ малорусскихъ пѣсняхъ (23).

Въ малор. вар. при смерти брата присутствуютъ односельчане (20)—оригинальная черта.

Отравительница въ немногихъ пѣсняхъ (10, 33) обнаруживаетъ раскаяніе.

Почти во всѣхъ вариантахъ соблазнитель отказывается отъ женитьбы на отравительницѣ.

Отравительница выходитъ замужъ за нищаго въ малор. и латышскихъ пѣсняхъ (3, 4, 5, 24, 43, 44), въ послѣднихъ, вѣроятно, въ зависимости отъ малорусскихъ.

Казнь отравительницы встрѣчается въ славянскихъ и западно-европейскихъ пѣсняхъ (9, 26, 33, 36, 53, 54): ее садятъ въ тюрьму, вѣшаютъ; братъ обезглавливаетъ ее (26) или только грозитъ казною (53); сожигаютъ (10, 26).

Умершаго брата хоронятъ со звономъ въ нѣкоторыхъ польскихъ и моравскихъ вариантахъ (33, 36).

Есть намеки (напр. въ № 9) на пѣсни, сложенные о сестрѣ отравительницѣ.

Пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ издавна были популярны въ Европѣ. Онѣ легко переходили отъ одного народа къ другому. Пути ихъ движенія и распространенія переплетались, и опредѣлить ихъ въ настоящее время весьма затруднительно. Пѣсня первоначально возникла гдѣ-то въ западной Европѣ, быть можетъ, въ Италіи, гдѣ она циркулировала уже въ началѣ XVII в. Въ Малороссію пѣсни этого рода проникли, повидимому, разными путями и въ разное время. Самый интересный галицко-русскій вариантъ (№ 25) несомнѣнно идетъ прямо съ запада; онъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ мадьярскими, нѣмецкими и италіанскими пѣснями этого рода. Сходство простирается даже на мелочи. Другой любопытный галицко-русскій вариантъ (№ 9) стоитъ въ близкомъ родствѣ съ польскимъ (33) и моравскимъ (36). Третій галицко-русскій ва-

ріантъ (№ 11) вмѣстѣ съ моравскимъ (36) прямо примыкаетъ къ италіанскому (54). Въ виду того, что во многихъ малорусскихъ вариантахъ упоминается сербинъ, можно думать о посредствующемъ значеніи для нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсень сербскихъ вариантовъ, хотя въ извѣстныхъ въ печати сербскихъ пѣсняхъ этого рода не обнаруживается большого сходства съ малорусскими. Возможно, что „сербинъ“ попалъ случайно въ значеніи чужеземца вообще. Изъ Малороссіи пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ легко могли проникнуть въ Великороссію, гдѣ въ нимъ приросъ новый запѣвъ, въ Бѣлоруссію, въ Литву. Великорусскія обработки въ искаженіи могли возвращаться въ Малороссію, и такимъ выродкомъ можно считать харьковскій вариантъ (№ 21). Въ малорусскихъ вариантахъ (№ 1—2) можно усмотрѣть вліяніе болгарскаго (40), по большому сходству полученія яда. Главный токъ шель, повидимому, съ запада чрезъ Чехію и Моравіюкъ южнымъ и восточнымъ славянамъ.

Вопросъ о происхожденіи цѣла пѣсень объ отравленіи брата сестрой—вопросъ темный. Можетъ быть, мы подойдемъ къ его разрѣшенію, если пріймемъ во вниманіе, что въ сказкахъ разныхъ народовъ, сказкахъ весьма распространенныхъ, извѣстныхъ уже съ давняго времени, встрѣчается попытка матери отравить сына. Мать влюбляется въ великана, чудовище, чародѣя или просто сосѣдняго царя, убиваетъ мужа и хочетъ извести своего сына, который оказывается обыкновенно богатыремъ и мститъ потомъ матери и ея любовнику. Изъ сказокъ тотъ мотивъ проникъ въ повѣсти, напр., въ сѣверо-французскій романъ о Бовѣ Королевичѣ и его многочисленныя италіанскія передѣлки (*Веселовскій*, въ *Ист. литер. Галахова*, 453), равно какъ и въ русскіе переводы. Въ старинномъ русскомъ переводѣ „прекрасная королева Милитриса, вшедъ въ королевскія палаты, начала мѣсить два хлѣбца своими руками на змѣиномъ салѣ въ пшеничномъ тѣстѣ“. Она послала эти хлѣбцы съ дѣвкой Бовѣ въ темницу; но дѣвушка пожалѣла Бову, бросила хлѣбы собакамъ; „и сколь скоро выжлецы хлѣбцы съѣли и скоряя того ихъ разорвало по макову зерну (*Памятн. древн.*

писъм. 1879 I, 58). Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ вариантахъ братъ бросаетъ хлѣбъ собакамъ, которыя издыхаютъ. Извѣстно, что пѣсни жили въ тѣсномъ общеніи со сказками. Легко могло случиться, что связочный или даже повѣствовательный мотивъ о матери отравительницѣ въ XIV или XV вѣкѣ получилъ въ западной Европѣ во Франціи и въ Италіи пѣсенную обработку съ замѣной сына и матери братомъ и сестрой. Этотъ мотивъ могъ распространяться въ устной словесности европейскихъ народовъ параллельно съ распространениемъ сказки о Бовѣ Королевичѣ.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

16

5
254

ЛЕГЕНДА

o

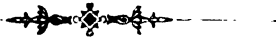
БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦЪ.

Н. О. Сумцова.

(Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“).

Printed in Russia,

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й.

1894

ЛЕГЕНДА

БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦЪ.

Н. С. Сумцова.

(Оттисокъ изъ журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

1894.

27 233.61.5

• Grant Fund

Доволено цензурою. Кієвъ, 6 Октября 1894 года.

ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная и старинная малорусскія версія легенды о малярѣ.—Нѣмецкія и французскія фавль.—Отраженіе легенды въ памятникахъ искусства.—Предположеніе о происхожденіи легенды.

Въ Малороссіи большой популярностью пользуется легенда о благочестивомъ малярѣ. Въ печати она также извѣстна. Сравнительно болѣе подробный и лучше развитый варіантъ въ сборникѣ легендъ изъ купянскаго уѣзда харьков. губ. г. *Иванова* въ „Этногр. Обзор.“ 1892 кн. 2—3, стр. 73—75.

— Жывъ колысь соби одынь благочестывый маляръ. Винъ рисувавъ иконы ловко и дома, и въ церквѣ; молився усердно Богу и дуже не любивъ лукавыхъ. Отъ разъ нарисувавъ винъ выдъ нечыстого и поставывъ въ тимъ мисти, куды ходывъ про себе. Каждый разъ, якъ пиде туды, яку-небудь и зрѣбе ему пакость; и высквернивъ ёго такъ, що то бувъ страшный, а то ще страшайше ставъ. Розсердився на его лукавыи, явився ему во снѣ и каже: „посміявся ты зъ мене, а я якъ зъ тебе посміюсь, то зъ тебе и людей не буде!“ Маляръ не злякався ёго, ще пуще знущается надъ нымъ. Отъ одынь разъ зазвоннылы до утрени, собралысь люды, дывляця, а на иконостасы нема ни капли золота и кой-яки иконы тожъ обобрани, що булы зъ золотомъ. Тоди люды собралысь и пишы кой-кого изъ примитныхъ трусыты (обыскивать). И отъ ходылы скрызъ по слободи, всю слободу пройшылы и ни въ кого не нашлы. Якъ идуть мимо маляра, одынь чоловикъ и каже: „давайте до ёго зайдемъ!“ а други кажутъ: „хиба можно, щобъ цей чоловикъ се зробывъ?“

Той опять: „та ни таки, зайдѣмъ!“ Ти опять: „хиба такы можно на ёго це думаты: винѣ николи ничего чужого не трогавъ, а то, бачѣ, полize у церкву... та зайты, такъ и зайдимъ“. Отъ зайшлы и начали скрызъ шукаты. Шукалы, шукалы—нема ниде; потимъ якось заглянули пидъ трубу, а тамъ стоить тры мишка золота. Ну, золото забрали, а маляра повели на судъ и осудыли его на суди повисыты за его кражу. Якъ является до его лукавый и каже: „согласысь поставыты мене къ ликамъ Божиимъ и власты мени що дни пять поклонъ, то я тебе выручу“. Маляръ согласылся, пишовъ додому, взявъ выдъ лукавого, обмывъ гарненько и поставивъ къ ликамъ Божиимъ. А лукавый принявъ выдъ маляра, его и повели вишаты замісто маляра. Повисылы и пишлы люды въ церкву. Дывляця, а на иконахъ все золото цило и на иконостаси. Вони и кажутъ: „защожъ це мы его загубылы!“—и пожалылы за нимъ. Потимъ идуть зъ церкви, глядъ, а намісто маляра на висылыци висыть вязанка соломы, люды удывылысь и пишлы до маляра, а винѣ живый. Глядъ на стину, а у него висыть тамъ мижъ богами лукавый. Вони и спрашуютъ маляра: „на що ты цю пакость повисывъ межъ иконы святи“? Винѣ и розказавъ имъ все поряду, якъ и що було; тоди вони устрашылысь и пишлы выдъ его геть. Но не довго маляръ ему молився: напала на него скорбъ и мучыла его такъ, що винѣ скоро и пропавъ безъ всякой висти, такъ що ныхто и незнавъ, де винѣ и дився“.

Въ вар. г. *Драгоманова* въ „Малорус. преданіяхъ и разсказахъ“ стр. 51 подъ заглавіемъ „Местъ чорта богомольному чловѣку“ не сказано, что этотъ чловѣкъ маляръ. Чортъ разсердился на благочестиваго чловѣка за то, что онъ „въ церкви Богу молыться, а чортови дули плае“. Великорусскій варіантъ у *Аванасьева* („Сказки“ IV, 542).

Легенда о малярѣ была хорошо извѣстна въ южно-русской схоластической литературѣ XVII вѣка. Въ „Небѣ Новомъ“ *Галатовскаго*, вышедшемъ впервые въ 1665 г. во Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, затѣмъ въ Черниговѣ въ 1677 г. и въ Могилевѣ въ 1699 г., въ XXI главѣ говорится, что одинъ живописецъ очень хорошо нарисовалъ пресв. Дѣву

Марію и помѣстилъ подъ ея ногами чорта въ отвратительномъ видѣ. Обиженный чортъ вихремъ налетѣлъ на него и опрокинулъ лѣстницу, на которой онъ стоялъ.

Въ 24 главѣ „Неба“ находится разсказъ о томъ, что въ одномъ монастырѣ монахъ живописецъ очень хорошо изображалъ пр. Дѣву Марію и очень безобразнымъ рисовалъ чорта. Чортъ сталъ его мучить и соблазнилъ обокрасть церковь. Монаха хотѣли казнить и уже привязали его къ столбу для казни; но пресв. Богородица освободила его, привязала къ столбу чорта, и монахи сильно избили его. Послѣднее сказаніе, очевидно, стоитъ въ родствѣ съ современными народными легендами о малярѣ и, можетъ быть, было непосредственнымъ для нихъ источникомъ. Галатовскій хорошо былъ знакомъ со средневѣковой схоластической литературой, и, вѣроятно, отсюда онъ взялъ легенду о малярѣ.

Легенда о благочестивомъ живописцѣ въ Германіи и во Франціи въ XII—XIV ст. входила въ *fabliaux*, новеллы, проповѣди, памятники искусства. Въ древнемъ нѣмецкомъ стихотвореніи „*Magia und der malere*“ говорится, что одинъ талантливый живописецъ однажды нарисовалъ на наружныхъ стѣнахъ храма картину, въ которой пресв. Богородицу изобразилъ, какъ можно лучше, а демона, какъ могъ хуже. Демонъ разсердился и сдѣлалъ строгій выговоръ живописцу, но послѣдній нарисовалъ его еще болѣе безобразнымъ. Тогда демонъ бросился на него во время работы и хотѣлъ его сбросить съ приставныхъ лѣсовъ; но живописецъ обратился съ молитвой къ пресв. Богородицѣ, и Она протянула съ иконы правую руку и поддержала его. Демонъ улетѣлъ и болѣе не беспокоилъ художника. (*Hagen, Gesammtabenteuer*, III, 474—476).

Насколько разсказъ о благочестивомъ художникѣ былъ популяренъ въ старинное время въ европейскихъ литературахъ, видно изъ того, что онъ вошелъ въ фривольную сферу фавльо. Въ сборникѣ Барбозана и Меона приведена, между прочими, слѣдующая новелла (передаю въ сокращеніи г. *Шепелевича* въ „Очеркахъ изъ ист. средневѣк. литер.“ 24—25). На стѣнахъ церкви монахъ художникъ изобразилъ сцены изъ райа и ада.

Ему удалось нарисовать такого дьявола, что никто не могъ смотрѣть на него безъ отвращенія. Мало того, монахъ взялся за рѣзецъ, и результаты оказались блестящими: дьяволъ оказался столь ужаснымъ и безобразнымъ, что всѣ, кто его только видѣлъ, серьезно увѣрили, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ не видѣли никогда такого безобразія. Дьяволъ обидѣлся, явился къ художнику и осыпалъ его упреками за изображеніе его безобразія, увѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить ненавистное ему изображеніе. Но монахъ отказался повиноваться. Тогда дьяволъ рѣшилъ ему отомстить. Онъ склонилъ монаха влюбиться въ монахиню сосѣдней обители, добиться ея взаимности и не только увѣжать вмѣстѣ съ нею, но еще унести монастырскія сокровища. Виновный былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; его ожидала смертная казнь. Въ тюрьмѣ его посѣтилъ дьяволъ и обѣщаль выпутать изъ бѣды, если отвратительное изображеніе будетъ уничтожено. Монахъ съ радостью согласился. Дьяволъ освободилъ его, остался въ тюрьмѣ, а монахъ отправился въ келію. Утромъ монахи пришли за осужденнымъ на казнь; но каково было ихъ изумленіе, когда они увидѣли прикованнаго къ столбу чорта. Онъ сорвался съ цѣпи и съ шумомъ улетѣлъ. Монахи пришли къ заключенію, что во всемъ этомъ дѣлѣ братъ былъ ни причемъ и что все натворилъ лукавый бѣсъ. Художникъ сдѣлалъ другое, болѣе благообразное изображеніе чорта. Въ другой версіи заключеніе иное. Послѣ троекратныхъ просьбъ и угрозъ чорта, художникъ не только не сдѣлалъ уступки, но изобразилъ чорта попранымъ ногами Богородицы и низвергаемымъ въ адъ. Чортъ толкнулъ лѣстницу, на которой стоялъ живописецъ, когда оканчивалъ свой назидательный трудъ; но пресв. Дѣва съ образа схватила за руку художника и спасла его отъ гибели. Последняя версія, очевидно, тождественна съ древнимъ нѣмецкимъ фавлю.

Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XV вѣка въ библиотекѣ св. Марка г. Шепелевичъ нашелъ латинскій пересказъ, очень короткій. Вотъ его начало: „О живописцѣ и дьяволѣ. Живописецъ нарисовалъ дьявола въ безобразномъ видѣ и очень низко, а пресв. Дѣву въ славі и высоко; тогда явился дѣволъ“. Да-

лѣе передаются упреки дьявола и отказъ живописца уничтожить изображение. Чортъ толкаетъ лѣстницу; но икона протянула руку живописцу и удержала отъ паденія“ (ib. 26).

Этотъ разсказъ отразился въ искусствѣ. Г. Шепелевичъ указываетъ на миниатюры въ рукописи, известной подъ названіемъ Псалтири королевы Маріи (ib. 25).

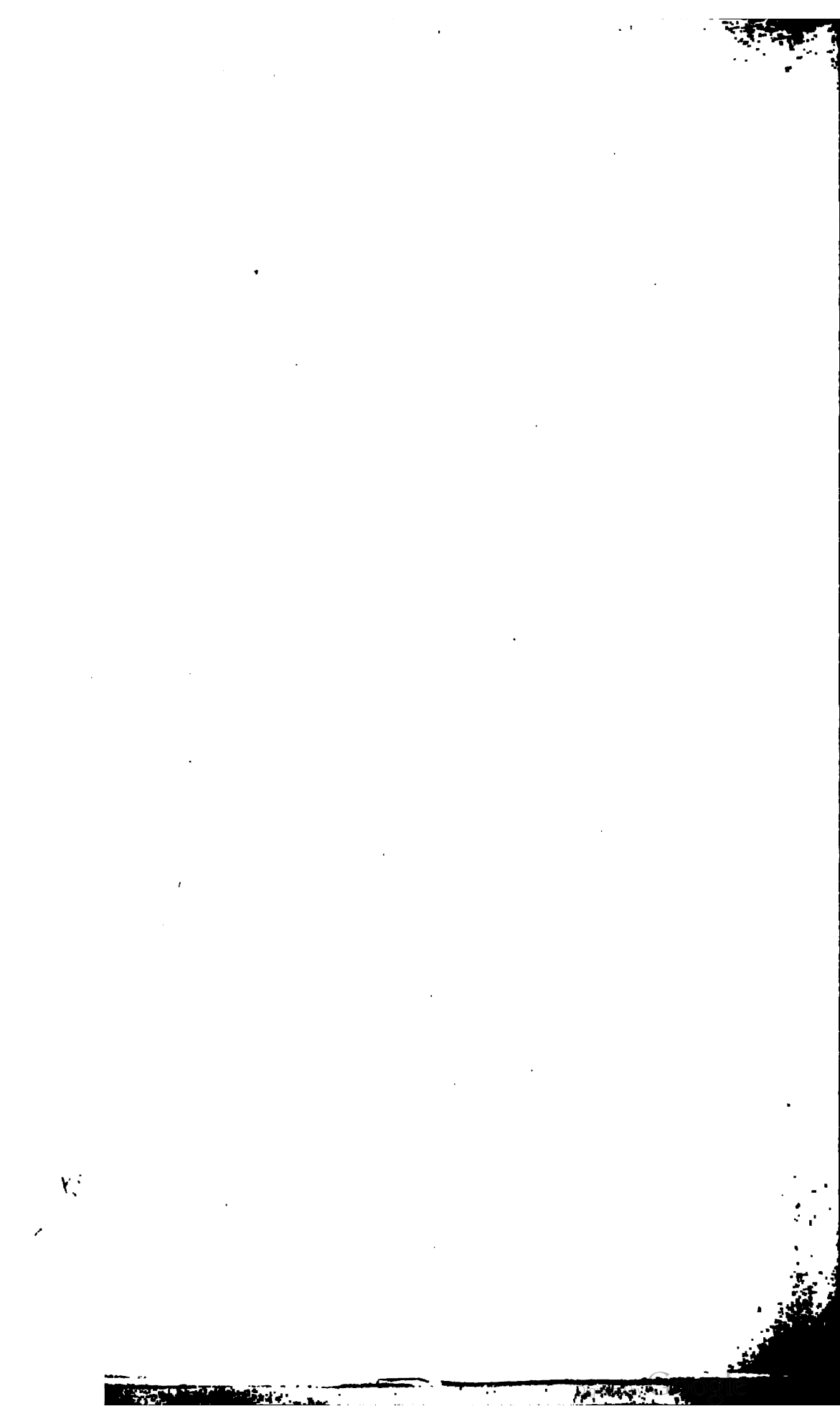
Разсказъ возникъ въ монастырской средѣ въ глухіе средніе вѣка; въ основаніи его, по всей вѣроятности, лежитъ дѣйствительный случай: монахъ живописецъ обворовалъ церковь и сбѣжалъ, можетъ быть, даже съ сосѣдней монахиней, какъ передаетъ французская версія; но его преступленіе было истолковано въ его пользу вмѣшательствомъ чорта—довольно обычное явленіе средневѣковой жизни, когда чортъ являлся къ услугамъ тѣхъ, кто желалъ воспользоваться имъ, оправдать близкаго человека, насолить врагу, прикрыть и оправдать нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ. Разъ попалъ этотъ разсказъ въ письменность, онъ пришелся по плечу тогдашней читающей публики, вошелъ въ разрядъ многочисленныхъ демонологическихъ легендъ, связанъ былъ съ обширнымъ цикломъ сказаній о Мадоннѣ и въ разныхъ формахъ циркулировалъ въ Европѣ, начиная съ сухихъ монастырскихъ хроникъ до фривольныхъ фавль. Въ Малороссію его внесла, вѣроятно, схоластическая литература, мѣстные ея представители, изъ воспитанниковъ кievскаго коллегиума; съ ихъ легкой руки легенда о благочестивомъ живописцѣ привилась къ малорусской народной словесности, что могло произойти безъ прямого непосредственнаго воздѣйствія западныхъ фавль.

Н. Ф. Сумцовъ.

25d

6

Александр

ДУМА

ОВЪ

АЛЕКСѢЙЪ ПОПОВИЧЪ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ТЕОФАНА ГАВРИЛОВИЧА ЛЕБЕДИНЦЕВА).

Н. Д. Сумцова.

ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Printed in Russia.

КИЕВЪ,
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица домъ № 4
1894.

0

ДУМА

ОВЪ

АЛЕКСЪВЪ ПОПОВИЧЪ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ТЕОФАНА ГАВРИЛОВИЧА ЛЕБЕДИНЦЕВА).

Н. О. Сумцова.

ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

КИЕВЪ,

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1894.

27233.61.5

Дозволено Цензурою Кієвъ 30 Апрѣля 1894 г.

ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢѢ ПОПОВИЧѢ.

(Посвящается памяти Θεофана Гавриловича Лебединцева).

СОДЕРЖАНІЕ.

Малорусскія думы про Олексія Поповича.—Мифы А. А. Потемки.—Параллели болгарская, сербская, шотландская, датскія и скандинавскія.—Южнорусскія легенды у Галатовскаго и Петра Могилы.—Средневѣковыя латинскія сказанія о покаяніи грѣшника на морѣ.—Къ вопросу о происхожденіи думы.—Обзоръ деталей 1) черное море, 2) соколъ буревѣстникъ, 3) морская буря, 4) Биларпская земля, 5) Грицько Коломнеченко, 6) Олексій Поповичъ, 7) грѣхи Олексія сравнительно съ грѣхами Станковича, Дуки, Броучъ-Робина, Рейнера и друг. 8) жертвоприношеніе крови, 9) отдова-матчина молитва и 10) „на чудь“. Заключение.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ извѣстны во многихъ весьма сходныхъ вариантахъ (перечисл. въ „Мысляхъ“ г. *Житецкаго* на стр. 233), и мнѣ приходилось еще слышать ихъ изъ устъ кобзарей въ харьковской губ., причемъ сходство ихъ съ напечат. въ „Историческихъ пѣсняхъ малор. нар.“ г.г. Антоновича и Драгоманова доходило до полного почти тождества. Содержаніе думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ настолько хорошо извѣстно, что нѣтъ надобности здѣсь подробно на немъ останавливаться. Напомнимъ читателю только основные мотивы: „на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ сидитъ соколъ и вилить. Онъ предчувствуетъ бурю, которая, дѣйствительно, наступаетъ и разноситъ въ разныя стороны казацкія чайки; одну понесло въ бѣло-арапскую землю, другую забило въ Дунайское гирло, а третью крутитъ по срединѣ Чернаго моря. Казацкій старшина предлагаетъ казакамъ ваятся въ грѣхахъ; но всѣ казаки за-

молчали, и только одинъ Алексѣй Поповичъ сознается въ тяжкихъ грѣхахъ и предлагаетъ бросить его въ море. Центръ тяжести думы состоитъ въ перечисленіи грѣховъ, и грѣхи во всѣхъ вариантахъ думы почти одни и тѣ же:

Я съ отцемъ и паниматкою прощенія не принимавъ,
 Я отца своего и паниматку стременами въ груди отъ себя отинхавъ,
 Старшаго своего брата зневажавъ,
 Старшую свою сестру сильно проклинавъ,
 ...Кровь христіанскую безвинно проливавъ,
 ...Дѣтокъ маленькихъ добрымъ коземъ разбивавъ...
 А ще мимо царской громады пробигавъ
 За своею гордошею шляпю не здѣйжавъ...
 А близкихъ сусидовъ хлѣба и соли избавлявъ...
 Та ще я ихавъ мимо церкви, Святого Спаса,
 Шапки не зыавъ, —
 Христа на себе не полавъ.

Буря утихаетъ въ однихъ вариантахъ послѣ того, какъ казаки урѣзали у Алексѣя мизинецъ и пустили въ море его кровь, въ другихъ—вслѣдъ за его покаяніемъ, безъ принесенія „святому“ морю жертвы кровью (pars pro toto). Алексѣй Поповичъ читаетъ „святое письмо“ и поучаетъ казаковъ о необходимости почитать отца и мать. Нѣкоторые варианты оканчиваются благопожеланіемъ христіанскому народу здоровья и многолѣтія.

Наибольшій интересъ представляетъ невыясненный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи думы; на немъ здѣсь мы прежде всего остановимся и затѣмъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ деталяхъ думы.

А. А. Потебня во II т. „Объясненій“ стр. 304 замѣтилъ, что „между Олешею, т. е. Александромъ Поповичемъ Ростовскимъ великорусскихъ былинь и Алексѣемъ Поповичемъ Пирятинскимъ малорусской думы можно усмотрѣть лишь весьма несущественное сходство, не дающее основанія заключать, что малорусская дума представляетъ „передѣлку былиннаго образа“ (ср. Н. Дашкевича, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и пр. К. 1883, 60—61), или что „южный Алеша Поповичъ доживаетъ свой вѣкъ въ образѣ Олексія Поповича малорусской думы“ (Веселовскій, Ю. р. был. III—XI 279)“. Я вполне раздѣляю это сомнѣніе А. А. Потебни и иду далѣе, отрицая какую-бы то ни было,

хотя бы самую отдаленную связь малорусских думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ съ великорусскими былинами объ Алешѣ Поповичѣ. Эти произведенія различны во всѣхъ отношеніяхъ, по мѣсту возникновенія, личности героевъ, частнымъ поэтическимъ мотивамъ. Если ужъ искать родственниковъ малорусскаго Олексія Поповича, то послѣдніе окажутся не въ Великороссіи, а въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англіи, Сербіи и Болгаріи. Начнемъ съ болгарской и сербской пѣсенъ, какъ ранѣе отмѣченныхъ въ наукѣ. Указалъ на нихъ А. А. Потебня: „въ слѣдующей болгарской пѣснѣ про Станковича Дуку (Миладиновъ 65 и слѣд.) изъ стихій малор. думы находимъ: бурю на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери, камень ему на шею, заключеніе о непростительности грѣховъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ. Далѣе Потебня привелъ эту пѣсню въ переводѣ на русскій языкъ и, что характерно для самаго Потебни, перевелъ ее стихами:

Разыгралось соленое море:
Сильный вѣтеръ съ четырехъ сторонъ;
Врань воздвиглась высоко до неба,
Ко дну моря видно и до пекла.

Игуменъ Савва созываетъ монаховъ молиться, чтобы море не потопило всю Святую Гору съ монастыремъ свѣтлымъ Хиландаромъ. Море еще пуще разыгралось. Тогда игуменъ Савва и съ нимъ 300 монаховъ идутъ въ келью исповѣдовать большаго Станковича Дуку:

Идутъ впередъ (тѣ) триста монаховъ,
А за ними (самъ) Савва игуменъ;
Вотъ овъ входитъ въ темную келью,
И говоритъ тутъ Савва игуменъ;
„Сыну мой, Станковичу Дуко!
Скажи, сыну, свои прегрѣшенья:
Боленъ лежншь десятое лѣто,
Излежалъ ты ужъ девять постелей,
А къ постелямъ и девять подушекъ;
Севозъ кости тѣ трава проростала
Изъ травы той люти змѣи лазять ..
И говоритъ тутъ Станковичъ Дука:
...„Я скажу тебѣ свои грѣхи (всѣ):
Ни въ чемъ я Богу не былъ грѣшенъ, 1

Только любилъ три куми крестовыхъ,
Только сжегъ я три тырла агнячьихъ,
... Подпалилъ я три амбара жита,
... Монастырей девять я ограбилъ.

Игуменъ говоритъ, что Богъ проститъ Станковича за эти грѣхи. И говоритъ далѣе Станковичъ Дука:

Обуялъ меня сильный дьяволъ,
Поднялся я (рано) въ воскресенье,
Взялъ съ собой коней, соколовъ я,—
Соколовъ и хортовъ и гончихъ,—
И поѣхалъ по лѣсу на ловы.
На встрѣчу мнѣ мать моя старуха,
Въ рукахъ несетъ бѣлыя просфоры,
(Праздновала святого Георгія —
Такъ несла въ церковь приношенья)...
И я отнял бѣлыя просфоры,
Раскрошилъ ихъ хортамъ и гончимъ..

Мать прокляла сына, чтобы онъ болѣлъ 9 лѣтъ, излежалъ 9 постелей и 9 подушекъ.

Тутъ схватилъ я свою мать старуху,
Приподнялъ ее себя повыше
И ударилъ о черную землю—
Вотъ какое мое согрѣшеніе!

Игуменъ Савва приказалъ навязать на шею Станковича Дуки камень въ 300 пудовъ и бросить его въ море. Монахи исполнили приказаніе:

А море то Станка не прибрало,
А море то да вспять побѣжало....

Камень остался на сушѣ и служилъ для людей мѣстомъ сидѣнья.

Кто согрѣшитъ къ матери старухѣ,
Кто согрѣшитъ предъ сестрой милой,
Кто согрѣшитъ предъ милымъ родомъ,
Тому грѣхи во вѣкъ не простятся.
Кто слушаетъ, буде вамъ всѣмъ веселье
И отъ Бога доброе здоровье.

Затѣмъ Потербня приводитъ пѣсню о Лекѣ Дукадинѣ изъ малоизвѣстнаго сборника черногорскихъ пѣсень Чубро Чайковича. Лека боленъ 9 лѣтъ, и уже трава пошла изъ его костей. Мать предлагаетъ ему покаяться въ грѣхахъ. Лека сознается,

что онъ убилъ 5 кумовъ и слюбился съ 5 ихъ женами, затѣмъ убилъ 5 побратимовъ, разграбилъ церковь и разбилъ гробъ, въ которомъ лежали св. Пятница и св. Недѣля; онъ прокляли Леку и осудили его на 9 лѣт. болѣзнь. Когда мать услышала о такихъ преступленіяхъ, она изгнала Леку изъ дома.

Потепця, отмѣчая сходство имени Леки съ Алексѣемъ Поповичемъ, не рѣшается дѣлать окончательнаго вывода. Онъ только замѣчаетъ, что между редакціей, въ коей гибель отъ морской бури грозитъ Святой Горѣ и Хиландарской лаврѣ, и той, какъ въ малорус. думѣ, гдѣ потопаетъ корабль, могутъ быть среднія ступени (ib. 310).

Если болгарскія и сербскія пѣсни, въ родѣ отмѣченныхъ Потепней, и родственны малорусской думѣ, то это очень отдаленное родство источниковъ. Гораздо ближе къ малорусскимъ думамъ подходятъ слѣдующія сѣверно-европейскія баллады:

Въ Шотландіи записана слѣдующая любопытная пѣсня:

It fell upon a Wodensday
 Brown Robyn's men went to sea,
 But they saw neither moon nor sun,
 Nor starlight wi their ee
 We'll cast kevels us among,
 See wha the unhappy man may be,
 The kevel fell on Brown Robyn
 The master—man was he.
 „It is nae wonder“, said Brown Robyn,
 Altho i dinna thrine,
 For wi my mither i had twa bairns
 And wi my sister five.
 But tie me to a plank o wude
 And throw me in the sea,
 And if i sink, ye may bid me sink,
 But if i swim, just lat me bee.
 They' ve tyed him to a plank o wude
 And thrown him in the sea;
 He didna sink, tho they bade him sink,
 He swimd and they bade lat him bee.
 He hadna been into the sea
 An hour but barely three,
 Till by it came Our Blessed Lady
 Her dear young son her wi.
 „Will ye gang to your men again,

Or will ye gang wi me?
 Will ye gang to the high heavens,
 Wi my dear son and me?"
 „J winna gang to my men again,
 For they would be feared at mee;
 But i wond gang to the high heavens,
 Wi thy doar son and thee".
 „It's for nae honour ye did to me, Brown Robyn,
 It's for nae guid ye did to mee;
 But a' is for your fair confession
 You' ve made upon the sea" (*Child* III 18).

Переводъ: Въ четвергъ люди Робинъ Броуна отправились въ море, они не увидѣли ни солнца, ни мѣсяца; и свѣтъ звѣздъ чуждъ былъ ихъ глазамъ. „Мы бросимъ жребій (сказали они) и посмотримъ, кто изъ насъ несчастный“. Жребій палъ на Робинъ Броуна, начальника корабля. „Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ Робинъ, и какая же можетъ быть удача тому, кто съ матерью прижилъ 2 и съ сестрой 5 душъ дѣтей. Привяжите меня къ деревянной доскѣ и бросьте меня въ море; если я начну тонуть, вы не троньте меня, если я поплыву, предоставьте меня моей судьбѣ. Они привязали его къ доскѣ и бросили въ море; онъ не тонулъ, хотя они приказывали ему тонуть; онъ поплылъ, и они оставили его. И онъ былъ въ морѣ не часъ, но плылъ три часа, пока къ нему подошла пресвятая Дѣва Марія и съ Ней ея дорогой Сынъ. „Хочешь ли ты идти обратно къ своимъ людямъ или хочешь пойти со мной? Хочешь ли пойти на высокое небо, гдѣ мой дорогой Сынъ и Я?“ „Я не хочу идти къ моимъ людямъ, потому что они боялись бы меня; но я пошелъ бы на высокое небо, гдѣ Твой дорогой Сынъ и Ты“.—„И это дѣлается не почести ради, но ради твоего прекраснаго (вѣроятно, по искренности) покаянiя, которое ты сдѣлалъ на морѣ“.

Эта шотландская баллада извѣстна всего въ одномъ вариантѣ. Во многихъ вариантахъ баллада эта записана въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, причемъ одинъ датскій вариантъ извѣстенъ по рукописи 1590 года. За небольшими особенностями двухъ датскихъ вар., содержаніе остальныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: Петръ (имя героя) спрашиваетъ свою кормилицу, отъ какой

смерти онъ умереть. Вы не умрете на постели, ни на полѣ битвы, но берегитесь волнъ. Петръ о волнахъ не заботится. Онъ строитъ превосходный корабль (изъ китоваго уса, золота и пр.) и пускается въ море, забывъ упомянуть объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Годъ, два года идетъ плаваніе по бурному морю, и когда корабль однажды былъ надъ большой глубиной, онъ сталъ (въ иныхъ вар.—остановленъ змѣей, рыбой); бросаютъ жребій для опредѣленія грѣшника; жребій падаетъ на Петра. Онъ приноситъ покаяніе передъ мачтой, имѣвшей видъ креста, въ вар.—передъ весломъ, на которомъ было написано имя Христа. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ сознается, что онъ „церкви и монастыри грабилъ, оскорбилъ много благородныхъ дѣвицъ, совершалъ въ лѣсахъ грабежи и разбои и погубилъ много сыновей крестьянъ. „Петра бросаютъ въ море, и корабль свободно идетъ далѣе. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ, падая въ море, крестится, море подъ нимъ обращается въ покрытую травой землю, и Петръ благополучно возвращается на родину (*Child* I. 14).

Малорусскія думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ и въ особенности западно-европейскія родственныя имъ версіи о покаяніи грѣшника на морѣ, если не прямо возникли подъ влияніемъ средневѣковыхъ сказаній о чудесахъ пресв. Богородицы, то развивались подъ ихъ влияніемъ и въ прямой отъ нихъ зависимости. На эту тему были легенды въ средневѣковой литературѣ. О чудесномъ спасеніи людей въ морскую бурю Богородицей—*„vere maris stella indicis evidentissimis comprobatur“*—существуютъ рассказы въ извѣстныхъ западноевропейскихъ сборникахъ легендъ Винценція изъ Бове и Готье де Куанси ¹⁾, причемъ чудесное спасеніе обусловливается здѣсь не раскаяніемъ въ грѣхахъ, а сильной вѣрой въ пресв. Богородицу (*Child* III 13). Раскаяніе въ грѣхахъ—мотивъ народныхъ пѣсней. Западно-европейская легенда привилась на Руси и получила здѣсь

¹⁾ *Vinc. de Beauvais* и *Gautier de Coincy*—латинскіе писатели XIII в. Готье († 1226) въ поэмѣ „*Miracles de Notre Dame*“ пользовался латинской компиляціей *Hugues Farsit* XI в. (*G Paris. Litterat franç au moyen Age*, 2-ed., p. 206).

мѣстное развитіе въ приуроченіи къ печерской иконѣ Богоматери. Въ XVII ст. въ Малороссіи пользовалась большой популярностью легенда объ усмиреніи бури на Черномъ морѣ Богородицей. Легенда эта находится въ „Небѣ Новомъ“ *Галатовскаго* и въ „Запискахъ“ *Петра Могилы*. „Небо“ впервые вышло въ 1665 г. въ Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ; затѣмъ были еще изданія малорусскія въ 1677 г. въ Черниговѣ и въ 1699 въ Могилевѣ. Въ 26 главѣ „Неба“ находится такое замѣчательное въ историко-литературномъ отношеніи чудо: „Въ 1624 г. запорожскій казакъ Андрей Ляхута, пограбивъ турецкія земли, возвращался моремъ домой. Поднялась страшная буря. Запорожскіе козаки стали молиться Печерской иконѣ Богоматери и архистратигу Михаилу, и буря утихла“. Записки Петра Могилы составлены ранѣе „Неба“, не позже 40-хъ годовъ XVII в., и въ нихъ находится тождественный разсказъ о бурѣ на Черномъ морѣ и спасеніи заступничествомъ пресв. Богородицы казака Андрея Хулака Лагута. „Повѣда намъ единъ отъ воиновъ запорожскихъ, говоритъ Петръ Могила, иже нарицаются козаки, именемъ Андрей Хулакъ Лагута, снй Черкаскаго града житель, глаголя, яко по брани турецкой, язь глаголется хотинская, идохомъ на море, по обычаю своему казаккому, прибытчества ради, въ землю турецкую. Витагу же, се есть старшину, имѣхомъ нѣкоего москвитянина, именемъ Ивашу. Разграбившимъ же намъ многія села и грады, наполнихомъ великій корабль многого прибытчества и начахомъ плыти (уже възращемся къ запорогамъ) и въ пучинѣ сущимъ, толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны, якъ наполнится кораблю воды и якъ нача съ нами утопати; извергохомъ все пребытчество въ море, но ни сице что успѣти възмогохомъ. Узрѣвше же, явъ ужъ погибаемъ, начахомъ со слезами и велимъ воплемъ молити Бога,—да насъ молитвами пресвятой Богородицы Печарской и св. архистратига Михаила избавить отъ горькія сія смерти, и обѣщавомся въ обители Матери Его время нѣкое послужити“. Далѣе повѣствуется о появленіи „златовиднаго юноши, его ободряющемъ совѣтъ не бояться и превращеніи бури (*Архивъ* юго-зап. Россіи ч. I т. VII 54—55).

Подобнаго рода рассказы были весьма популярны въ средне-вѣковой литературѣ. Такъ, въ *Historia Anglorum* Генриха архидиакона Гонтиндонскаго (Huntingdon) ') въ 1144 г. отнесено такое событіе: „*Princeps autem peditum suorum, Reinerus nomine, cujus officium fuerat ecclesias frangere vel incendere, dum mare cum uxore sua transiret, ut multi perhibuerunt, navis immobilis facta est. Quod monstrum nautis stupentibus, sorte data rei causam inquirentibus, sors cecidit super Reinerum. Quod cum ille nimirum totis contradiceret nisibus, secundo et tertio sors jacta in eum devenit. Positus igitur in scapha est et uxor ejus et pecunia scelestissime acquisita et statim navis cursu velocissimo ut prius fecerat pelagus sulcat, scapha vero cum nequissimis subita voragine circumducta in aeternum absorpta est* (*Child VIII 463*), т. е. „ Нѣкій военачальникъ, по имени Рейнеръ, въ обязанность котораго входило разрушать и жечь церкви, плыль по морю съ своей женой, и, какъ многіе утверждаютъ, корабль остановился. Изумленные моряки стали искать виновника несчастья, и жребій упалъ на Реймера. Хотя, понятно, онъ всѣми силами противился, но жребій три раза падалъ на него. Тогда положили Реймера, его жену и преступно нажитыя деньги на лодку, и корабль легко помчался по морю, а лодка съ нечестивцами закрутилась въ водоворотъ и была поглощена волнами на вѣки“.

Въ любопытномъ средне-вѣковомъ вариантѣ виновницей бури оказывается женщина: „*Audivi a fratre Galtero de Leus, quod, cum quedam mulier, mare transiens, pulchritudine sua omnes, qui erant in navi, ita attraxisset, ut omnes qui erant ibi fere cum ea pecassent vel per actum aut concensum, et non evitaret patrem aut filium, sed indifferenter omnibus, licet occulte, se exponeret, facta in mari tempestate et navi periclitante, cepit clamare coram omnibus omnia peccata sua et confiteri ea, credens quod alii propter ea deberent periclitari. Tunc, aliis confidentibus, cessavit mare a furore suo. Facta tranquillitate, nullus potuit scire, que esset illa mulier aut cognoscere eam*“ (*Child VIII 463*),

') Латинскій писатель XII вѣка.

т. е. „я слышалъ отъ брата (монаха) Гальтера де Ле, что однажды женщина на кораблѣ всѣхъ соблазнила своей красотой и со всѣми вошла въ половую связь, не отличая ни отцовъ, ни сыновей; но когда на морѣ поднялась буря, и корабль былъ близокъ къ гибели, она начала откровенно передъ всѣми исповѣдывать свои грѣхи. Когда и другіе стали каяться въ грѣхахъ, буря прекратилась, и потомъ никто не узналъ, что это была за женщина“.

Можно думать, что еще въ глубокой древности у европейскихъ народовъ, имѣвшихъ связи съ моремъ, въ особенности у скандинавовъ, существовали рассказы о томъ, какъ на морѣ остановился корабль, потому что на немъ былъ преступникъ, и какъ потомъ этотъ преступникъ былъ брошенъ въ море, и корабль свободно поплылъ далѣе. Такія сказанія могли быть до принятія христіанства, причемъ дѣйствующимъ лицомъ могъ быть Морской царь, пожелавшій взять съ корабельщиковъ дань или человѣческую жертву, или морской змѣй, а съ христіанской замѣной въ одной болгарской пѣснѣ (у *Миладин.* 56 № 50) св. Николай, задерживающій на морѣ корабль купца до тѣхъ поръ, пока купецъ не пообѣщавъ пожертвовать монастырю грузъ воска и ладана (*Child VIII* 500). Въ средніе вѣка легендарная литература воспользовалась этимъ мотивомъ и ввела его въ число чудесъ пресв. Богородицы *in majorem gloriae Dei*. Въ христіанской легендарной обстановкѣ мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ оказалъ сильное вліяніе на пѣснотворчество народное. Основной мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ у малорусовъ могъ существовать съ давняго времени, какъ прямое слѣдствіе ихъ рысканія по Черному морю еще при первыхъ русскихъ князьяхъ, или могъ быть заимствованъ въ столь же давнее время отъ скандинавскихъ пришлецовъ. Въ началѣ XVII в., въ блестящую эпоху расцвѣта малорусскаго художественнаго творчества, мотивъ о покаяніи на морѣ былъ разработанъ въ превосходную думу, причемъ параллельно шла легендарная его разработка въ приложеніи къ Печерской иконѣ Богоматери. Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ сильно проникнуты религіознымъ духомъ, что возможно предположить вліяніе на нихъ

легендарной поэзіи. Заключение нѣкоторыхъ варіантовъ: Хвалить Бога милосердаго, ни одного казака зъ войска не втерляи (*Ант. и Драг. I 189*)—вполнѣ идетъ въ такому чуду, какъ рассказанное митроп. Петромъ Могилой объ Лагутѣ. Въ думахъ, впрочемъ, нигдѣ не говорится объ участіи пресв. Богородицы въ спасеніи казаковъ. Это участіе прямо оговорено въ шотландской балладѣ, которая къ средневѣковымъ легендамъ стоитъ ближе думъ. Въ думахъ вездѣ казаковъ вызволяетъ изъ бѣды Господь милосердный.

На созданіе думы объ Алексѣѣ Поповичѣ затрачена большая художественная сила, и, не смотря на существованіе сходныхъ произведеній у другихъ народовъ, можно сказать, что дума эта глубоко оригинальное и въ высокой степени художественное малорусское произведеніе. Достоинство думы заключается въ разработкѣ деталей, въ искусномъ сочетаніи ихъ и, въ особенности, въ мягкости и гуманности. Думу проникаетъ личная мысль и личное чувство высокаго достоинства, и прежде всего близкое личное знакомство пѣвца съ описываемыми явлениями физическаго и нравственнаго характера. Остановимся теперь на деталяхъ думы:

1) Черное море.

Чернымъ моремъ открывается въ думѣ широкая картина мѣста дѣйствія:

Ей на Чорному морю,
На каменн биченькымъ
Тамъ сидитъ сокиль...

Мысль пѣвца идетъ съ берега въ даль моря, гдѣ свирѣпствуетъ буря. Эпитетъ камня „бѣлый“ какъ-бы противопоставляется эпитету моря „черное“, и это противопоставленіе отвѣчаетъ природной дѣйствительности. Мѣстами на берегу Чернаго моря выдаются бѣлые камни, даже громадные, въ видѣ скалъ и такіе камни въ особенности бѣлѣютъ, когда море начинаетъ чернѣть подъ темными тучами. Съ Чернымъ моремъ малоруссы познакомились и лично, въ морскихъ набѣгахъ на Турцію (см. Истор. пѣс. *Ант. и Драг. I 203*), и со словъ бы-

валыхъ воинновъ, паломниковъ и купцовъ. Иногда къ Черному морю прилагалось названіе Синяго моря (подроб. см. въ моей ст. Мѣстн. названія въ украин. нар. словес. въ Кіев. Стар. 1886). Испытанныя на Черномъ морѣ потери вызывали у нашихъ предковъ отрицательное къ нему отношеніе, что выразилось, напр., въ началѣ думы о взятіи казаками Варны.

Кляла царица, вельможя нами,
 Черное море проклинала:
 „Бодай же, море, не процвѣтало,
 Вичини часа виснхало,
 Та що мого сына одиначка
 Единачка у себе ввало! (Акт. и Драм. I 246).

Черное море въ малорусской думѣ обрисовано кратко, но отчетливо и ярко.

2) Соколь – буревѣстникъ.

Соколь ясенькій
 Жалибенько книне—прокнине
 И на Черное море спильно поглядае....

Эта черта оригинальная малорусская, т. е. она вставлена малорусскими пѣвцами. Сама по себѣ эта черта (повѣрье въ птицъ буревѣстниковъ) общечеловѣческая и встрѣчается у разныхъ народовъ. Въ сказаніи эскимосовъ Бафиновой земли о Сиднѣ птицы крикомъ поднимаютъ страшную бурю на морѣ (*Рус. Мысль* 1886 I 104). Въ сказкахъ и пѣсняхъ вороны и соколы служатъ символами вѣтра и часто отождествляются съ вѣтромъ, наприм., въ русской сказкѣ о Солнцѣ, Мѣсяцѣ и Воронѣ Вороновичѣ (*Аванас*: I § 49). По малорусскимъ и польскимъ повѣрьямъ игра воронъ предвѣщаетъ бурю (*Чубин*. I 64, *Gustaw*. Въ *Zbiór wiadom.* V 179) вмѣсто эпитета „ясенькій“ въ другихъ малорусскихъ пѣсняхъ (напр. *Голов*. II 2, 68, IV 6) при соколѣ встрѣчается эпитетъ „сивый“. Въ малорусскихъ и въ южнославянскихъ пѣсняхъ соколь часто встрѣчается, и въ колядкахъ играетъ важную роль, о чемъ подроб. см. во II т. „Объясненій“ *Потебни* по указ. на стр. 800.

3) Морская буря.

О морской бурѣ говорится во многихъ сказаніяхъ, легендахъ и пѣсняхъ на тему о покаяніи грѣшника. Въ средневѣковыхъ латинскихъ фактъ бури на морѣ отмѣчается кратко, 2—3 словами, „facta in mari tempestate... cessavit mare a furore suo“; столь же кратко о бурѣ говорится въ южнорусскихъ легендахъ XVII в.: „толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны“, подробнѣе уже въ пѣсняхъ, по личному знакомству пѣвцовъ съ моремъ. Въ шотландской балладѣ буря характеризуется чертами небеснаго сумрака: не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Въ болгарской пѣснѣ своеобразное описаніе бури: соленое море разыгралось; вѣтеръ со всѣхъ (4) сторонъ поднялъ волны до неба, обнажилъ дно моря и открылъ даже адъ—грандіозная картина! Малорусская картина бури своеобразна и самостоятельна: „Злоспротывна хвилечка“ посреди моря потопляетъ корабли „на лыхій хуртовныи“, „хвилешна хвыля уставае—якори зривае“. Рядомъ съ этимъ есть характеристики бури, близкія къ шотландской (по небеснымъ явленіямъ) и болгарской (по дну моря):

Звизды помрачило,
 Половину мисяця у тьму уступило,
 И все небо тьмою укрыло,
 Та зъ неба дрибелъ дощикъ накрапае..
 Що на веби уси звизды потмарило,
 Половину мисяця въ хмары вступило,
 А изъ вызу буйный втеръ повивае..
 Половина сонця и мисяця у тьму потьмарило..
 Изю дна моря смѣла хвыля вставе..
 Протывну фило со дна моря знимаете..

4) Биларапська земля.

Эта своеобразная подробность старинныхъ украинскихъ географическихъ познаній. Въ одномъ вар. часть кораблей буря заноситъ „въ землю Агарську“, въ 2—въ „Агарянську“, въ большинствѣ вариантовъ въ землю „Орабську“, „Биларапську“. Точка зрѣнія пѣвца—съ русскаго берега, главное вниманіе его сосредоточивается на чайкахъ посреди моря, затѣмъ говорится

что часть кораблей бурей занесло въ Дунайское гирло, а часть въ Арабскую землю, что нужно понимать въ прямомъ значеніи слова, но въ очевидномъ преувеличеніи. Предполагается, что буря вынесла корабли въ Мраморное море и даже далѣе. При существованіи Суэцкаго перешейка они, понятно, не могли попасть въ чисто арабское Красное море; но старые малороссы могли знать арабовъ и ближе, на берегахъ Архипелага. Сиріи и Палестины, куда малороссы часто попадали, какъ плѣнники. Попадали плѣнные малороссы и въ глубь Аравіи, на что есть прямое указаніе въ „Плачѣ невольника“:

Будуть ушкаля турки лычары набигаты

За Червоное море у арабскую землю запродагы (*Ант. и Драг. I 94*).

Въ общемъ широкомъ значеніи выраженіе „Биларапська земля“ означаетъ вообще дальнюю страну. Въ пѣсняхъ южныхъ славянъ часто встрѣчается Арапская земля въ значеніи Сиріи и Аравіи, о чемъ подр. см. у *Халианскаго* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1884 г.

5) Грицько Коломниченко.

Въ думѣ упоминается два имени кошеваго атамана Грицька Коломниченка и гетмана запорожскаго Алексѣя Поповича. Грицько Коломниченко—Самуиль Зборовскій изъ галицкой Коломни, магнатъ и авантюристъ. Будучи банитомъ, Зборовскій бѣжалъ изъ Польши въ запорожье, былъ нѣкоторое время здѣсь кошевымъ и впоследствии казненъ Стеф. Баторіемъ. Есть извѣстія, что онъ съ казацкой флотиліей плавалъ изъ Днѣпровскаго лимана чрезъ море въ устье Днѣстра; но о бурѣ при этомъ историки не упоминаютъ. Сошелъ онъ съ исторической сцены около 1583 г., (см. *Ант. и Драг. I 202*). Что это былъ за человекъ, въ точности неизвѣстно. Въ думѣ это симпатичная личность, и народный пѣвецъ, видимо, ему сочувствуетъ. Въ одномъ варіан. (*Ант. и Драг. I 182*)—это „батько гетманъ старый запорожскій“, въ другомъ (*ib. 177*) онъ „по всему війску барзо окличень“. Во время бури онъ не теряетъ духа. Обливаясь слезами, онъ проситъ казаковъ исповѣдываться въ грѣхахъ:

...сповидайтесь вы напередъ Богу
Ище и святому морю,
И мени, гетману старому,
Якъ бы отцу духовному....

Въ легендѣ у Петра Могилы предводителемъ казаковъ на морѣ является какой-то москвитянинъ Иваша.

Въ то время какъ въ малорус. думѣ покаянiе приносится передъ кошевымъ, въ болг. пѣс. передъ игуменомъ Саввой, въ серб. передъ матерью, въ скандинав. передъ неодушевленными предметами, съ видомъ креста или съ надписью имени Христова.

6) Олексій Поповичъ.

Личность Олексія Поповича обрисована во всѣхъ вариантахъ одинаково: человекъ грамотный, читающій св. Писанiе и поучающій казаковъ по Писанiю. Выдающаяся грамотность указываетъ на происхожденiе героя думы изъ духовнаго сословiя. Легендарный Лагута отвѣчаетъ Алексѣю Поповичу; о покаянiи его во грѣхахъ ничего не говорится. Лагута, повидимому, выведенъ, какъ свидѣтель чуда. Ближе къ Алексѣю Поповичу стоятъ Рейнеръ и Броунъ Робинъ. Казаки не рѣшаются выбросить въ море Алексѣя Поповича, и все дѣло обходится принесенiемъ морю въ даръ нѣсколькихъ капель его крови. Рейнера и Броунъ Робина удаляютъ съ корабля. Вообще, между Олексiемъ Поповичемъ и его боевыми товарищами въ думѣ обнаруживается тѣсная связь. Это не случайный пассажиръ на кораблѣ; это свой человекъ, который готовъ пожертвовать своей преступной головой, чтобы „марно вiйска не терять,“ и казаки не вняли его просьбѣ бросить его въ море съ камнемъ на шеѣ. Олексій говоритъ:

Ей, козаки, наны — молодци,
Добре вы чините —
Самого мене — Олексiя Поповича, возьмите,
До моего шми камень билевскiй приважите,
Очи мои козацкi, молодецкi
Червоною вiталькою запяните,
У Чорное море самого мене спустите.

Казаки „тее якъ зачували, словами промовляли, слезами обливали“... И эта подробность оригинальная малорусская, черта товарищеской связи казаковъ, идеализированная въ поэзиі.

7) Грѣхи Олексія Поповича.

И въ описаніи грѣховъ Олексія обнаруживается самостоятельность малорусскаго пѣвца, чувство мѣры и нравственная щепетильность. Западные варианты по грѣхамъ грубѣе малорусскихъ: въ болгарскомъ Станковичъ Дука убиваетъ мать, въ шотландскомъ находится намекъ на кровосмѣшеніе, въ малор. дѣло ограничивается или тѣмъ, что Олексій ругаль родителей, или, самое большее, отпихаль ихъ стремелемъ въ грудь при выѣздѣ изъ дома. Впрочемъ, и Олексій не чистъ отъ убійства. Самое тяжкое его преступленіе—что онъ конемъ топталъ дѣтей на улицѣ. Вообще, всѣ грѣхи Олексія повторяются въ западныхъ сказаніяхъ этого разряда. Тагъ:

а) оскорбленіе матери (+ сестры) находится въ болгарской и шотландскихъ пѣсняхъ.

б) пренебреженіе(=разграбленіе) церкви въ древнѣйшемъ сказаніи архидіакона Генриха XII в., въ малор. думѣ, въ пѣсняхъ шведскихъ, датскихъ и сербской.

в) убійство дѣтей въ малор. думѣ (конца XVI ст.?) и въ датской пѣснѣ по рукописи 1590 г.

г) оскорбленіе „громады,“ односельчанъ въ малор. думѣ и въ датской пѣснѣ XVI в.

Главнымъ грѣхомъ вездѣ выдѣляется оскорбленіе матери, что въ особенности подробно разработано въ малор. и болгар. пѣсняхъ, въ зависимости отъ высокаго общественнаго положенія матери при старомъ патріархальномъ строѣ семейной жизни. Уваженіе въ матери выразилось во многихъ другихъ малор. думахъ, великор. былинахъ, въ старинныхъ повѣстьяхъ и въ пословицахъ.

8) Жертвоприношеніе крови.

Козаки, выслушавъ со слезами исповѣдь Олексія,

. . . . . добре дбали
Узли ему назадъ руки изъязали
Чорнымъ оксамитомъ очи затмили,
То ше такого всага у море пускати поцащили;
На дивій ружи мизаннаго пальца втннали,

Его кровь у Чорное море метали
 То скоро Чорное море кровь христіявку зжигало
 То так уклало,
 Якъ бы никогда и не грало
 Судень козацькихъ не розривало. . . .

Это самая архаичная черта думъ. Мы имѣемъ здѣсь жертвоприношеніе чловѣка въ видѣ *paris pro toto*, о чемъ подроб. см. въ Поэт. вѣзр. *Домасьева* II 260 и см. Сходные обычаи встрѣчаются у ибродцевъ, напр. у осетинъ (*Вс. Миллеръ* II 292) Этотъ мотивъ входитъ въ англійскія и шотландскія баллады объ Аннѣ Дѣвица, забравъ сокровища родителей, убѣгаетъ на корабль съ милымъ. Поднимается буря: Моряки бросаютъ жребій, кого бросить въ море. Жребій падаетъ на Анну, и ее бросаютъ въ море; волна выбросила тѣло Анны на берегъ, и любовникъ погребаетъ ее. (*Child. The engl. ballads, I № 24*). Сюда примыкаютъ великор. былины о Садеѣ, и мн. др. Въ малорусск. думѣ нѣтъ метанія жребіевъ, чѣмъ дума существенно отличается отъ былинь о Садеѣ, пѣсень о Робинѣ, Петрѣ и т. п.

9) Отцева — матчина молитва.

Основная мораль малорусскихъ думъ — прославленіе силы родительской молитвы, и эта мораль прямо выводится изъ Св. Писанія:

Слушайте козаки, нанове — молодци,
 Якъ се святе нисьмо просвящае,
 На все моленіе указуе:
 Которий чоловікъ
 Отцевську — матчину молитву
 Штить, шануе, поважае
 Того отцевська — матчина молитва
 Во два моря вишняе,
 Одъ грихавъ думу одкупае,
 До царствія небесного провожае;
 Та отцевська — матчина молитва
 У купецтвѣ и въ ремествѣ,
 И на полі и на морі
 На помичъ присяжае.

Это прославление отцовской и материнской молитвы красной нитвой проходит через все варианты думы. В язык панегирика мѣстами обнаруживается влияние книжной рѣчи.

10) На чудь.

Въ одномъ вар. (у *Ант. и Др.* I 181) встрѣчается неясное слово „на чудь;“ въ другихъ вар. вмѣсто него „на чердакъ.“ Объясненіе *А. А. Потемни* см. въ сочин. „Къ ист. звук. II 23: чудь—искаженіе слова чердакъ, а чердакъ (встрѣчается въ думахъ и былинахъ)—возвышеніе на галерѣ, съ котораго капитанъ осматривалъ путь и гребцовъ. За исключеніемъ слова „чудь“ лингвистическій составъ думы про Алексѣя Поповича совершенно простой и ясный.

Въ трехъ вариантахъ думы вмѣсто Алексѣя Поповича дѣйствуютъ два брата: они не вызываются броситься въ море; нѣтъ здѣсь и гетмана. Братья признаютъ поднявшуюся бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Алексѣй Поповичъ. Они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители дозволяли идти только одному, а другому велѣли заниматься дома хлѣбопашествомъ. Далѣе братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью, избіеніи дѣтей, пьянствѣ. Покаяніе ихъ возымѣло силу; бури утихла, и братья, вышедши на берегъ, провозгласили ученіе о почитаніи родителей.

Н. И. Костомаровъ въ „Истор. казач. по малорус. пѣсн.“ (стр. 7) обратилъ вниманіе на одну поэтическую подробность, встрѣчающуюся въ двухъ вариантахъ думы (Лукашевича и Вересаея). Здѣсь появляется безродный сирота, безъ органической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы. Онъ промелькаетъ мимоходомъ, но, по замѣчанію Костомарова, оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Этотъ безродный сирота съ братьями думы ждетъ гибели на морѣ; ему не съ кѣмъ было на

цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды. Когда братья пришли на родину, и родители спросили ихъ, хорошо ли было имъ въ пути, тогда они вспомнили о безродномъ ихъ товарищѣ, вспомнили какъ тяжело ему было видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься. Этотъ „чужой чуженица“ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями, или погибъ въ волнахъ.

Хотя эта подробность о чужестранцѣ изложена въ думѣ съ большимъ гуманнымъ чувствомъ, но она плохо вяжется съ общимъ содержаніемъ думы и представляется лишней, вѣроятно, позднѣйшей амплификаціей.

То обстоятельство, что въ 3 вариантахъ нѣтъ даже имени Олексія Поповича, ясно показываетъ, какъ неважно это имя въ общемъ содержаніи думы и какъ мало можетъ дать это имя для великорусскаго Алеши Поповича. Замѣнили Олексія Поповича двумя братьями, и дума ничего не потеряла отъ того. Вся сила думы въ грѣхахъ и въ покаяніи на морѣ во время бури, и затѣмъ важна еще внѣшняя—природная и внутренняя—нравственная обстановка думы, придающая ей характеръ историческій, національный и религіозно-нравственный. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ короче и точнѣе можетъ быть озаглавлена: дума о покаяніи на морѣ.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ начинаются широкой картиной Чернаго моря и бури на немъ и оканчиваются не менѣе широкой картиной—но уже изъ другого міра—міра христіанскаго, восхваленіемъ силы родительскаго благословенія и добрыми пожеланіями народу христіанскому.

Всѣ части въ думѣ соразмѣрены. Лишь одинъ мотивъ, какъ главный—„отцева—матчина“ молитва, выдвигается нѣсколько впередъ, не нарушая внутренней цѣльности думы, лишь придавая ей высокое нравственное и гуманитарное значеніе. Трудно сказать, что болѣе привлекаетъ въ этой думѣ—общественная ли жилка, уваженіе пѣвца къ запорожскому товариству и всему народу малорусскому, или высоко поставленныя требованія семейной добродѣтели, или, наконецъ, сила и искренность воодушевленія

народнаго поэта, ярко просвѣчивающія во всемъ строѣ рѣчи, въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ и въ эпитетахъ. Въ ряду европейскихъ пѣсенъ о покаяннѣ грѣшника на морѣ малорусская дума занимаетъ почетное мѣсто, по полнотѣ содержания и ясности всѣхъ главныхъ мотивовъ.

Н. Ф. Сунцовъ

3 40¢
Н. В. Сумцовъ.

ЗАМѢТКИ
О МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ
И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(Изъ XXIV кн. «Этнографическаго Обзорѣнія»).

Printed in Russia
МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

27 233.61.5

О П Е Ч А Т К И.

стр.	стр.	ам.	д. б.	стр.	стр.	ам.	д. б.
81	5	Перестречи	Перестрога	87	20	якъ	якъ
84	18	Писана	Писана	89	18	примѣтки	примѣтки
85	15	вазы	возы	93	35	памятна	повятна
86	44	бори	воры.	96	2	грамматички	грамматички
87	5	ковачки	ковачки				

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

проф. Н. Θ. СУМЦОВА.

1) Этюды о Пушкинѣ, вып. 1. 1893 г. (стих. Пророкъ, Няня, Радѣть облаковъ, и вѣск. др.) 1 р. 2) Этюды о Пушкинѣ, вып. 2. 1894 г. (стих. Сонетъ, Аріонъ, Гусаръ, Мадонна и вѣск. др.) 1 р. 3) Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской, 1894 г. 30 к. 4) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Романова, 1894 г. 1 р. 5) Сказки и легенды о Маріѣ богатомъ, 1894 г. 30 к. 6) Князь В. Θ. Одоевскій, 1884 г. 60 к. 7) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, 1885 г. 1 р. 50 к. 8) Лазарь Барановичъ, 1885 г. 1 р. 50 к. 9) Іоаннъ Галатовскій, 1884 г. 80 к. 10) Інноцентій Гизель, 1884 г. 50 к. 11) Рѣчь Маана Мелешка, 1894 г. 40 к. 12) Іоаннъ Вышенскій, 1885 г. 40 к. 13) О попыткахъ католиковъ ввести въ Малороссію Григоріанскій календарь, 1888 г. 50 к. 14) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. 40 к. 15) Религіозно-нравственное значеніе малорусской свадьбы, 1885 г. 40 к. 16) Къ вопросу о вліяніи греческаго свадебнаго ритуала, 1886 г. 40 к. 17) Опытъ объясненія пѣсни о Журиль, 1885 г. 10 к. 18) Научное изученіе колядокъ, 1885 г. 40 к. 19) Досѣтки и посядѣлки, 1886 г. 40 к. 20) Колошійки, 1886 г. 40 к. 21) Малорусскія плясуньи пѣсни, 1886 г. 40 к. 22) Малорусская географическая номенклатура, 1886 г. 40 к. 23) Мѣстныя названія въ малор. пѣсняхъ, 1886 г. 40 к. 24) Малорусскія апокрифическія сказанія и пѣсни, 1887 г. 1 р. 50 к. 25) Культурныя переживанія, 1890 г. 2 р. 50 к. 26) Современная малорусская этнографія, вып. 1. 1892 г. 1 р. 50 к. 27) Туръ въ народной словесности, 1887 г. 40 к. 28) Мышь въ народной словесности, 1892 г. 40 к. 29) Воронъ въ народной словесности, 1891 г. 25 к. 30) Заяць въ народной словесности, 1892 г. 30 к. 31) Этнографическія замѣтки, 1889 г. 25 к. 32) Сказанія объ искусномъ стрѣлитѣ, 1890 г. 25 к. 33) Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ, 1890 г. 25 к. 34) Писанки, 1891 г. 40 к. 35) Сказанія о займѣ дней, 1891 г. 10 к. 36) Библиографія колдовства, 1891 г. 50 к. 37) Библиографія заговоровъ, 1892 г. 20 к. 38) Возіпки — Матулю, 1891 г. 30 к. 39) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ, 1894 г. 25 к. 40) Пѣсни и повѣсти о гостѣ Терентіи, 1892 г. 20 к. 41) Легенда о грѣшной матери, 1893 г. 25 к. 42) Г. Θ. Книтуля, какъ этнографъ, 1893 г. 30 к. 43) Пѣсни о зѣнномъ ядѣ, 1892 г. 30 к. 44) Былины о Добрынѣ и Маринѣ, 1892 г. 40 к. 45) Мужъ на свадьбѣ своей жены, 1893 г. 40 к. 46) Пѣсни о смерти солдата, 1893 г. 30 к. 47) Душа объ Алексѣѣ Половичѣ, 1894 г. 20 к. 48) Пѣсни о живомъ мертвецѣ, 1894 г. 20 к. 49) Легенда о благочестивомъ живописцѣ, 1894 г. 15 к. 50) Матеріалы для исторіи харьковскаго университета, 1894 г. 30 к.

Другія сочиненія Н. Θ. Сумцова, здѣсь не поименованныя, вышли изъ продажи. Выписывающіе непосредственно отъ автора (Харьковъ, Малогончаровская ул., № 34) за пересылку не платятъ. При выпискѣ на сумму болѣе десяти рублей 30% уступки. Медочъ марками.

ЗАМѢТКИ О МАЛУРУССКИХЪ ДУМАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(По поводу соч. П. И. Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Киевъ. 1893. Стр. 249).

Изслѣдованіе П. И. Житецкаго о малорусскихъ думахъ первоначально было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. и затѣмъ въ 1893 г. издано отдѣльно редакціей этого журнала. Такъ какъ все изслѣдованіе г. Ж. построено на одномъ положеніи—о вліяніи школьной литературы на думы,—то при первоначальномъ печатаніи сочиненія въ журналѣ по частямъ трудно было слѣдить за ходомъ мыслей автора, и отдѣльныя его части представлялись безсвязными. Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе г. Житецкаго обратило на себя вниманіе, по оригинальности и новизнѣ основной мысли и по обилію новыхъ любопытныхъ данныхъ изъ области виршъ-орацій и думъ. И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Phil. 1893, XV, Heft 4, стр. 613—614 находитъ, что „Мысли“ г. Ж. представляютъ собою „das hübsch beschriebene Buch“, что авторъ — „gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthums, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen“, и въ частности мысль о вліяніи на думы школы рецензентъ называетъ „ein hübscher Gedanke“. Съ г. Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой (въ 2 стр.), но мѣткой и содержательной рецензіи въ „Вѣстн. Евр.“ 1893, VI. По словамъ г. Пыпина, изслѣдованіе г. Ж. „дастъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ стараго быта, школы и нравовъ и на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Сочиненіе г. Житецкаго состоитъ изъ 6 главъ, и мы разсмотримъ его послѣдовательно по главамъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной: „Строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, на пространствѣ 38 страницъ г. Ж. говоритъ о вліяніи рѣчи на образованіе стиха

въ думахъ, неравномѣрности и подвижности стиховъ, построеніи предложений въ думахъ, мѣстѣ сказуемаго, сложномъ сказуемомъ, нарощеніи рѣчи, скопленіи придаточныхъ предложений, инверсіи. Вообще эта глава посвящена формальной сторонѣ думъ.

Народная поэзія, въ частности думы, весьма мало изучена въ формальномъ отношеніи. Изъ людей науки лишь Миклошичъ, Зимма и Потебня обращали вниманіе на эту сторону народной поэзіи, и все, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи, весьма цѣнно. Мысль г. Ж. заняться поэтическимъ стилемъ и строемъ думъ—мысль очень хорошая; жаль только, что она выполнена неудовлетворительно, и сочиненіе г. Ж. ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала. Прежде всего, 38 стр. для характеристики строя рѣчи и поэтическаго стиля думъ—слишкомъ мало, особенно мало при стилѣ автора, расплывчатомъ, пространномъ, съ риторическими прикрасами. Затѣмъ, г. Ж. при разсмотрѣніи языка думъ оставляетъ въ сторонѣ цѣнные сообщенія по этому поводу Миклошича, Зимы и Потебни, даже не упоминая ихъ по имени, что даетъ поводъ къ предположенію, что автору остались вполнѣ неизвѣстными „Die Darstellung im slavischen Volkseros“¹⁾, „Serbische Epik“ Миклошича, „Figure“ Зимы, статья Потебни о малор. пѣснѣ XVI в. и многія мѣста въ его „Объясненіяхъ малор. и сродн. пѣсенъ“. Наконецъ, и въ предѣлахъ 38 стр. авторъ не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ и съ 25-й страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія.

Въ оглавленіи первой главы находится заманчивое мѣсто: „архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ“; въ самомъ же изслѣдованіи этому интересному заголовку отвѣчаютъ лишь двѣ страницы (35—36), гдѣ говорится о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ думъ. Тема чрезвычайно интересная и важная, и нужно пожалѣть, что г. Ж. такъ мало обследовалъ архаизмы думъ. Авторъ—специалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ. Но онъ ничего другаго не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное, и въ этомъ отношеніи впадаетъ мѣстами въ излишнюю односторонность. Такъ, въ вопросѣ объ архаизмахъ въ лексическомъ строѣ думъ авторъ могъ только замѣтить церковно-славянскіе элементы, точно этими элементами исчерпывается весь вопросъ объ архаизмахъ думъ. При такой односторонности правильнѣе было бы въ заглавіи изслѣдованія поставить не „Мысли“, а „Мысль“ Въ частности же по вопросу объ архаизмахъ въ лексическомъ составѣ думъ г. Житец-

¹⁾ Русскій переводъ этого изслѣдованія вскорѣ появится въ I т. „Трудовъ Славянской Комиссіи“ при Имп. Моск. Археол. Обществѣ.

кому многое оставалось еще сдѣлать. Если бы сравнить языкъ думъ съ языкомъ Слова о Полку Игоревѣ, затѣмъ съ языкомъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, хотя бы такихъ характерныхъ по лексическому составу, какъ Рѣчь Ивана Мелешка, Перестречи и посланія Іоанна Вишенскаго, наконецъ, съ современной живой малорусской рѣчью, то вопросу объ архаизмахъ думъ пришлось бы посвятить обширную главу, можетъ быть, цѣлую монографію. Теперь же приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что авторъ напомнилъ о присутствіи въ думахъ архаизмовъ церковно-славянскаго характера.

О многомъ г. Ж. совсѣмъ умалчиваетъ, напр. о запѣвахъ и припѣвахъ, о чемъ ранѣе А. А. Потебня сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, безъ выдѣленія думъ, что было для г. Ж. специальной задачей; ничего далѣе не говорится въ „Мысляхъ“ о такихъ характерныхъ явленіяхъ въ языкѣ славянскаго эпоса, въ частности думъ, какъ повторенія словъ и цѣлыхъ предложеній, эпитеты и сравненія, о чемъ ранѣе говорилъ Миклошичъ въ „Die Darstellung im slav. Volksepos“.

Запѣвы привлекали вниманіе выдающихся ученыхъ, А. А. Потебни и А. Н. Веселовскаго. Въ „Объясненіи малор. и сродн. нар. пѣсенъ“ Потебни находится много цѣнныхъ фактовъ и соображеній. А. Н. Веселовскій въ рец. на „Труды“ Чубинскаго (стр. 37 — 38) даетъ слѣдующую мѣткую характеристику запѣва: „Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивы въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типическою чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зиронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшого дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ народной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людскаго быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа, — какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растеть, изощрается и никнетъ — анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ... Народная пѣсня живетъ повтореніями; она избита, потому что связана немногими мотивами и рядомъ ассоціаций, представленныхъ поэтическимъ символизмомъ“.

Мы не имѣемъ основанія требовать отъ автора широкаго изученія запѣвовъ, хотя такое изученіе и не поставили бы ему въ вину; но мы желали бы видѣть изученіе запѣвовъ думъ въ за-

висимости отъ теоріи автора о школьныхъ вліяніяхъ, желали бы получить отвѣты на вопросы: не отразилась ли въ запѣвахъ думъ своеобразная логика школьнаго пониманія? сливаются ли они съ обыденными пѣсенными запѣвами?

Малорусскія думы очень любятъ *тавтологію* и въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются сопоставленія синонимовъ, двойныя слова, повтореніе нарѣчій, предлоговъ. Отмѣтимъ два, три десятка такихъ случаевъ (по сб. Ант. и Драгом.).

Грунтъ—худоба (119),
хлибъ—силъ (118),
пыли—туманы (113),
сребро—злато (91),
селомъ—улицею (80),
звирь—птыця (117),
щука—рыба...
степь—долина (139),
стежки—дорожки (II 102),
долыны—яры (79),
доломъ—долыною (80),
часъ—годына (139),
свитлыця—камяныця (211),
кайданы—зализо (89),
пиша—пишаныця (106),
чужа—чужавина (332, 190),
птыхъ—копье (II 121),
живъ—здоровъ (116),
мало—немножко (117),
маль—невельчокъ (113),

батькова—матчина (111, срв.
180, 187),
сира—сырыця (90),
сіе—посивае (80),
стучить—гремятъ (31),
бере—ханае (109),
стеле—покладае (116),
квиле—проквиле (177),
мыто—промыто (II 21),
суды—судыты (49),
рады—радылы . . .
обидь—обидае (248),
сикты—рубаты. . .
думаты—гадаты (108),
пыты—пидпываты (212),
пыть—гулять . . .
леньмо—поленьмо. . .
кляла—проклинала (91),
бижыть—пидбигае (332),
потурчила—побасурманила. . .

и т. д.

Въ южнославянскомъ эпосѣ и въ эпосѣ великорусскомъ обнаруживается то же самое повтореніе не только предлоговъ, но именъ существительныхъ, сопоставленіе синонимовъ, разнообразныя виды тавтологіи. Такъ, у сербовъ тамница тавна, болг. темна темница, велик. молоденьки молодупки, свѣтлая свѣтлица и др. (Miklosich, Die Darst. 7—26). Любопытныя аналогіи у Гомера указаны Миклошичемъ въ цѣтир. сочиненіи.

Изученіе *повтореній* въ предѣлахъ думъ также могло бы уяснить кое-что въ ихъ характерѣ и содержаніи. Акад. А. Н. Веселовскій такимъ образомъ объясняетъ повторенія въ народныхъ пѣсняхъ: „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытитесь за-разъ. Веселые мо-

менты жизни переживаются быстрѣе.... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процесъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и (основному) образу („Нов. изслѣд. о франц. эпосѣ“, изъ оттиска). Очень любопытный примѣръ повторенія въ малорусской думѣ (у Ант. и Дра г. I 100, № 33) приведенъ А. Н. Веселовскимъ въ цитированной статьѣ съ указаніемъ весьма характерной параллели въ гѣснѣ о Роландѣ. Г. Житецкому эта статья акад. Веселовскаго осталась неизвѣстной.

Г. Ж. не обратилъ вниманія на *сравненія*, а при изученіи сравненій не лишнимъ было бы вспомнить кое-гдѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ, напр. на стр. 123, при стихѣ думы о Корсунской битвѣ:

Не вербы-жъ то шумилы и не галки закричалы:
Тождь козаки зъ ляхамы пиво варыть зачиналы.

Сравненіе враговъ ляховъ съ галками и битвы съ пиромъ воспроизведено по старому эпическому образцу, внѣ вліянія виршъ.

Г. Житецкій также не обратилъ вниманія на *эпитеты*; объ этомъ нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что изученіе эпитетовъ въ думахъ могло бы кое-что уяснить по главному вопросу о вліяніи письменности на поэзію народную. Нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какое важное значеніе имѣетъ эпитетъ въ народной поэзіи; во многихъ случаяхъ эпитетъ является обломкомъ стариннаго міросозерцанія и быта, обломкомъ древнѣйшаго живописнаго состоянія языка. Въ виду такого важнаго значенія эпитетовъ, недурно было бы выбрать ихъ изъ думъ (хотя бы изъ одного сборника гг. Антоновича и Драгоманова), разставить въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ опредѣлялись бы характерныя приемы художественнаго опредѣленія природы и быта, затѣмъ распределить эпитеты въ предметномъ порядкѣ, что можетъ привести къ любопытнымъ историко-культурнымъ выводамъ, и, наконецъ, остановиться на нѣкоторыхъ эпитетахъ, особенно интересныхъ для историка культуры и психолога. Такая работа могла бы быть произведена приблизительно въ такомъ видѣ:

Бидны невольники (I 88, 90 и др.), Билый камень (I 31, 107), рука (83), нога, лицо, свѣтъ, снѣгъ, габа ((I 219), скамья (I 211), челядь (I 86, 109), Битый шляхъ (I 81, 83), Близка сусида (I 91, 190), Божій свѣтъ, Буйный вѣтеръ (I 80, 111), Булатна сабля (I 121), Быстрый конь (I 33), хвѣля (I 89), рѣка, Велики дороги росхидныи (I 116), диво (185), грихъ (186), Веселый край (I 191), Вирна жона (I 89), Вороний конь

(I 8, 31 и др.), Высока степь (I 116), Гнѣдѣй конь (Голов. I 12), Гордый пань (I 8), Горячи слезы, Гострый мечь (I 31), Далека дорога (I 138, 139), Добрая рада (I 1 и др.), Дрибенъ дощъ (I 9, 80), великор. мелкой частой дождикъ (Труды Яросл. Губ. Ст. Ком. I 13), листе-письмо (I 135), слеза, Жовтая коса (I 86), чоботы (Голов. II 50), мѣдъ на воротахъ (I 31), кость (I 89), Зеленый яворъ (I 85), дубъ (I 134), жупанъ (I 87, 116), диброва (83), Злая хуртовына (I 186), Золотой волосъ (I 83), столъ (8), човенъ (2), весло (1), перстни (2 и др.), соха (53), грива (3), сѣдло (2), серпы (79), мечь (46), златосини киндяки (219), Калинова стрѣла (2), Камяна темница, Кленови уши коня (35), Кованый возъ (Голов. I 92), поясъ (Гол. II 50, Ант. I 43, 47), Кривава ничъ (I 185), Кришталева фляшка (I 77), Кровна родына (I 91), Мидяны човна (I 1), сошникъ (53), Мизине дзепко (I 39), палець (184), Милосердный Господь (I 90, 88), Опрани кульбаки (I 114), Павяный винокъ (I 43), Перлова тьянка (Гол. II 50), Пильна годына (Ант. II 6), Пирскій конь (I 35), Писаня скрыня (Гол. I 13), Простая дорога (I 91), люди (187), Рудая сукня (I 43), Руса коса (I 135, 138), Святое море (I 182), недиля (88), небо (194), церква (184), письмо (185 и сл.), Семипьядна пишаль (I 111, 219), Сердешни товарищи (I 192), Сивый конь (I 35, 6), воли (43), голузь (93), зозуля (111), Сиза зозуля, орлы (88, 111), Сыре кориння (I 107), вовки сироманци (111), Синее море (99 и др.), Смертельный грихъ, мечь (187), Срибныи пидковы (I 35), полыця (53), Старыя жоны (I 184), вдовы (187), мать (192), Супротывня хвыля (I 191), Темный похоронъ (I 117), ничка (118), лѣса (7, 83), Тисови синци (I 44), Тихи воды (I 89), Тяжка неволя (I 88), Хрещеный народъ (I 191 и др.), Червоне убране (I 87), каптанъ (108), китайка (116), таволга (89), Чисте поле (I 7, 43), Чорный пожаръ (I 114), кровь (85), мажа (86), китыця (108), аксамитъ (165, 167), очи, брови (87, 117 и др.), воронъ (85, 117), хмара (79), Чудныя стороны (I 184), Широкий танецъ (I 36), Шовковый наметъ (I 8), хвостъ коня (35), Яворовы сходци (I 44), Ярии пчолы (I 40), пшеница (79), Ясныи соколь (I 95), огонь (77), зори (90), сонце, (ib.), зброя, мисяць, и т. д.

Цвѣтвые эпитеты самые распространенные. Въ изслѣдованіи Миклошича „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ мы находимъ подборъ наиболѣе встрѣчающихся эпитетовъ сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ „бѣлый“ прилагается къ разнымъ частямъ человеческого тѣла. У Гомера—„бѣлый“ локоть, зубы, ячмень, городъ. У сербовъ также „камена тавница“, „руса коса“. Море—синее у сербовъ и великоруссовъ. Мелкое, дробное—ситное письмо у бол-

гарь и сербовъ. Голубь и соколъ сивые и въ южнославянскомъ эпосѣ. Здѣсь же находимъ „вѣрную жену“, „зеленый“ боръ, ель, садъ, „золотые“ ключи, кольца, колыбель, чаши, вѣнки, „желтые“ сапоги (рариса), „бѣлую“ пшеницу, „ясное“ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, „широкія“ дороги, „тихія“ воды Дуная, „воронихъ“ коней; у великоруссовъ повторяются почти всѣ эпитеты думъ: „каленая“ стрѣла, „ясный“ соколъ и солнце, „каменные“ палаты, „темные“ лѣса и темницы и др. (подроб. у Миклошича въ Die Darstellung... 26—40).

При группировкѣ эпитетовъ раскрывается широкая и живописная картина украинской природы, стариннаго быта, одежды, вооруженія, пищи и пр., напр.: поле чистое (I. 7, 43)¹⁾, степь высокая (116), дороги простыя (91), или „велики росхидніи“ (116), широкія, далекія (138, 139), дворъ, обмурованный бѣлыми камнемъ, ворота изъ желтой мѣди (31), тесовыя сѣни, яворовое крыльцо (44), теремъ золотомъ писанный (45), вазы кованыя (Гол. I 92), мажи черныя (Ант. I 86), въ комнатахъ скамьи бѣлыя (211), скрини писаныя (Гол. I 13), фляшки хрустальныя (Ант. 77) столы ведровыя, миски мѣдныя, ложки золотыя (297), кафтанъ красный съ черными снурками (108), у женщинъ и мужчинъ жупаны зеленые (87, 116), рубашка бѣлая, какъ снѣгъ, тонкая, какъ листъ, шапочка, якъ макъ дрибненька, съ „струцевымъ“ (т. е. страусовымъ) перомъ, дорогая матерія „златоглавъ“ (парча) для атамана (219), для казаковъ сукни адамашки (Гол. I 13, 19), иногда „чорный аксамитъ“ (Ант. 165, 167), у гетмана золотой перстенъ на мизинцѣ (II 4), кованный поясъ, на ногахъ шнурованыя битки, т. е. ботинки (Гол. II 50, 74 Ант. I 43) сапоги изъ желтой кожи (Гол. II 50), у пояса шелковый платокъ (Ант. II 4), стрѣла каленая, сабля булатная, золотая (921, 49), мечъ золотой, острый, пицаль семипядная (111, 219), кони сивые, гнѣдые, большею частью вороные, вообще быстрые, и въ добавокъ—съ „кленовыми ушками“ (35) и „серебряными подковами“ (ib.). Нѣкоторыя детали, вѣроятно построены на древней бытовой дѣйствительности, о чемъ см. Ант. и Драг. I, стр. 47 и 49.

Нѣкоторые эпитеты представляютъ большой интересъ. Таковъ, напр., эпитетъ „жовта коса“ для обозначенія красавицы. Въ старинной пѣснѣ о трехъ поповнахъ, взятыхъ въ плѣнъ турками, одна изъ плѣнницъ говорить:

Косо моя жовтенькая!
Не маты ты росчесуе,

Визныкъ бичемъ рострипуе
(Ант. и Др. I. 86).

Въ сербской и болгарской народной поэзіи у красавицы коса также русая. Миклошичъ замѣчаетъ по этому случаю въ од-

¹⁾ Однѣ цѣровыя смыслы, какъ и выше, относятся къ сборнику Антоновича и Драгоманова.

номъ мѣстѣ: „Das Epitheton muss uralt sein, da heutzutage röthliches Haar bei den Serben zu den Seltenheiten gehört“, и въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ, что „damit stimmt die Nachricht von Prokopios überein, wonach die Slaven blond *ὀπερότροι* waren“ (Die Darstellung... 31, 36). Любопытно, что въ средневѣковой Европѣ въ произведеніяхъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и германскихъ красавица—блондинка; у нея золотистые волосы, и въ то-же время прославляются черныя брови дугою, какъ въ малорусскихъ пѣсняхъ „очи карі“. Въ этой мелочи обнаруживается то родство психи малоруссовъ съ западно-европейскими народами, какое въ болѣе яркихъ формахъ сказывается въ существованіи у малоруссовъ множества западныхъ легендъ, новеллъ и фавеллъ, въ обиліи заимствованныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и румынскихъ словъ. Итальянскій ученый Реньяръ въ предпочтеніи въ средневѣковой поэзіи типа блондинки склоненъ видѣть антропологическій фактъ: арийцы — блонкурая раса. А. Н. Веселовскій высказывается противъ этого мнѣнія, въ томъ предположеніи, что согласіе средневѣковой лирики въ культъ блонкурой красавицы есть согласіе чисто литературное, причемъ источникомъ нужно считать сравнительно болѣе древнюю лирику провансальскую и старофранцузскую. Почтенный академикъ идетъ далѣе и говоритъ, что народная пѣсня (приведена одна сицилійская) не подтверждаетъ расоваго предрасположенія къ блондинкамъ (Весел. „Новыя изслѣд.“, отд. отт.). Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, получить болѣе полное разрѣшеніе съ подборомъ большаго числа фольклорныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ такая мелочь, какъ „жовта коса“ малорусскихъ думъ, не лишена значенія, давая одинъ шансъ на сторону мнѣнія Реньяра.

Есть въ эпосѣ славянскомъ, въ частности въ думахъ, такія стороны, которыя совсѣмъ не обследованы, о которыхъ ни Миклошичъ, ни Потебня не говорили, и которыя представляютъ большой научный интересъ. Таковы *описательныя выраженія* и общія мѣста. У г. Ж. о нихъ помину нѣтъ. Между тѣмъ специальное изученіе общихъ мѣстъ и описательныхъ выраженій проливаетъ большой свѣтъ на психологію народную, въ особенности при сравнительномъ методѣ. Описательныя выраженія являются часто живой характеристикой предмета или народнаго взгляда на него, и при формальномъ своемъ значеніи не лишены историко-культурнаго содержанія.

Описаніе Украины въ думахъ типичное:

Вызволь, Боже, всихъ
бидныхъ невольникивъ
На тыхи воды,
На ясни бори,

У край веселый,
У мырь хрещеный,
Въ города христіанськи
(I 90).

Описательное выраженіе *мноючисленною непріятеля*:

Ой по горахъ огни горять,
По долинахъ дымы курять (I 286).

Для выраженія *презрѣнія*:

Не подобало бѣ тоби надѣ нами, козакми, гетьмановаты,
А подобало бѣ тоби наши козацьки курени пидмитаты (II 122).

Для выраженія *изумленія*:

Гей вдарывся та панѣ Савва по полахъ руками (Голов. I 20)...
Ударится обѣ полы руками,
Обильется дрибными слѣзами (Ант. и Др. II 5).

Для выраженія поспѣшнаго *бѣства*:

... Голыми пятами наживавѣ (Ант. II 27).

Это типичное выраженіе повторяется въ „Енеидѣ“ Котляревскаго.

Въ думахъ много описательныхъ и общихъ выраженій *для битвы и убійства*, въ зависимости отъ возникновенія думъ въ бурное военное время:

Всю мою землю Волоську обрушывѣ,
Все мое поле копьемъ изоравѣ,
Усимъ моимъ волохамъ, якъ галкамъ,
Зѣ пличь головки познимавѣ,
Де булы въ поли стежки-дорожки,
Волоськими головками повымощувавѣ,
Де булы въ поли глыбокія долины,
Волоською кровью повыповнювавѣ (II 102)...
.... Мои турки-янычары
Стали вси въ пень порубаны (I 210)...

Перебійнысь узявѣ ляхивѣ... у снопы класты...
Нечай... взявѣ ляхамы, якъ снопамы, по два ряды класты (II 46).

Послѣдній образъ прямо отвѣчаетъ мѣсту въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелють головами“ и пр.

Еще: тиломъ своимъ панськимъ комары годуваты (II 5).

Взявѣ соби за жиночку (Въ „Этнограф. Обзор.“ кн.
Въ чистомъ поли могилочку. XVI мною собраны пѣсни
на этотъ мотивъ).

... Три барвы на рокъ убираю:
Ой убираю на веснѣ та зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую (Голов. I 11).
Ой волилы Нечаенька въ дрибный макъ сѣкаты (Голов. I 9).

Описательныя выраженія *никогда*, о чемъ см. мою статью въ XVI кн. „Этнограф. Обзор.“ (1893 № 1), стр. 59 — 60; кромѣ того, у Ант. и Др. I 271, Гол. I 98, II 6.

Общее выраженіе для *шбелн*, *смерти*— „надѣ NN черный воронъ криче“ (напр., у Голов. I 9). Черный воронъ любитъ падалъ, и эта черта отразилась во многихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и повѣрьяхъ, о чемъ см. мою статью въ „Этнограф. Обзор.“ кн. IV. Въ исторической пѣснѣ о двухъ сестрахъ - плѣнницахъ черный воронъ пьетъ кровь человѣческую (Ант. и Др. I 85). Твардовскій въ описаніи осады Збаража казаками въ 1649 г. говоритъ, что казаки ругали осажденныхъ поляковъ и кричали имъ: „сдавайтесь, задерживаете кормъ воронамъ“ (ib. II 55). Повѣрье о зловѣщихъ воронахъ отразилось въ заговорахъ, Словѣ о Полку Игоревѣ и др. памятникахъ древности, о чемъ см. въ III т. изслѣд. Е. Барсова о Словѣ о П. И., стр. 103, 172—174.

Любопытно общее мѣсто малорусскаго эпоса: *казака топчетъ конемъ дѣтей*. Такъ Алексѣй Поповичъ —

... зѣ города выбигавъ,
Триста душъ дитей маленькихъ
Конемъ своимъ розбывавъ (I 179).

Богданъ Хмельницкій въ думѣ про угнетеніе Украины жидами
До польскаго города прибувавъ...
А которы бувалы мали диты,
То винъ и киньмы порозбывавъ (II 28).

Другое общее мѣсто *пить съ кумой*:

Нечай съ кумою медъ-вино кружае (Гол. I 8, Ант. и Драг. II 58, 62 и мн. др.).

Далѣе типично *сравненіе войны съ пиромъ*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (II 29) и въ думѣ про Корсунскую битву (II 33), — черта архаическая, хорошо извѣстная по Слову о Полку Игоревѣ.

Наряду съ типичнымъ выраженіемъ *уметенія* въ видѣ *пѣды на жєницинахъ*, что встрѣчается въ древней лѣтописи и во многихъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, стоитъ близкое къ нему *locus communis* — *ораніе поля людми*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (мститель Богданъ Хмельницкій):

Та старыми жидами оравъ,
А жидивками боронувавъ (II 28).

Въ галицкихъ вариантахъ думъ часто встрѣчается *писаніе писемъ* I 12, 18, 19, 46, 48, 93, 104, 108, что можетъ указывать на сербскія литературныя вліянія, такъ какъ въ сербской народной поэзіи писаніе писемъ — излюбленное общее мѣсто.

Стрѣльба въ цѣль. въ думахъ о Байдѣ (у Гол. I 2 и др.) встрѣчается, какъ общее мѣсто, въ великорусскихъ былинахъ, въ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, въ историческихъ преданіяхъ и сказкахъ разныхъ народовъ, о чемъ подробности см. въ моей статьѣ о народныхъ сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ въ „Этнограф. Обозр.“, кн. V, 130 (Вильгельмъ Телль, Ханенко и др. мѣткіе стрѣлки).

Обращеніе къ птицамъ, чаще всего къ орлу, представляется въ думахъ также общимъ мѣстомъ. Средневѣковый греческій эпосъ и ново-греческія пѣсни полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и героями. Обычный мотивъ: птица извѣщаетъ героя о постигшемъ его несчастіи (Дестунисъ, XXXIV т. Сборн. Акад. Н. № 1, 21).

Не одиѣ думы заслуживали болѣе обстоятельнаго изученія со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій; и въ тѣхъ виршахъ, которыя въ обиліи приведены въ книгѣ г. Ж., есть много замѣчательныхъ образовъ и характерныхъ выраженій. Ограничимся двумя примѣрами:

Хто на семь свѣтѣ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтѣ марне, якъ коломъ точился (колесомъ катился).
Лѣта плинуть марне, якъ быстрья рѣки,
Часы молодые, якъ зѣ дождю потоки,
Все то марно минаеть (стр. 76).

Для стилистической оцѣнки этого мѣста не лишено значенія слѣдующее выраженіе въ былинахъ о Добрыгѣ: „Стала ждать Настасья Добрыню; ждать три года; день за днемъ, будто дождь дожидить, недѣля за недѣлей, какъ трава растеть, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ“ (Кирѣев. II 7, Рыбник. II 23, 26).

Въ другой виршѣ:

Прошли лета скоро, якъ быстрыи реки,
А я живу при несчастіи черезъ уси выки;
Віють витры въ степу—запрету не мають,
Идутъ мысли въ день и въ ноци—спокою не дають (77).

Для опредѣленія внутренняго значенія и художественной силы этого образа, не лишне будетъ привести превосходное стихотвореніе А. Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ (см. „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1893, III, стр. 159 и сл.). Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII в. совпадаетъ съ высоко художественнымъ образомъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Такія сопоставленія не лишены значенія. Они объясняютъ силу образа, что на руку г. Житецкому, въ смыслѣ утвержденія его основной мысли о вліяніи виршъ на думы.

На стр. 107, въ виршѣ, еврей говоритъ, что умершій раввинъ „теперъ исть въ небѣ вола соробора“. Г. Ж. послѣ „соробора“

ставить: (sic); слово это взято, вѣроятно, изъ Талмуда; „воль шарборъ“ упоминается въ „Мессіи Правдивомъ“ Галатовскаго и, что любопытно, также въ видѣ насмѣшки надъ евреями.

Обстоятельное изученіе формальной стороны думъ могло устранить нѣкоторыя недостаточно ясныя и не вполне правильныя сужденія о фактической сторонѣ ихъ. Такъ, на стр. 21 г. Ж. проклятіе, встрѣчающееся въ невольничихъ думахъ, обращенное къ ненавистой землѣ турецкой, объясняетъ съ историко-бытовой точки зрѣнія. Разумѣется, такая точка зрѣнія здѣсь возможна; но при этомъ въ статьѣ о строѣ рѣчи слѣдовало бы замѣтить, что форма проклятія основана не только на явленіяхъ жизни и не всегда служила выраженіемъ факта, а часто бывала простымъ эпическимъ приемомъ, и въ думахъ часто имѣетъ исключительно формальное значеніе *loci communis*. Съ такимъ значеніемъ чаще всего является проклятіе сына матерью, напр. въ думахъ про Морозенка (*Помт. писни* I 131), въ шотландскихъ балладахъ объ убійствѣ брата братомъ (*Child, The english and scot. ballads, II № 49*). Въ цѣнномъ изслѣдованіи Луки Зимы: „*Figure u našem narodnom pješničtvu*“ (1880 г.) проклятіе выдѣлено, какъ самостоятельная фигура народнаго эпоса (140—142). Эта риторическая фигура извѣстна была и древнимъ—*drá, execratio*). Въ сербскомъ эпосѣ проклятія очень распространены и разнообразны, какъ видно изъ сочиненія того же г. Зимы:

На стр. 12 г. Ж. говоритъ, что „историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики“, и далѣе, какъ объяснительный примѣръ, приведено описаніе бури на Черномъ морѣ въ думѣ про Алексѣя Поповича:

... на Черному мори не гараздъ починае,
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половина мисяця у тьму уступыло...

„Видно усиліе мысли, говоритъ г. Житецкій, выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ“. Такого рода картины, повидимому, по плечу народнымъ поэтамъ, и созданіе такихъ картинъ не требовало особенныхъ усилій мысли. Въ шотландской балладѣ, сложенной подъ прямымъ влияніемъ средневѣковой легендарной литературы о чудесахъ Пресв. Богородицы, о чемъ подробно см. въ моей статьѣ въ I кн. „*Кіев. Стар.*“ 1894 г., находится подобная картина морской бури:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,

But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee. (Child, The engl. ballads III 18).

Затѣмъ, помимо историческаго реализма, картина бури въ думѣ про Алексѣя Поповича могла возникнуть подъ литературными вліяніями.

Въ концѣ первой главы г. Ж. говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ. Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, риёмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ“. Далѣе авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному приему: именно сопоставляетъ нѣкоторыя мѣста думъ съ старинными памятниками письменности. Жаль, что у автора всѣ сопоставленія улеглись на одной страницѣ (37-й), причемъ взято только три отрывка думъ, и сравненіе произведено лишь съ тремя, притомъ поздними, памятниками: „Словомъ о бездождіи“ (конца XVII в.), „Мессіей Правдивымъ“ Галатовскаго (1665 г.) и „Казаньемъ на соборъ пресв. Богородицы“ по рукоп. 1751 г. То-же явленіе—глагольная риема—обнаруживается въ гораздо болѣе раннихъ памятникахъ южно-русской письменности, современныхъ возникновенію наиболѣе старинныхъ думъ, напр., въ политическомъ памфлетѣ и бытовой сатирѣ конца XVI в., извѣстной подъ названіемъ „Рѣчи Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г.“, и въ посланіяхъ южнорусскаго писателя конца XVI в. Іоанна изъ Вишни (Вишенскаго).

Опредѣленіе думы, какъ особаго вида народнаго пѣснотворчества, у г. Ж. не отличается достаточной опредѣленностью. На стр. 7-й г. Ж. говоритъ: „въ думѣ передается *продуманный* (подчеркнуто г. Житецкимъ) рассказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія“; на стр. 17-й: „отъ народной малорусской думы именно вѣдетъ думой пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размысленію, къ раздумью“; на стр. 19-й: „вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими“. Квалификація думъ, какъ продуманныхъ произведеній, отвѣчающая основной теоріи автора о большомъ вліяніи на думы письменности, недостаточно опредѣляетъ думы. Продуманность свойственна всей народной поэзіи, и нѣкоторыя лирическія пѣсни проникнуты такой глубокой мыслью, какой нельзя встрѣтить въ думахъ. Таковы, напр., пѣсни: „Ой кудро, кудро, кудрявая“ и „Ой шлы чумаки зъ

Украины“, обследованныя А. А. Потебней въ 1 т. „Объясненій малор. и сродн. пѣс.“ (стр. 247, 267), также нѣкоторыя колядки и др. Г. Ж. правъ въ томъ смыслѣ, что на думяхъ лежитъ своеобразный отпечатокъ размышленія, что при своеобразномъ, большею частью историческомъ ихъ содержаніи и своеобразной формѣ въ видѣ длинныхъ и неравнобѣрныхъ стиховъ, составляетъ наиболѣе характерную особенность думъ.

По объему и внутренней цѣнности главное значеніе въ изслѣдованіи г. Ж. имѣютъ 2 и 3 главы, гдѣ говорится о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Вирши разсмотрѣны по тремъ рубрикамъ: вирши правоучительныя, правоописательныя и историческія. Эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими главами богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайловскаго монастыря и Церковно-Археол. Музея при Кіев. Дух. Акад., а также изъ рукоп. сборника Кибальчича XVIII в.

Слабыя стороны этой наиболѣе крупной части изслѣдованія г. Ж. состоятъ въ слѣдующемъ:

Выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи школьной литературы, преимущественно виршъ, на думы, г. Ж. раннія явленія народной словесности объясняетъ, сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками. Думы, какъ извѣстно, существовали уже въ концѣ XVI в., а наиболѣе старинные образцы правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ виршъ г. Ж. приводитъ изъ памятниковъ половины XVII в.: «Лѣкарства роскошникамъ того свѣта», «Острожскаго лямента», или изъ еще болѣе новыхъ памятниковъ XVIII в., вертепной драмы, рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Затѣмъ, авторъ книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени. Совсѣмъ въ сторону оставлены другія литературныя вліянія, напр., вліяніе западно европейской и малорусской легендарной литературы. Такъ, одна изъ лучшихъ думъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ—стоитъ въ тѣсной связи съ легендами о покаяніи грѣшника на морѣ и спасеніи его при участіи Пресв. Богородицы, о чемъ см. мою статью въ 1 кн. „Кіев. Стар.“ 1894 г. Это вліяніе можно усмотрѣть не только въ основной фабулѣ разсказа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; напр., въ легендѣ, нашедшей мѣсто въ „Запискахъ“ Петра Могилы, говорится, что казаковъ, возвращавшихся съ морского похода на Турцію, захватила страшная буря — „волны противныя“, — и въ думяхъ про Алексѣя Поповича вездѣ выдвинута „злосопротивна хвылечка“.

Нѣкоторыя малорусскія вирши могли возникнуть подъ вліяніемъ западныхъ мистерій, на что уже было указано въ одной небольшой статейкѣ (въ 6 стр.), напечатанной въ галицкомъ альманахѣ «Ватра». Въ замѣткѣ этой рѣчь идетъ о напечатанной въ іюньской кн. «Основы» 1862 г. пасхальной виршѣ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христось и освободилъ грѣшниковъ, оставивъ въ аду только Соломона и Каина. Люциферъ опасаясь, чтобы Христось не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Хотя основное содержаніе этой вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ ея была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши приведено одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV в. о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ содержаніемъ мистеріи свободно и фамильярно. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона—священникъ повторяется въ нѣмецкой драмѣ: «Christi Auferstehung», по рукописи 1464 г.

Можно думать, что средневѣковая латинская и болѣе поздняя нѣмецкая и польская духовная лирика оказали вліяніе на малорусскія старинныя вирши, въ особенности на вирши нравоучительныя. Вообще малорусская схоластическая литература XVII в. стоитъ въ прямой связи съ средневѣковой европейской схоластической литературой, и такое же сходство обнаруживается во всемъ строѣ и содержаніи южнорусской культуры XVII в. Не даромъ мы у южнорусскихъ писателей XVII в., особенно часто у Галатовскаго, встрѣчаемъ Ансельма Кентерберійскаго, Оому Аквинскаго, Дуна Скота, Петра Альфонса, Кантипрата, Лирануса и др. схоластическихъ писателей XII—XIV вѣковъ. Въ народной и полународной виршевой литературѣ малорусской XVII в. обнаруживается значительное сходство съ *Vagantenlieder* средневѣковой Европы.

Христіанская латинская поэзія очень рано возникла на западѣ, въ Италіи, гдѣ она первоначально по самому языку могла пользоваться большимъ распространеніемъ, была памятна не однимъ церковникамъ, но вообще образованнымъ людямъ, грамматикамъ и риторамъ, которые не переводились въ Италіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ XII в. латинская поэзія развилась во Франціи, благодаря возникновенію умственныхъ интересовъ и общему подъему образованія, и почти одновременно она проникла и укрѣпилась въ Германіи въ кругу грамотныхъ людей. Составленіе виршей стало признакомъ образованности. Нѣкоторые писатели приобрѣли въ этой области громкую извѣстность, преимущественно во Франціи (Стефанъ Орлеанскій, Петръ Блуаскій, Гиларій). Выработаны были опредѣленные формы стиха и правила стихотворства: hexametri

consonantes, leonini, caudati, peractherici, repercussivi, pariles, dactylICI, reciproci, retrogradi, concatenati, intercisi, circulati, citocadi (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder d. Mittelalters, 7). Стали вырабатываться самые мотивы, напр., мотивъ помилованія о грѣхахъ. Такъ, клюнійскій монахъ Бернардъ фонъ-Морла (XII—XIII в.) въ виршѣ въ 3000 гекзаметровъ, съ римами на концѣ и ассонансами въ серединѣ, оплакивалъ порочность и непрочность мірской жизни. Самое начало этой длинной вирши напоминаетъ многія позднѣйшія малорусскія вирши:

*Hora novissima tempora pessima sunt, vigilemus.
Ecce minaciter imminet arbiter ille Supremus*

Латинская духовная поэзія стояла самостоятельно въ ряду съ поэзіей рыцарской и поэзіей народной. Въ то время, какъ двѣ послѣднія, въ особенности поэзія народная, ограничены были національными рамками, латинская поэзія была дорогой гостью въ всѣхъ западныхъ католическихъ странахъ, преимущественно въ средѣ образованныхъ людей. Латинскій языкъ и схоластическая школа были главными ея пропагандистами, и потому неудивительно, что и въ Малороссіи со времени Петра Могилы сильно развиваются вирши, какъ отраженіе уже заглушей къ тому времени на западѣ латинской духовной поэзіи.

Малорусскіе „мандрованные“ дьяки и школьники— пиворѣзы XVII в.—своеобразное мѣстное „культурное переживание“ западно-европейскихъ странствующихъ школяровъ, такъ называемыхъ вагантовъ и голиардовъ, которые процвѣтали въ западной Европѣ въ XII в. въ роли главныхъ разсадниковъ свѣтской латинской лирики. Ваганты—странствующие грамотѣи-церковники. Ходили они изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пользуясь покровительствомъ закона и добротными даяніями горожанъ и рыцарей. Извѣстенъ указъ Фридриха Барбароссы 1158 г. о свободномъ путешествіи клериковъ по всей странѣ. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей говоритъ: „Urbes et orbem circumire solent scholastici, ut ex multis litteris efficiantur insani... ecce quaerunt clerici Parisii artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides“ (Hubatsch, 14). Странствующие пѣвцы церковники составляли товарищества, и уже во Франціи имъ дано общее наименованіе голиардовъ, причѣмъ въ одномъ постановленіи Трирскаго собора 1277 г. голиарды стоятъ рядомъ съ joculatores и bufones; въ эдиктѣ бременскаго архіеп. 1292—„vagi scholares, qui goliardi vel histriones alio nomine appellantur“. Изъ другихъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ видно, что голиарды были министрелями, распѣвавшими по домамъ духовные стихи. Существуютъ различныя толкованія самого слова „голиарды“, причѣмъ одно изъ нихъ, производящее это слово отъ gula въ смыслѣ gourmand, glouton, т.-е. обжоры (Hubatsch, 10), ин-

тересно по отношенію къ названію украинскихъ школяровъ «пиво-рѣзками.»

Южнорусскіе пиворѣзы XVII в. не только по своему нравственному характеру, но и по излюбленнымъ литературнымъ темамъ напоминаютъ средневѣковыхъ вагантовъ. Ваганты любили говорить о винѣ и выпивкѣ, и поэзія ихъ отличалась значительной грубостью, по сравненію ея съ рыцарской поэзіей. Въ голяхъ былъ силенъ сатирической элементъ, выразившійся, между прочимъ, въ насмѣшкахъ надъ монахами. Сатира не имѣла личнаго характера; она направлена была или противъ недостатковъ людей вообще, или противъ сословныхъ недостатковъ. При этомъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ сатира голий была вполне благонамѣренная и правовѣрная. Общей цѣлью латинской поэзіи голяровъ было—*scire explorare, reprobare reprobos et probos probare*, и южнорусскія правоописательныя и правоучительныя вирши отличались такими же чертами и преслѣдовали такія же цѣли.

Ваганты и голяры хвастали своей школьной наукой и ставили себя выше свѣтскихъ жонглеровъ и шпильмановъ, вообще выше свѣтскихъ людей:

*Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.*

Другой странствующій латинскій школяръ въ несчастіи говорить: «Куда мнѣ обратиться, мнѣ, знакомому съ музами, изучившему Гомера? Къ свѣтскимъ мнѣ не стоитъ итти; обратиться за помощью я могу только къ клерикамъ». Эти *viri litterati* хотѣли знаться только съ *viris litteratis*:

*Aestimetur autem laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est et mutus.* (Hubatsch, 22).

Малорусскіе пиворѣзы раздѣляли этотъ взглядъ вполне и даже выражали его въ сходной формѣ. Они считали свою науку своимъ природнымъ преимуществомъ:

Не пнишь, что тебѣ не дано отъ Бога....
Если не рожденъ, не сунься въ науку....
Пасъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричититъ
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куяшти разніе писати....

Лучше всего школярское высокоуміе выразилось въ виршахъ монаха Климентія:

Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письменнаго особый политичный звычай. (Житєцкій 49, 51).

Тѣсная связь со школой и въ особенности школьная зубри-стика грамматтики наложили свою печать на поэзію вагантовъ и пиворѣзовъ. Такъ, въ латинскихъ виршахъ голиардовъ:

Multum habet oneris do das dedi dare....
Si te forte traxerit Romam Vocativus,
Et si te deponere vult Accusativus, etc...

Малорусскіе виршеплеты стараго времени:

Казавъ мени бакаляръ промовыты: „Азь, Азь!“
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци — разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: „А ну, кажи: Буки!“ и т. п.

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ латинскихъ стиховъ «Confessio poetae», составленномъ между 1162 и 1165 годами, поэтъ жалуется, что онъ созданъ изъ легкаго матеріала и подобенъ листу, которымъ играетъ вѣтеръ: „Я, какъ корабль, безъ кормчаго, говоритъ поэтъ, какъ птица, безцѣльно носящаяся въ воздухѣ. (Hubatsch, 44). Возможно, что подобнаго рода сравненія не остались безъ вліянія на позднѣйшія малорусскія вирши и пѣсни, напр.:

..... родыны не маю,
На чужини пробуваю и вѣкъ свий теряю;
Ой якъ орелъ по надъ поле повитремъ носытся,
Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселытся...
Нѣгде отъ злыхъ челоувѣкъ спокою не маю.... (Жит. 75).

Ваганты процвѣтали во Франціи въ XII и въ началѣ XIII в.; въ XIII в. они были многочисленны въ Англии и Германіи. Главными путями ихъ движенія и распространенія были Рейнъ („die grosse Pfaffengasse“) и Дунай (Hubatsch, 16). Въ XIV в. ваганты и голиарды подвергаются преслѣдованію со стороны церковныхъ властей за сатирическія вирши противъ порядковъ духовенства и въ особенности папства; они понемногу начинаютъ терять подъ собой школьную латинскую почву. Вытѣсненные изъ клира и школы, голиарды мало-по-малу отождествляются съ странствующими шпильманами и скоморохами. Въ латинскія вирши вносятся фразы французскія, нѣмецкія, смотря по національности ваганта, и, наконецъ, латынь совсѣмъ замѣняется живыми народными языками. Одни памятники старой латинской поэзіи сохранились въ монастыряхъ, другіе вошли въ студенческія пѣсни. Нѣкоторыми сатирическими произведеніями голиардовъ противъ Рима воспользовались въ XVI в. протестанты.

Допуская возможнымъ вліяніе латинской поэзіи Запада на малорусскія вирши стараго времени, мы до болѣе подробнаго обслѣдованія этого историко-литературнаго вопроса считаемъ нѣсколько смѣлыми и послѣдними положенія г. Житецкаго о національномъ характерѣ украинскихъ пиворѣзовъ и ихъ литературныхъ произ-

веденій. „Не симпатиченъ для насъ обычай“, говоритъ г. Ж., „въ безцѣльной игрѣ жизнию строить всякія штуки, рисоваться передъ народной толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцовъ, залицаться съ поселянками посредствомъ портретовъ.... Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанию собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства“ (52, 53). Все это, разумѣется, характерно для старой Малороссіи; но „самообличеніе пиворѣзовъ“ получить нѣсколько своеобразное значеніе, если допустить, что при благоприятныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, а, можетъ быть, даже и помимо ихъ, „самообличенія“ могли возникнуть на почвѣ литературныхъ заимствованій и подражаній, напр., подъ вліяніемъ чрезвычайно популярной у вагантовъ, потомъ у студентовъ пѣсни: „*Meum est propositum in taberna mori*“.

„Мы имѣли возможность, говоритъ г. Житецкій, пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ *прошлому* и въ началѣ *настоящаго* вѣка для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ“ (43 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) г. Ж. перечисляетъ нѣсколько самообличительныхъ произведеній пиворѣзовъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Кіев. Церковно-Археологическаго Музея.

Прежде всего нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Ж. не издалъ этихъ записей цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, что дало бы читателю возможность судить о внутреннемъ ихъ составѣ, о книжныхъ и народныхъ элементахъ. Разъ уже рѣшено было авторомъ не издавать эти сборники, нужно было по меньшей мѣрѣ представить обстоятельное описаніе ихъ.

Признавая школьные сборники, по немногочисленнымъ и краткимъ извлеченіямъ, весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ вообще и въ частности относительно думъ, я не могу, однако, вмѣстѣ съ г. Ж. утверждать, что эти сборники „должны служить основой для разъясненія вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ на-

родной поэзіи и особенно въ думахъ“. Сборники, по словамъ самого г. Ж., относятся къ XVIII и началу XIX ст., а книжный складъ носятъ уже думы XVII и даже конца XVI вѣка; если допустить, что дума про Алексѣя Поповича сложена въ концѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ эта дума сложена не позже начала XVII в. Ощутительное присутствіе въ этой думѣ книжныхъ вліяній расширяетъ поставленный г. Житецкимъ вопросъ о вліяніи школьныхъ учебниковъ вполнѣ возможной гипотезой о болѣе раннемъ книжномъ вліяніи другихъ источниковъ, напр. латинской поэзіи вообще и легендъ въ частности.

У г. Ж. вездѣ, гдѣ говорится о виршахъ, выдвинуто исключительно бытовое начало и упущено возможное литературное начало, параллельное съ бытовымъ, изрѣдка, можетъ быть, и безъ примѣси послѣдняго. „Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похождения ихъ въ область женской красоты; но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуєтъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немислимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея“ (53). Несомнѣнно, что дьякъ былъ въ старой Малороссіи свой человѣкъ, и можно согласиться съ авторомъ, что дьякъ пользовался симпатіями; но отсюда еще не вытекаетъ первая послышка автора о пѣсняхъ про дьяка, какъ свидѣтельствъ народныхъ къ нему симпатій. Пѣсни ироническія на тему о любви дьяка къ женщинѣ легко могли быть заимствованы съ Запада, гдѣ любовныя похождения духовныхъ лицъ получили широкую литературную разработку въ новеллахъ, фацеціяхъ и миннезангахъ. Огромное большинство современныхъ малорусскихъ народныхъ сказокъ и анекдотовъ о любовныхъ похожденияхъ поповъ и дьяковъ построены на западныхъ литературныхъ источникахъ, и весьма вѣроятно, что и старинныя малорусскія вирши черпали изъ неистощимаго источника западно-европейской сатирической литературы на духовенство. Типъ влюбчиваго попа или дьяка давно сталъ излюбленнымъ въ народной словесности, отсюда перешелъ въ сочиненія Котляревскаго и Квитки и донынѣ воспроизводится малорусскими драматургами, и потому мы полагаемъ, что исключительно бытовое объясненіе личности дьяка въ малорусскихъ виршахъ XVIII в. такъ-же несостоятельно въ научномъ отношеніи, какъ было бы несостоятельно сужденіе о нравахъ современныхъ дьяковъ и отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ по персонажамъ въ комедіяхъ г. Кропивницкаго.

Г. Житецкій говоритъ, что школяры, „постепенно сливаясь съ народной массой, превращались изъ латинниковъ въ псалтырниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго

содержанія“ (54). Возможно, что такое отрицательное отношеніе псалтырники уже нашли въ кунштахъ и виршахъ и затѣмъ лишь примѣнили его къ себѣ и къ окружавшей ихъ средѣ.

Разъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ обнаруживается большое сходство въ пѣсняхъ разныхъ народовъ, необходимо къ фактическому содержанію такого рода пѣсенъ относиться съ большою осторожностью, не давая ему бытоваго приуроченія. А въ пѣсняхъ о дьякахъ много такихъ совпаденій, указывающихъ на общій литературный источникъ. Возьмемъ въ видѣ характернаго примѣра слѣдующія двѣ пѣсни, галицко-русскую (Голов. II, 146—147) и моравскую, (*Sizil*, 76), и сопоставимъ ихъ параллельно:

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що еденъ
а еденъ?

— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що два а два?
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Двохъ ихъ было Божихъ святца,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывченный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що три а три?
Трехъ ихъ было патруляшовъ,
Двохъ ихъ было Божихъ святци,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралеваць все буде.

Вопросы и далѣе идутъ въ та-
кой же обстановкѣ, съ такими
цифровыми комментаріями:

Штыри листы ангелисты....
Пять ихъ было Божихъ ранъ ...
Шести грають лелію

Žačku, začku učeny,
Ze všech škol vybirany
A ty viš, nam povíš,
Co jè jeden?

A ja wim vam povim,
Co je jeden.
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.

Žačku, žačku učeny,
Ze všech škol vybirany!
A ty viš nam povíš,
Co to jsú dvě?

A ja vim, vam povim,
Co to jsú dvě.
Dvě tabule Mojžisovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.

Žačku, žačku učeny,
Po všech školach cvičeny,
A ty viš, nam povíš,
Co to jsú tři?

A ja vim vam povim,
Co to jsú tři.
Tři patriarchove,
Dvě tabule Mojžišovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest...

и т. д. съ добавленіями въ слѣ-
дующихъ строфахъ:

Ctyry evangelistove....
Pet ran Kristovych krvavych....
Šest jest stoudni kamennych

Передъ панянокъ Маріовъ....
 Семъ радости у Бога....
 Восемъ свѣчь горить предъ
 Богомъ....

Дячку, дячку вывченый,
 На всѣ школы выбранный!
 Повѣдѣжь же намъ, що девять?
 — Що я вѣмъ, то повѣмъ:
 Девять коронъ ангельскихъ,
 Восемъ свѣчь горить предъ
 Богомъ,

Семъ радости у Бога и т. д.

Галицко-русскій вариантъ этой пѣсни съ „ученымъ дякомъ“ подкупаетъ изслѣдователя въ пользу историко-бытового комментарія если не всей пѣсни, представляющей хорошо извѣстный апокрифъ (о чемъ см. Веселовскаго въ Сборн. отд. р. яз. Акад. Н. т. XXXII, стр. 78—82, 92—95, 432—433, Н. Сумцова Очерки ист. южнорус. апокриф. сказ. 145—146),—то запѣва о дякѣ; но разъ мы находимъ и въ моравскомъ вариантѣ буквальный выраженія объ ученомъ дякѣ, то всякія бытовыя приуроченія дѣлаются вообще шаткими.

На стр. 75—76 г. Ж. говорятъ мимоходомъ о псалмѣ „Сиритка“, распѣваемой и теперь лирниками. Авторъ замѣчаетъ о близости этой псалмы „къ народному настроенію“ и о „трогательности“ ея содержанія. Соглашаясь съ авторомъ, мы замѣтимъ, что основная тема вообще близка къ народному настроенію и у разныхъ народовъ разработана въ трогательно-меланхолическомъ тонѣ. Останемся на псалмѣ, указанной у г. Ж., напеч. въ III т. I ч. Голловацкаго стр. 272:

А въ недилу рано взяло свитаты,
 Пишла сиритка мамунци шукаты;
 Ой пишла сиритка горами, долами,
 Здыбавъ ю Господь съ двома ангеламы:
 „Где йдешъ, сиритко?“—„Мамуни шукаты“.
 „Верныся, сиритко, бо далеко зайдешъ,
 Бо далеко зайдешъ, мамунци не знайдешъ“...

По указанію Господа, сирота находитъ могилу матери. Мать посылаетъ ее къ мачехѣ. Мачеха не помыла головы сиротѣ, а прокляла ее, не сшила ей сорочку, а избила ее. Ангелы унесли душу сироты въ рай, а черти унесли душу мачехи въ адъ.

Во Франціи въ Верхней Бретани записана такая пѣсня:

C'était une complainte de trois petits enfants (*bis*),
 Leur mère était morte, leur père se maria
 A une méchante femme pour élever ses enfants.

Le plus petit demande un petit morceau de pain,
 Un grand coup de pied dans le coeur le renversa par terre,
 Relève toi, mon frère, nous irons au cimetière
 Trouver notre mère...

Dans leur chemin rencontrent Notre Seigneur Jésus-Christ,

— „Ou allez vous, trois anges, trois anges si petits?“

— „Nous allons au cimetière trouver notre mère“...

Спаситель даетъ матери 12 лѣтъ жизни для воспитанія дѣтей (Revue des trad. popul. 1892, IV 292).

На стр. 66—69 г. Ж. приводитъ содержаніе галицкой колядки „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“, основная мысль которой выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Въ чемъ же заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?—спрашиваетъ по этому поводу г. Ж., и затѣмъ говоритъ: „Глубоко трогательный отвѣтъ мы находимъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ“. Древнѣйшимъ вариантомъ этого стиха г. Ж. считаетъ тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти (у Голов. II 21). „По всему видно, говоритъ г. Ж., что стихъ этотъ былъ предназначенъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ... Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ бѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей“... Авторъ сходитъ здѣсь съ историко-литературной на историко-бытовую почву безъ достаточнаго фактическаго основанія. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древней апокрифической литературѣ, о чемъ подробно см. въ диссертациі г. Мочульскаго: „О Голубиной книгѣ“, стр. 186—234. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ.

Отъ краткихъ и общихъ замѣчаній о пѣсняхъ о правдѣ и кривдѣ г. Ж. переходитъ на 69 и на слѣд. стр. къ пѣснямъ о матери вообще и въ частности къ думахъ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Что же связываетъ всѣ эти пѣсни? Г. Ж. связью ставитъ такой общечеловѣческой мотивъ, какъ любовь къ матери: „По народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей (?) любви и безконечнаго (?) самоотверженія. Она есть сама правда—такъ-же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести пририта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется матерью родною, а мать въ свою очередь—правдою вѣрною. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа на небѣ“. Это разсужденіе г. Ж., весьма краснорѣчивое (авторъ любитъ выражаться цвѣтисто), въ научномъ отношеніи вполне несостоятельно. Литературныя явленія здѣсь совсѣмъ оторваны отъ исторической почвы и получаютъ слишкомъ одностороннее и искусственное

семейно-нравственное толкованіе. И въ общемъ сужденіи автора о значеніи матери въ малорусской народной поэзіи есть преувеличеніе. Далекое не всегда здѣсь мать является „самой правдой, вѣчно страдающей“. Во многихъ пѣсняхъ мать не лишена большого себялюбія и за оскорбленіе, неуваженіе, или даже простое непослушаніе мститъ сыну проклятіями и низводитъ на него всякаго рода бѣдствія и преждевременную кончину.

У г. Ж. совсѣмъ нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ, и гдѣ о нихъ заходитъ рѣчь, мы видимъ лишь общія фразы и неопредѣленныя характеристики моральнаго свойства. Фактическое содержаніе думъ какъ-то ускользаетъ у автора изъ рукъ, и думы объединяются по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Выше мы отмѣтили, что рядъ разнородныхъ пѣсень объединенъ г. Житецкимъ по мотиву любви къ матери. Другимъ характернымъ примѣромъ такого случайнаго объединенія пѣсень могутъ служить 143 и слѣд. стр. „о рубаныхъ казакахъ“. „Такихъ пѣсень (о рубаныхъ казакахъ) въ малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботой ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ“... Далѣе авторъ вспоминаетъ пѣсни о смерти казака вообще, думы о Ѳедорѣ Безродномъ, объ Ивасѣ Коновченкѣ. Рамка для сравненія и объединенія пѣсень взята слишкомъ общая; въ такую рамку можно вставить не только думы о Ѳедорѣ Безродномъ и объ Ивасѣ Коновченкѣ, но массу западныхъ пѣсень, греческихъ о смерти клефтовъ, сербскихъ о смерти юнаковъ, пѣсень шотландскихъ, французскихъ и мн. другихъ. Въ эту рамку можно ввести и „Шотландскую пѣсню“ А. С. Пушкина. Такія общія рамки совершенно безплодны въ научномъ отношеніи. Дума о Ѳедорѣ Безродномъ оригинальная, а пѣсня о смерти казака въ степи съ обращеніемъ его къ коню съ просьбой извѣстить родныхъ о его смерти можетъ быть заимствованной и лишь пріуроченной къ мѣстнымъ условіямъ. Крайности обобщенія по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ обусловлены той особой складкой ума, которая при господствѣ одной общей идеи—въ данномъ случаѣ идеи о вліяніи виршъ на думы—пренебрегаетъ и даже совсѣмъ не замѣчаетъ частныхъ, какъ бы важны онѣ ни были по существу своему.

Наклонность къ широкимъ морально-литературнымъ обобщеніямъ думъ, пѣсень и виршей у автора идетъ рука объ руку съ риторизмомъ и многословіемъ, мѣстами затемняющими ходъ изслѣдованія. Среди многословныхъ разсужденій и обобщеній у г. Ж. иногда проскальзываютъ ошибочныя положенія, напр.: „Мы понимаемъ, говоритъ г. Ж., что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

женъ поэтической замысль—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и до нынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемые въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда — индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови“ (72). Въ этомъ довольно таки темномъ разсужденіи выдается мнѣніе г. Ж., что малорусская народная этика сводится къ семейной морали. Странно, что такое мнѣніе высказывается въ спеціальному изслѣдованіи о думахъ, т. е. такихъ памятникахъ народной словесности, которые почти всецѣло построены на общественной морали. Но и помимо думъ есть много народныхъ пѣсенъ, доказывающихъ чуткое отношеніе малоруссовъ къ общественной морали. Такое отношеніе обнаруживается даже въ такихъ архисемейныхъ пѣсняхъ, какъ пѣсни колыбельныя. „Общественные интересы въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ выступаютъ на первый планъ. Въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ всѣхъ разрядовъ семейное счастье ставится выше личнаго; общественному же благосостоянію приносится въ жертву то и другое. Идеаль, рисуемый малороссянкой, отличается нравственной широтой:

Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—ве болело
Головонька и все тило—

Отцу, матци на втишеньку,
Добрымъ людямъ на услугу

(Встуховъ, въ XV кн. „Этногр. Обзор.“ стр. 99).

Этотъ частный случай съ достаточной ясностью показываетъ, какъ далеко авторъ заходитъ въ своихъ обобщеніяхъ и къ какимъ одностороннимъ выводамъ пришелъ онъ, увлекшись идеей объ исключительно высокомъ значеніи у малоруссовъ идеала матери.

Многія общія положенія, общія замѣчанія г. Ж. заслуживаютъ фактической научной провѣрки. Таковы, напр., вскользь высказанныя замѣчанія о пессимизмѣ, „свойственномъ міровоззрѣнію малорусскаго народа“ (стр. 59), о слияніи въ малорусской поэзіи „скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго (?) сомнѣнія“ (58) и нѣкот. др.

Г. Житецкій часто смѣшиваетъ двѣ по существу различныя точки зрѣнія—историко-литературную и историко-бытовую, не довольствуется ролью историка литературы и вторгается въ исторію быта, иногда безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Напримѣръ, на 77—78 стр. г. Ж. приводитъ въ извлеченіи любопытную псалму о молодости и старости, причемъ псалма рекомендуетъ удаленіе отъ міра, бѣгство въ темные луга, въ степи и пустыни. По этому поводу г. Ж. говоритъ слѣдующее: «Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ Запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а «Велькій лугъ—батькомъ». Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьѣ и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псалмѣ:

Не пиду у мирѣ,	Щобъ душу спасти,
Пиду въ монастырь,	Щобъ Господь простивъ...»

Авторъ здѣсь очевидно совсѣмъ сошелъ на историко-бытовую почву и упустилъ изъ виду, что псалмы объ удаленіи горемыки въ пустыню или въ монастырь воспроизводятъ тотъ же мотивъ «о спасенномъ пути», который съ полнотой разработанъ въ русской повѣсти или (какъ Срезневскій называлъ ее) старческой пѣснѣ о Горѣ-Злочастіи.

На стр. 90 г. Ж., говоря о виршахъ про Ирода, вспоминаетъ некстати о татарахъ.

Въ книгѣ г. Ж. мѣстами приведены вирши, хотя весьма интересныя, но собственно къ думамъ не имѣющія отношенія, напр., стихотворная легенда о пекельномъ Маркѣ (стр. 98). Эта легенда—своеобразная малорусская переработка широко распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ сказаній о солдатѣ (мужикѣ) въ аду. (Афанасьевъ IV 494, Ватра 124—128, бретонская сказка въ Крѣпѣхъ II 77, „Кіев. Стар.“. 1886 VI 445, Добро-

вольскій, Смол. Этногр. Сбор. I, 285, Zbiór Wiadomości VIII 301, Караджичъ, Приповѣтки 301).

При нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ желательно видѣть историческія справки. Такъ, г. Ж. на стр. 104 говоритъ: «во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ»... Отрывокъ изъ интерлюдіи Довгалевскаго приведенъ по рукописи 1736 г., хранящейся въ библиотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Мотивъ о чудесномъ снѣ былъ уже ранѣе подробно обследованъ на страницахъ „Кіев. Стар.“ въ статьѣ г. Кузьмичевскаго, къ которой можно теперь сдѣлать довольно много дополненій (напр., изъ XVI т. Сборника матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, 293 и др.).

Цѣлая IV глава, довольно большая (137—156), носитъ нѣсколько странное заглавіе: «Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ». Относительно научнаго изученія пѣсенъ въ деталяхъ, по отдѣльнымъ мотивамъ, сдѣлано такъ мало, что врядъ ли можно судить о нихъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ. Однѣ лишь колядки разобраны А. А. Потебней по мотивамъ, а пѣсни историческія, балладныя, любовныя, семейно-родственныя и пр. совсѣмъ не подвергались такому изслѣдованію. Какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ? Въ дѣйствительности, мы не находимъ въ этой главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его А. А. Потебня, и глава эта не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ научнаго разложенія и опредѣленія составныхъ элементовъ думъ. Авторъ ограничивается пересказомъ нѣсколькихъ думъ, сопоставляя ихъ по самымъ общимъ признакамъ (думы невольницкія, думы о рубаныхъ казакахъ). Простой фразеологіей представляется замѣчаніе г. Ж. на стр. 138 что то, «что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія казацкой славы». Для того, чтобы доказать такое соподчиненное отношеніе пѣсенъ и думъ, нужно было привести выдержки изъ пѣсенъ и изъ думъ, но такихъ выдержекъ въ книгѣ г. Ж. нѣтъ и быть не можетъ, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій на стр. 139: «для этихъ думъ (о Самойлѣ Кишкѣ, объ Иванѣ Богуславцѣ и др.) почти невозможно подобрать соответствующихъ параллелей въ пѣсняхъ». Несомнѣнно, что «творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній» (стр. 143); но изъ сочиненія г. Ж. не видно, какъ и чѣмъ они могли пользоваться.

Чтобы разобраться въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ, нужна обширная и разносторонняя эрудиція, внимательное отношеніе къ малѣйшимъ деталямъ и большая осторожность въ обобщеніяхъ.

Въ V главѣ г. Ж. говоритъ о творцахъ думъ. Авторъ путемъ наведеній и литературныхъ внушеній старается убѣдить читателя, что творцами думъ были «старцы», т. е. нищіе. Проживая въ церковныхъ шпиталяхъ, вблизи школъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церковникамъ, нищіе усвоивали отъ нихъ литературные мотивы и перерабатывали ихъ по даннымъ народной жизни. Трудно принять эту гипотезу по той причинѣ, что «старцы» издавна извѣстны, какъ люди физически немощные, калѣки, больные и престарѣлые; люди такого «убогаго чина» не могли создать такіа сильныя художественныя произведенія, какъ думы. Возможно, что и «старцы» были творцами думъ, но не такіе убогіе, какими они являются въ книгѣ г. Ж., какими они въ дѣйствительности были въ XVII — XVIII в., а предположительно такіе, какъ богатыри велико-русской былины о сорока каликахъ со каликою. Можетъ быть, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ - пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію. Въ 1283 г. въ Курской области татарами были «переимани переходницы, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще» (Л. Майковъ, Матер. по стар. рус. литер. I 41). Среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріятели западныхъ ваятвовъ и голлардовъ.

Въ послѣдней главѣ (VI) напечатана старинная (между 1808 и 1827 г.) запись малорусскихъ думъ, принадлежавшая покойному А. А. Котляревскому. Думы и пѣсни расположены въ рукописи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко, 3) Алексѣй Поповичъ, 4) Федоръ Безродный, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ и сестра, 9) Самійло Кишка, 10) Иванъ Богословець, 11) Вдова въ г. Чечельничѣ, 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ и 16) Вдова Ивана Сирка. Отрывки изъ девяти думъ ранѣе были уже напечатаны Н. И. Костомаровымъ въ статьѣ его о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ въ «Русской Мысли» 1880 и 1883 г. Г. Житецкій издалъ полный текстъ 13 думъ; не изданы только пѣсни: Дворянская жена, Чечотка и Попадья, хорошо извѣстныя по другимъ сборникамъ. Въ началѣ главы г. Ж. говоритъ о языкѣ записи. Составитель записи вносилъ великорусскія слова, но не былъ твердъ въ русскомъ правописаніи. Сверхъ десяти вариантовъ извѣстныхъ уже думъ, руко-

пись Котляревскаго даетъ еще три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Ивана Сирка и 3) Разговоръ Дитпра съ Дунаемъ. Последняя дума отличается искусственностью. Повидимому, это искусственная пѣсня, составленная довольно неумѣло, можетъ быть, въ началѣ настоящаго вѣка, на популярный народно-поэтической мотивъ о разговорѣ рѣкъ.

Въ началѣ думъ г. Ж. помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе вариантовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варианты. Вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія. Подстрочныя бібліографическія указанія могутъ пригодиться лицамъ, занимающимся думами, хотя они не совсѣмъ полны. Такъ, г. Ж. оставилъ въ сторонѣ польскіе этнографическіе сборники, въ которыхъ изрѣдка попадаются малорусскія думы; таковы, напр., «Zapiski etnograficzne» Руликовскаго, напеч. въ III т. Краковскаго изданія Zbiór wiadomości, гдѣ находится дума объ Ивасѣ Вдовыченкѣ, думы о Дмитрії Вишневецкомъ, Семенѣ Паліи и др.. Упущены изъ виду кое-какіе варианты; изданные въ русскихъ журналахъ, напр., вариантъ думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, напеч. въ „Кіев. Стар.“, 1885, II, 215—228. Но въ общемъ подстрочныя бібліографическія указанія г. Ж. отличаются значительной полнотой.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что г. Житецкій, не изслѣдуя думъ въ отдѣльности и не останавливаясь на частностияхъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на постановкѣ и рѣшеніи важнаго общаго вопроса о вліяніи школы на языкъ и содержаніе думъ. Авторъ открываетъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, причемъ вниманіе изслѣдователей направляетъ въ сумѣжьи между книжной литературой и народной поэзіей, между школой и жизнью, т. е. въ такую область, гдѣ приходится вникать въ весьма сложныя соотношенія безъискусственнаго народнаго творчества, школьнаго образованія и исторически сложившейся бытовой обстановки. Авторъ обнаружилъ большую любовь къ избранному имъ предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Мысли о нар. малор. думахъ», помимо общихъ выводовъ и соображеній автора, заключаютъ въ себѣ новые фактическіе матеріалы, отрывки изъ любопытныхъ виршъ (по неизданнымъ рукописямъ) и нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ изъ рукописи А. А. Котляревскаго. Все это въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

	Р. К.
Т. IV. Статьи <i>П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Θ. Миллера, Ф. Д. Нефедова</i> и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволожье и др. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія)	2 —
Т. V. <i>П. С. Ефименко</i> : Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ. Вып. I. Вѣшняя обстановка, пища, одежда, нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
Вып. II. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. IV. <i>Θ. Я. Трейманъ</i> : Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, разговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскими переводами)	3 50
Т. VII. Статьи <i>Е. И. Якушкина, А. С. Пруцкина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Θ. Миллера, Θ. Е. Корша, Д. Н. Амучина, Д. Я. Саломасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Ячучка</i> и др. (Споры о народности гуновъ, обычное право, сектанство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиліаки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII. Статья <i>В. Θ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти</i> . Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія осянковъ; народн. игры. Прилож.: Программы для собранія свидѣній по этнографіи— <i>Н. А. Ячучка, по обычному праву—М. Н. Харузина</i>	2 —
Т. IX. Сборникъ свидѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи <i>В. Θ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богоевскаго, Н. А. Ячучка, В. В. Кандицкаго</i> и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космоговія, музыка; очерки Вѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.)	2 —
Т. X. <i>Н. Н. Харузинъ</i> : Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI. Сборникъ свидѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. <i>Н. А. Иванцкій</i> : Вологодской край. <i>Ю. Н. Мелмуновъ</i> и <i>М. Кукулинъ</i> : Вологодскія пѣсни (съ нотами)	2 —
Вып. III. <i>В. П. Тихоновъ</i> : Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. <i>В. П. Пасляничковъ</i> : Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII. <i>В. М. Михайловскій</i> : Шаманство. (Сравнительно этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII. <i>И. А. Житескій</i> : Астраханскіе калмыки. Съ рис.	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . . 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонова* и *В. Θ. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обзоріе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру Евг. Ляцкаго: „Олонечій сказитель *Ив. Троф. Рябининъ* и его былины“, съ портретомъ сказителя, его *предисловіемъ и глоссами* былины и стихомъ, можно получить через редакцію „Этногр. Обзорія“. Ц. 40 к. съ перес. (Москва, Паллагеявическій Музей).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
1895 г. **ОБОЗРѢНІЕ,** Годъ 7-й.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
подъ ред. Секретаря Отдѣла Н. А. Янчука,
при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Изданіе выходитъ 4-мя книжками въ годъ (12 листовъ каждая) и посвящено всестороннему изученію быта народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Варованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе; какъ по русской, такъ и по общей этнографіи.

Въ отдѣлѣ СМѢСИ сообщаются мелкіе, случайные матеріалы и наблюденія. Обширный БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себя:

1. Отзвы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, вѣствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.
2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Забѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учреждений, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, ялицъ, типы народностей и т. п.

Условія подписки: 5 р. за годъ, съ перес.

Адресъ редакціи: Москва, Политехническій Музей.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народ. Просвѣщенія „Этнографическое Обозрѣніе“ рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (см. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, іюнь).

Ж. В. Сумцовъ.

ПОЖЕЛАНІЯ И ПРОКЛЯТІЯ.

(Преимущественно малорусскія).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.

1896.

27233.61.5

Grant Fund

Отдельные оттиски изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1896 г.

E

Пожеланія и проклятiя.

(Преимущественно малорусскiя).

Содержанiе.

Предисловіе. Пожеланія „добрыдень“; пожеланія, выраженныя въ малорусскихъ пѣсняхъ родинныхъ жанивныхъ и рождественскихъ. Параллели изъ словесности польской, сербской, болгарской, румынской, новогреческой. Пожеланія доброй доли, чтобы „передъ душой стало“ и хозяйственныя. Проклятiя у древнихъ евреевъ, грековъ, римлянъ и др. древнихъ народовъ. Договорныя клятвы руссовъ. Отношенія проклятiя къ другимъ формамъ словесности. Ритуаль. Клятвы съ ѣдой земли. О степени дѣйствительности проклятiя. „Галатынъ“. Примѣры совпаденія малор. проклятiй съ великорусскими, болгарскими, греческими и др. Проклятiя „безъ дна и покрышки“, о первой пулѣ, о крикѣ вороновъ, о замкнути усть и др. Распредѣленіе проклятiй на общiя зложеланія и частныя пожеланія смерти, болѣзней, лишенія зрѣнiя, рѣчи и т. д. Обращенія къ силамъ природы. Мнѣнческіе и историческіе элементы. Зложеланіе, „чтобы лушь ухопыла“. Роль ката въ проклятiяхъ. „Стоять пидъ великими вишнями“. Проклятiя на дѣвиць, на душу и загробную жизнь. Проклятiя юмористическія. Мать въ проклятiяхъ. Значеніе родительскаго проклятiя и главныя формы проявленія его въ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ о превращенiяхъ и др. Формальное значеніе родительскаго проклятiя (наряду съ значеніемъ бытовымъ). Проклятiя въ думахъ-матери, жены, козаковъ. Заклятiе клады. Юридическія проклятiя въ „духовникахъ“, дарственныхъ записяхъ и т. д. Старинныя церковныя проклятiя въ Малороссiи. Сходныя народныя обычаи въ Грузiи и въ Великороссiи.

Предисловіе.

Благожеланія и проклятiя представляютъ много интереснаго для историковъ быта, литературы, культуры, вообще для уясненія народной психологiи. Матеріалъ обширный, но весьма разбросанный и почти совсѣмъ не изслѣдованный. Благожеланiй касался А. А. Потебня въ той мѣрѣ, насколько они входятъ въ малорусскiя колядки. О проклятiяхъ мнѣ извѣстна лишь одна небольшая статья Лазо (Lasaulx) на нѣм. яз.; но здѣсь рѣчь идетъ лишь о проклятiяхъ классическихъ народовъ (*αρα*, *devotio*, *dirae precationes* и др.). Благожеланія и проклятiя проникли во многія литературныя произведенія, вообще захватили большой кругъ литературныхъ и бытовыхъ явленій. Пожеланія порождены въ минуты свѣтлаго настроенія; зложелательства вылились изъ раздраженія, въ моменты приподнятаго психическаго настроенія. Оттого въ проклятiяхъ, при всей ихъ краткости,

много соли и горечи. Цивилизованные народы на длинномъ и тернистомъ пути своей жизни испытали много разныхъ бѣдствій. Древній человѣкъ въ своемъ личномъ опытѣ и въ опытѣ другихъ имѣлъ болѣе матеріала для выбора проклятій, чѣмъ для выбора пожеланій. Выработанныя литературныя формы пожеланій и проклятій мѣстами клонятся къ упадку, мѣстами совсѣмъ исчезли, подѣ влияніемъ новыхъ культурныхъ условий. О проклятіяхъ, разумѣется, никто не пожалѣетъ. Другое дѣло „благословія“. Тутъ много цѣннаго въ гуманистическомъ смыслѣ. Забвеніе „благословія“ серьезная утрата, тѣмъ болѣе что нельзя рассчитывать на скорое восполненіе пробѣла благотворными влияніями лучшихъ произведеній передовыхъ писателей художниковъ.

1.

Благожеланія.

Во всѣхъ странахъ лучшіе люди дорожили благожеланіями и старались закрѣпить и утвердить ихъ въ обыденной жизни. Въ основу всегда клалось какое нибудь одно, краткое, сильное и наиболѣе популярное пожеланіе, чаще всего пожеланіе: *Vale, salve, добрыдень, будь здоровъ!* Еще Владиміръ Мономахъ наставлялъ: „человѣка не минѣте, ни привѣчавше; добро слово ему дадите“. И этотъ завѣтъ прочно держался въ Южной Руси и нынѣ еще хранится въ селахъ, не испорченныхъ городскими и фабричными влияніями. Нарушеніе его въ старой Малороссіи считалось большимъ грѣхомъ, какъ видно изъ думы про Алексѣя Поповича. Буря разыгралась на морѣ, потому, между прочимъ, что Алексѣй Поповичъ

Мимо царської громады пробигавъ,

За своей гордошей шляпы не здыймавъ

На день добрый не дававъ (Ант. и Драг. I. 180).

Малорусскія формы благожеланій отиѣчены въ гѣсняхъ родинныхъ, свадебныхъ, рождественскихъ, зажнивныхъ. Не претендуя на исчерпывающую полноту, отиѣтимъ нѣсколько традиціонныхъ формулъ украинскаго доброжелательства, и для уясненія послѣдняго такъ, сказать по дорогѣ, захватимъ сербскія и болгарскія благословія.

Уже при родахъ бабка иногда приговариваетъ: „Ой, опростай, Боже, мою унученку, її душечку та роженную, другу душечку та суженную“.

(Чуб. III 7.).

На крестинахъ приговариваютъ, обращаясь къ ребенку: „Нехай тебе Богъ благословить и поможе тобі вѣйти въ христіанскую виру; дай Боже, щобъ ты росло велике та щасливе було“. По адресу матери говорятъ „Приведи, Боже и породиллю до першого здоровья, дай Боже, щобъ вона его охрестыла и до розуму довела и на весильи погуляла“. (Чуб. III 9).

Въ дѣтской колыбельной пѣснѣ высказываются пожеланія, чтобы „росточки у кисточки, соньки-дримки въ вяченьки, розумъ добрый въ голоньку“, чтобы дитя росло, не болѣло, чтобы оно служило утѣшеніемъ для матери и для всей родыноньки.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ „присудыла Божа Маты не великимъ посачемъ, а счатемъ—здоровьенкомъ“ (*Чуб.* IV 161). Пожеланія въ свадебныхъ пѣсняхъ выражаются во многихъ мелкихъ, еле уловимыхъ чертахъ.

Въ „Огородкѣ“ Радивиловскаго (1676 г.) отмѣчены два любопытныхъ пожеланія при посѣвѣ хлѣбнаго зерна: „бѣдный ролникъ, гды сѣть, кидаетъ сѣмена и на долю убогихъ, мовячи, „сходы Боже, и для убогихъ“; въ другомъ мѣстѣ: „засѣявши господарь ниву звикль такъ кончители-зроды, Боже, для всѣхъ“ (*Марковскій*, Ант. Радивилоскій, стр. 65).

Въ заживныхъ пѣсняхъ разбросаны пожеланія здоровья, урожая и всякаго благополучія и хозяевамъ поля, и жницамъ:

Судивъ намъ Богъ дожаты	Миромъ въ покою,
Суди, Боже, и пожиты	Въ доброму здоровью

(*Чубин.* III 230).

Обычныя въ заживныхъ пѣсняхъ величанья хозяина, хозяйки и поля служатъ своего рода пожеланіями, чтобы и впредь такъ было.

А мы жито дожали,	Килько на неби зирочокъ,
Щобъ ще за рокъ дождали.	Тилько въ поли копочокъ.

(*Чуб.* III 246).

Гораздо богаче пожеланіями колядки, малорусскія и въ особенности болгарскія. Цѣль колядокъ „домъ звеселиты“. Въ основѣ колядокъ лежитъ пожеланіе въ связи съ величаньемъ, т. е. съ возведеніемъ лица, къ коему обращена пѣсня къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... „На всѣхъ ступеняхъ развитія, говоритъ А. А. Потебня, потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по дугу ѣдетъ—лугъ зеленѣеть;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и донинѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтического образа въ объясняемое

и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѣческаго мышленія, сохранивъ лишь ту практическую, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любви, угодные“. (Объясн. малор. и срод. пѣсенъ II, 59).

Потебня подробно разобралъ колядочный мотивъ сказыванія радости. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешь“, „встань гори“ и проч. потеряли связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и стали припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Часто встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“ происходитъ изъ „въ(а)стани нынѣ“. Господаря будить „ластиква“, „зозуля“, „соловей“, мѣстами „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки. Часто встрѣчается такой мотивъ „Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“; этотъ мотивъ проявляется въ колядкахъ, волочечныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Въ связи съ предъидущимъ мотивомъ стоитъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“; въ результатѣ урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокрифическія сказанія.

Благожелательное символическое значеніе имѣетъ „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“. Самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Столь же благожелательное значеніе имѣютъ колядочные мотивы: Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“, „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле“. „Господарь готовится встрѣчать, угощать гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ“.

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ „по обори и лагодыть волю по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижки та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды“ и т. д. (*Чуб.*, т. III, стр. 347) Во многихъ

колядкахъ и щедривкахъ разрабатываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ хлѣба, приплодѣ скота и т. д. Прекрасныя въ художественномъ отношеніи колядки этого рода напечатаны въ общеизвѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго. Обыкновенное окончаніе колядокъ, обращенныхъ къ земледѣльцамъ:

Бувай же здоровъ
Пане господару, съ дитьми, съ женою....
Дай же ты, Боже, чого жадаешъ!
Щастячка на дворъ на худобочку,
Здоровля въ сей домъ на челядочку....
Даруе тобі Господь три доли въ поли:
Першая доля—щастя, здоровля,
Другая доля—волы, коровы,
Третья доля—жито, пшеници,
Усяка пашныця (Чуб. III 421 и др.)

Пасѣчникамъ поютъ такую прекрасную колядку съ пожеланіями:

Шумить, гуде, дубровою иде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ его новыцяхъ:
Медокъ солодокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ да бувай здоровъ. (Чуб., т. III, стр. 392).

Возьмемъ еще слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашего пана хороша пани;
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:

Книжечки на стиль, батеньку до нигъ,

А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб. т. III, стр. 404.)

Въ колядкѣ нарисована симпатичная картинка крестьянской семейной жизни: домохозяйка — хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочери — мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, „коня строить“, чтобы привести отцу хорошую „невѣстку“ не изъ тѣхъ дивчатъ, что „танокъ водять“, а изъ тѣхъ, что на „хорошей нивѣ“, за которыми „снопки густыя“ (Чуб. III т. стр. 416, 464) Похвала дочери въ словахъ: „до церкви йшла, якъ зоря зійшла, а зъ церкви йшла красною панною“; паны ее встрѣчаютъ, шапки снимаютъ“. (Чуб. т. III стр. 395.)

Подобнаго рода пожеланія встрѣчаются въ польскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ также

A za onym rzużkiem
Sam Pan Jezus chodzi,
Najsviètsza Panienska

Sniadanko nosila:
A daj tu, Boze,
Wszelake zboze и т. д.

Сербскія пожеланія по содержанию и выраженію сходны съ малорусскими, напр., македонскіе сербы на праздникѣ „славы“ поютъ:

У чије се здравље вино пије,
Све ту здраво и весело било!
Родила му се пшеница и вино!
А по кути сва мушка дечица,
И по трлу сва близни јаганьца

И у брдо виновна лозица
И по польу классата пшеница...
Дамакине! добро смо ти дошли.
Добри гости у добри те нашли...

Иванъ имя, коледо, добри гости, коледо

Добре гости, „ Русалије, ко,

Добре су му „ глас донели „

Овце му се „ избагнѣли

Све јаганьци „ калушасти „

Козе му се „ искозиле „

Краве му се „ истелиле „

Кобиле му се „ иждебиле „ и т. д.

Дестребовъ, Пѣсни тур. сербовъ 13—32.

Болгарскія пожеланія, или, какъ они называются у болгаръ, „благословія“, входятъ въ колядныя пѣсни, въ величальныя („слави“) и въ лазарницы“. „Благословія“ огромное количество; они разсѣяны по сборникамъ Миладиновыхъ, Качановскаго, Иліева; особенно много собрано ихъ въ вышедшихъ въ печати 12 томахъ Сборника за нар. умотв. Благословія и славы захватили многіе пѣсенные мотивы изъ другихъ народно-поэтическихъ областей, эпоса, апокрифическихъ сказаній, балладъ, лирическихъ семейныхъ пѣсенъ. Благословія различаются по тому, къ кому они обращены; поютъ благословія „на орачь“, „на овчарь“, „на козарь“, „на коняръ“, „на механджія“ (кабатчику), на кошаритѣ“ (пчеловодамъ), „на скорожененъ мужъ“, „на невѣста“, „на младоженецъ первецъ“ (въ первый годъ женитьбы), „на домакиня, която рожда“, даже „на близнета“, „на гайдаря“, —репертуаръ огромный. Болгарскія благословія и славы заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія; мы ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе характерныхъ мотивовъ въ параллель къ сходнымъ малорусскимъ.

Болгарскіе колядовщики въ концѣ пѣсенъ часто указываютъ на цѣль:

Доідохме у нашего домакина
Да го развеселимъ.

(Сборн. за нар. умотв. I, 7)

Од Бога ти много здравье,
Од нас малка веселбица

(Сборн. III, 3).

Въ одной колядкѣ высказывается пожеланіе, чтобы открылось небо и земля и снизошли дожди; сколько на небѣ звѣздъ, столько копенъ тебѣ (ошибочно—здоровья въ домѣ). (Сборн. II, 1). Приведемъ для сравненія съ малорусскими 2 или 3 болгарскихъ колядки съ благословіями, съ приложеніемъ перевода en regard.

На орачь

Хлѣворобу.

Станенине господине,
Орачь оре равно поле,
Воловци му два ангелъе,
Купралъя му струкъ босильокъ.
Весдень оре, Бога моли,
Дай ми, Боже, да се роди
Се пченица се белиа
Да омесим Богу колак

Станенине господине *)
Пахарь пашеть ровное поле
Вмѣсто воловъ у него 2 ангела,
Сохой у него стебель василька
Цѣлый день ореть, Бога просить:
Дай, Боже, чтобы уродилась
Бѣлая пшеница
Господу Богу на хлѣбъ...

*) Окаменѣвшій запѣвъ изъ встанъ ннѣ господине.

На скотовъдецъ.

Станенине господине,
 Добри сме ти госкъе дошли,
 Доборъ сме ти гласъ донели,
 Низъ хубава долна земъа.
 Офци ти се изіагнали,
 Се офчици ваклошатки,
 И овнафци виторошци;
 Кози ти се се искозили
 Се козици виторошки
 И порчевци іаргорошци;
 Кравици се истелили,
 Се кравици белобоски,
 Се воловци еленчовци;
 Кобилки се иждребили,
 Се кобилки левогривки,
 И коньовци патуньокци.
 Станенине господине
 Тебе пеіемъ, домакине.

Въ такомъ сложномъ развитіи у болгаръ выражается малорусская колядочная „худобочка“. Эта колядка идетъ и частями, если поютъ хозяину, имѣющему однѣхъ овецъ или однѣхъ козь.

На кошаритъ.

Станенине господине,
 Лекомъ лети лева чела,
 Лекомъ лети по росица,
 По росица, по травица,
 Та собира млогу благо,
 Та доноси на ножица,
 На ножица по жолтица,
 На главица по паница.

Семейныя благословія и славы съ величаньемъ домохозяина, домохозяйки, дѣтей ихъ также у болгаръ весьма разнообразны и обстоятельно развиты; нѣкоторыя благословія этого рода представляютъ большія пѣсни съ разными вставными эпизодами эпического, апокрифического или повѣствовательнаго происхожденія.

Въ драгоценномъ изслѣдованіи *А. Н. Веселовскаго* о колядкахъ въ 32 т. Сборн. Акад. Н. приведено нѣсколько новогреческихъ и румынскихъ колядокъ съ пожеланіями и одна близкая къ нимъ по содержанию прован-

Владѣльцу скота.

Г. с! хорошіе гости къ тебѣ пришли и добрую вѣсть принесли изъ далекой красивой земли Овцы твои дали ягнятъ, курчавыхъ овечекъ и барашковъ съ завитыми рогами; козы окотились красивыми козочками и круторогими козликами; коровы отелились теличками съ бѣлыми дойками и бычками, похожими на оленей; кобылы дали жеребятъ, кобылицъ съ хорошей гривой и бѣлоногихъ жеребцовъ. Г. с. тебѣ поемъ панъ господарь!

Пчеловоду.

С. г! Легко летитъ пчела по росѣ и по травѣ, да собираетъ она много добра и да принесетъ его на ножкахъ, на ножкѣ по червонцу, на головкѣ по горшку (меда).

сальская пѣсня. Малор. колядочному: „да бувай здоровъ, не самъ собою, зъ отцемъ, зъ матерью, со всимъ родомъ“ отвѣчаетъ румынское: „да будетъ здоровъ съ отцомъ и матерью, съ братьями и сестрами, и со всѣми нами въ этомъ году и на многія лѣта—fiemi sanetosu cu taica, cu maika, cu frati, cu surori, si cu noi su totii, l'anuli, la multi ani“ (271). Въ другой румынской колядкѣ высказывается пожеланіе: „да будутъ у васъ коровы молочны и лѣтомъ хлѣбъ; сколько камней въ колодцѣ, столько крынокъ сливокъ; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ столько ребятъ въ постели“ и пр. (117. Подобно въ осетинской пѣснѣ: „да получить мальчика ваша хозяйка, да убьетъ оленя вашъ хозяинъ“ (440). Въ критской каландѣ находятя пожеланія о приплодѣ скота, близкія къ южнославянскимъ. Подобныя пожеланія обнаруживаются и въ провансальской пѣснѣ—*tout bon ça y entre, fremes enfantan, cabres cabrian, fedes anellan, prou bla et prou farine, de win un plene tine*“ (117).

Въ греческихъ колядкахъ (въ томъ числѣ въ одной перевод. въ сб. Chodzko 1862) въ пожеланіяхъ встрѣчается интересный мотивъ о процвѣтаніи жезла (или палки св. Василія).

Религіозно-мистическій и миѳическій элементы скрываются въ благожеланіяхъ доли, срачи; такое значеніе ярко обнаруживается въ многочисленныхъ сказкахъ о томъ, какъ бѣднякъ разыскивалъ долю, и нашель ее спящей, въ видѣ лѣнливой и грязной женщины; пожеланія доли предполагаютъ другой болѣе благопріятный исходъ, въ родѣ того, какой выражается въ албанскомъ пожеланіи: „да пройдетъ здѣсь Ора и да исполнитъ все это“. Ора—миѳическое существо. Она странствуетъ по землѣ, прислушивается къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ исполняетъ ихъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха (*Аван. Поэт. возвр. I 428*).

Оставляемъ въ сторонѣ многочисленные и обычныя хозяйственныя пожеланія при посѣвѣ, на зажинкахъ, по окончаніи жатвы, при посадкѣ роя въ улей, при покупкѣ лошади или коровы, чтобы фруктовыя деревья приносили плоды, при посѣвѣ маку, при посадкѣ огурцовъ, капусты, моркови и т. д. Значительное число хозяйственныхъ пожеланій собрано въ „Малорусскихъ заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка, стр. 42—58 и въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 85.

Въ числѣ малорусскихъ благожеланій интересно по литературному происхожденію: „хай воно вамъ передъ душечкою стане“ (на томъ свѣтѣ). Пожеланіе это основано на сказаніяхъ того разряда, который былъ отчасти мной изслѣдованъ въ статьѣ о легендахъ о грѣшной матери (Кіев. Стар. 1893).

Проклятія.

Проклятіе такъ же свойственно народамъ, какъ свойственна молитва, и можно сомнѣваться, чтобы существовалъ гдѣ либо народъ безъ молитвъ и проклятій. У народовъ культурныхъ проклятіе получило широкое приложеніе въ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни частной, семейной, общественной. Ветхозавѣтныя книги полны проклятій. Іегова проклинаетъ змѣя, проклинаетъ Каина; патриархи проклинаютъ непослушныхъ сыновей. Уже на первыхъ страницахъ книги Бытія Іегова говоритъ Адаму: „проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ“ (гл. 3). Въ концѣ 108 псалма: „да облечутся оболгающія мя въ срамоту, и одеждутся яко одеждою студомъ своимъ“. Библейскія проклятія не проникли въ русскую народную словесность и не оказали на нее вліянія.

У классическихъ писателей также находится много разнообразныхъ проклятій, и многія изъ нихъ имѣли значеніе установленнаго закона. У грековъ подвергались проклятію измѣнники отечеству, убійцы и оскорбители родителей, кто не указывалъ слѣпому пути, кто высказывался за союзъ съ персами, кто осквернялъ гробницы, нарушители договоровъ. Римляне проклинали враговъ государства и преступниковъ (*devotio, dirae praecationes*) за нарушеніе границъ, за оскорбленіе родителей, за обманъ кліента: „*patronus si carenti fraudem fecerit, sacer est*“; „*qui terminum exarasset et ipsum et boves sacros esse*“ и мн.др. (*Lasautx, Stud. d. klassisch. Alterth. 159—177, Trede III 229—232*). Классическія проклятія не остались безъ вліянія на позднѣйшія славянскія церковныя и свѣтскія проклятія при заключеніи договоровъ.

Проклятія были въ ходу у древнихъ индусовъ и вошли въ Веды (*Липпертъ, Ист. культ. 359*), были въ ходу и у древнихъ скандинавскихъ народовъ, и вошли въ пѣсню о Гельги и Сигрунѣ и др. памятники, напр., въ такихъ выраженіяхъ: „пусть не двинется подъ тобою корабль“, „пусть стойтъ, какъ вкопанный, твой конь“, „пусть мечъ твой обрушится на твою голову“ (Эдда въ изд. Simrock'a).

Въ древней домонгольской Руси клятва и проклятіе были въ большомъ ходу. Договоръ Игоря съ греками (945 г.) былъ скрѣпленъ такими словами: „да не имуть (нарушители мира) помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій“. Въ договорѣ Святослава присяга (въ лѣтописи подъ 971 г.) выражена такъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога... и да будемъ золоти яко золото и своимъ оружіемъ да иссѣчены будемъ“. Что въ эти древнія клятвы

вошелъ національно-славянскій элементъ, видно изъ того, что проклятіе мечомъ встрѣчается и въ малорусскомъ казацкомъ эпосѣ въ сходной формѣ (щобъ ты „ясни мечи порубалы“ въ думахъ про Ивася Коновченка) и въ болгарскихъ пѣсняхъ („що первна сабя махнула, тебе се, сыно, прѣсекла“); еще болѣе обычны въ проклятіяхъ болѣзни, причемъ подъ „залоти“, вѣроятно, разумѣлась желтуха, какъ это уже неоднократно высказывалось въ печати (напр., у Владимірова во „Введеніи“ 124). Пожеланіе рабства въ будущемъ вѣкѣ отвѣчаетъ древнимъ представленіямъ о загробной жизни, какъ продленіи жизни земной.

Любопытный намекъ на проклятія въ „Поученіи Владиміра Мономаха, не дайте пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“.

Въ формальномъ отношеніи проклятія стоятъ въ тѣсной связи съ другими явленіями народной словесности, съ примѣтами, клятвами, договорами, сказками и пѣснями. Относительно пѣсенъ проклятіе большей частью играетъ подчиненную и зависимую роль; оно вводится въ пѣсни, какъ общій приѣмъ расширенія содержанія, иногда безъ тѣсной внутренней связи съ главной мыслью. Другое дѣло клятвы и договоры; съ ними проклятіе сливается органически; клятва—это то же проклятіе, но обращенное на субъекта, на говорящаго; многіе заговоры представляютъ расширенное проклятіе. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются древніе классическіе наговоры-проклятія, собранныя въ книгѣ проф. *И. В. Помяловскаго* „Эпиграфическіе этюды“ (1873 г.) стр. 59. Что у современныхъ народовъ, въ частности у малоруссовъ, излагается въ сжатой формѣ одного сильнаго выраженія, въ 2—3 словахъ, въ классическихъ наговорахъ-проклятіяхъ развито обращеніями къ подземнымъ богамъ и повтореніемъ зложеланій. Такое расширеніе, свидѣтельствующее объ извѣстной искусственности и обдуманности, обусловлено было тѣмъ, что извѣстныя по свинцовымъ досечкамъ наговоры прошли черезъ руки профессиональныхъ мастеровъ.

На идеѣ о силѣ проклятія, въ особенности родительскаго, построено много историческихъ преданій, легендъ и сказокъ, напр. легенды о Каинѣ (*Дикаревъ*, Этнограф. Збир. II 6), сказанія о провалившихся отъ проклятія городахъ (см. мою брошюру на эту тему), сказки о заклятыхъ покойникахъ, заклятыхъ кладахъ и др. По большой популярности проклятія вошли и въ пословицы, и даже въ анекдоты. Таковъ, напр., анекдотъ о вдовѣ, которая высказывала довольство своимъ вдовьимъ положеніемъ въ словахъ: „лягла не клята, встала не мьята“ (*Гринченко* Этн. матер, I 81).

Несомнѣнно, что проклятія часто были связываемы съ опредѣленными традиционными обрядными дѣйствіями. Въ 1 пѣс. о сыновьяхъ Эдипа Ста-

ція (въ 1 в. по Р. Хр.) Эдипъ бьетъ руками землю и громко выкрикиваетъ проклятія, призывая подземныхъ боговъ и фурій (*Trede* III 232).

Макробій сообщаетъ, что римляне, произнося проклятія противъ враждебныхъ городовъ или армій, заканчивали проклятія словами *Tellus mater teque Jupiter obsesco*“, причемъ заклинатель, произнося слово „мать Земля“, прикасался руками къ землѣ, а при словѣ „Юпитеръ“ воздѣвалъ руки къ небу (*Lasaulx*, 174).

У италіанцевъ и нынѣ существуетъ значительный ритуаль проклятія. Проклинающій выбираетъ ночное время, зажигаетъ двѣ свѣчи и громко читаетъ 108 псаломъ, который, какъ извѣстно, заканчивается проклятіемъ. Въ Калабріи мать, проклиная сына, распускаетъ волосы, рветъ на себѣ одежду, становится на колѣни, обращается къ востоку, бьетъ землю руками и выкрикиваетъ громко проклятія (*Trede*, D. Heidenthum in d. göm. Kirche III 229—232).

Обращаясь къ современнымъ малорусскимъ проклятіямъ, мы находимъ лишь словесныя формулы; но за ними, по крайней мѣрѣ за нѣкоторыми формулами, можетъ скрываться ритуаль, опредѣленныя условія дѣйствія. Въ одномъ вариантѣ думы про Ивася Коновченка сохранилось любопытное указаніе на ритуаль проклятія: Мать Коновченка

Слезьмы плакала, рыдала,
До небесъ руки пидіймала.
Свого сына Ивася проклинала... *)

Весьма замѣчательна клятва съ ѣдой земли. Въ сказкахъ волкъ „божится—клянется, землю ѣсть“. Въ одной смоленской сказкѣ жена въ подтвержденіе своихъ словъ [сѣѣдаетъ комъ земли (*Владиміровъ*, Введеніе въ ист. р. слов. 150). Въ малорусскихъ поговоркахъ: „ты землю ивъ—зарикався“ (*Номисъ* 2247), „землю поидалабъ—колыбъ могла“ (ib. 4850), „земли ззыимъ“ (ib. 6747).

Какъ малоруссы смотрятъ на клятву? За исключеніемъ немногихъ случаевъ, когда проклятію придаютъ дѣйствительно весьма важное значеніе (напр. материнскому), у малоруссовъ, повидимому, уже выработалась и окрѣпла мысль о формальномъ значеніи проклятія. На существованіе убѣжденія въ недѣйствительности проклятія указываетъ во первыхъ такое ограниченіе его значенія, какое выражается въ пословицахъ „жиноцька клятьба дурно иде—якъ мимо сухе дерево витерь гуде“, „дурна клятьба объ стину головою“, „Богъ не дытына, щобъ дурнивъ слухаты“, „Богъ не дытына слухаты дурного галатына“, „Якъ бы Богъ слухавъ пастуха, то бъ уся череда выгнула“, такъ какъ пастухъ всегда говоритъ „а щобъ тебе, а бодай тебе!“

*) Встрѣчается и болѣе общій мотивъ: „тогда старенька жена ударится объ поли рука ми“, (*Костомаровъ* Ист. казач. въ пѣс. 55).

(*Номисъ*, Приказки, №№ 4120—4125). Сходное представление выразилось въ польской пословицѣ „gdy komu Bóg błogosławi, przeklenstwi tam nie sprawi“ (*Adalberg*, Księga przysłów, 33).

Что значить *галатынъ*? Слово темное. Галати, галатенъ, галатска встрѣчается въ болгарскихъ пѣсняхъ. Проф. М. С. *Дриновъ* въ ред. на болгарскій словарь Дювернуа, гдѣ слово это истолковано ошибочно, приводитъ такое весьма вѣроятное его объясненіе. Названіе галловъ у позднѣйшихъ грековъ (Γαλάτης) употреблялось въ значеніи колдуна, волхва и т. п. Съ такимъ значеніемъ это слово очень рано путемъ книжнымъ проникло къ болгарамъ. Въ одной старинной рукописи: „въ послѣднѣ лѣта встануть магесницы, обаяницы... галате...“ Слово галатинъ, по объясненію М. С. *Дринова*, означаетъ околдованный. Нужно думать, что такимъ книжнымъ путемъ это слово въ старое время проникло и въ Малороссію; но здѣсь съ нимъ, повидимому, связывалось нѣсколько иное представленіе о придурковатомъ великанѣ (у *Номиса* „галатынъ придурковатый“).

Между проклятіями разныхъ народовъ, близкихъ и дальнихъ по племennому родству и по географическому разстоянію, обнаруживается значительное сходство, иногда прямыя совпаденія, въ зависимости отъ сходной или тождественной точки зрѣнія и общаго психологическаго настроенія.

Малор. и великор. проклятіямъ, чтобы „не было ни дна, ни крыши“ соотвѣтствуетъ въ ново-греческихъ пѣсняхъ проклятіе матери, „чтобы не было гробовой крыши, чтобы не съѣла земля“—„Νά μη σε κοψ η πλάκα. να μη σε φάγη το χωμα“. (*Созоновичъ*, Ленора Бюргера, 138). И въ греческихъ сказкахъ встрѣчается проклятіе: „чтобъ провалилась земля подъ тобой“ (*Hahn* II 100). У болгаръ: „да ти се провали андако“ (*Сборн.* за нар. умотв. VII 215), „да му се урне гроба“ (ib. VI 208), „да го зарине цѣрната земъа“ „ега даде Господи да се не растуре, кога умре“, „земъата да го погѣтне“ (или „претисне“ или „исфѣрле“, т. е. поглотить, задавить, выбросить, ib. 209).

Малор. проклятіе „щобъ тебе перва куля не минула“ вышло изъ пѣсенъ, изъ пѣсенной формулы проклятія матерью сына, по всей вѣроятности, изъ думъ про *Ивася Коновченка*. У болгаръ встрѣчается „пушка да го прениже“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211). Въ художественной болгарской пѣснѣ мать проклиняетъ сына за то, что онъ ушелъ въ разбой:

Синко, стояне, стояне,		Черни чекуръе кумове,
Какъ отишѣлъ, синко, не дошѣлъ!		Черни гарване попове,
Били ти, синко, били ти:		Танка топола невѣста!
Дълги ортоми друмове,		Потера ви потерала
Дребни камъне сватове,		Още пѣрвата недѣля:

Сичка ти дружине се отгървала,
Тебе те, синко, фанжла!
Що първна пушка пукнжла,

Въ тебе се, синко запрѣла!
Що първна сабя махнжула,
Тебе се, синко, прѣсѣкла

(Бол. прѣмелъ 1896 III 54.)

Въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя баба говорить: „чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!“ Гоголь могъ подслушать у народа такое проклятіе. Сходное проклятіе существуетъ въ южной Италиі—„чтобъ душа твоя была сожжена“ (*Trede* III 232).

Малор. проклятію „щобъ тебе роса попоила“ (*Мамж.* въ Сб. X. Ист. Ф. Общ. VI, 195), повидимому, отвѣчаетъ новогреческое „чтобы на тебя капля упала“ (*Hahn* 146). Смысл тонкій; лишь трупы подвергаются дѣйствию росы, дождевой капли.

Малор. проклятію „щобъ вороны кракали“ соотвѣтствуетъ классическая формула проклятія *es хоракас* (лат. *in malam crucem*). Проклятія эти ведутъ начало изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно повѣшенныхъ, оставлялись въ добычу воронамъ (*Тимошенко*, въ Рус. Фил. Вѣст. 1884 III 137). Отсюда же болгар. проклятіе „орлите да го дигнат“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211), „чафки умо да му искжпат“ (*ib.* 212). Такія проклятія вполне отвѣчаютъ той картинѣ, какая находится въ думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ азовской неволи: „орлы сизопери налитали, на кудри наступали, зъ лоба очи выдырали“.

Малор. проклятія съ обращеніемъ къ солнцу, ниже нами приведенныя стоятъ въ психологическомъ родствѣ съ классическими наговорами на убійцъ съ обращеніемъ къ правосудному солнцу открыть ихъ и наказать. Такой наговоръ сохранился на одной надгробной колоннѣ. Проф. Помяловскій, приведши надпись, напоминаетъ рассказъ Тацита о томъ, что по открытіи заговора Пизона Неронъ пошелъ благодарить солнце (*Эпигр. этюды*, 38).

Малор. и великор. проклятіямъ съ онѣмѣньемъ (типунъ тоби на языкъ и др.) соотвѣтствуютъ заговорныя формы: „заклучъ имъ, Господи, моимъ супротивникамъ умъ и языкъ“, что часто встрѣчается и въ классическихъ наговорахъ въ надписяхъ (*nes loqui nes sermonari possit* и пр.) У Сенеки: *quis non, si admoneatur ut cogitet, tamquam dirum omen respuat et in capita inimicorum aut ipsius intempestivi menitoris abire illa iubent* (*Помялов.* *Эпигр. этюды* 149). У современныхъ болгаръ: да онемее; ега занемее; коска у гржкълана да му застане (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 209).

Малор. „щобъ ты и въ старцахъ счастья не мавъ“ (*Ном.* 3683) соотвѣтствуетъ болгарская „Аргатинъ да биде, та ништо да не спечале“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 206).

Малор. „колька на тебе нема“ (*Манжура*) соотвѣтствуетъ болгарская „бодеш да го акне“ (*Сборн. VI, 206*).

Малор. и велик. „чтобъ пусто было“ соотвѣтствуетъ болгарск. „да му опустее името“, „да опустее и оштурее“ (*Сборн. VI, 208*).

Малор.: „щобъ путь погибла“ соотвѣтствуетъ великорус. „не было бѣ тебѣ ни пути, ни дороги“.

Много проклятій общаго свойства, напр. Щобъ тоби на свити добра не було. Щобъ лопнувъ. Щобъ тоби лыхомъ скрутылося. Бодай нагло зслизъ. Нужда бѣ тя побила. Бй тебе Божа сила. Най го злыдни побьютъ. Соби на безголовья. (*Ном. 3655—3785*).

Еще болѣе проклятій съ пожеланіями смерти, болѣзни вообще того или другаго недуга въ частности. Щобъ ты счезъ якъ слына (*Zbior Wiadom. VIII, 245*). Щобъ ты счезъ, якъ собака въ ярмарокъ (*ib. 245*). Бодай же кинецъ вашъ бувъ нудный та гиркій (*Ном. 3710*). Щобъ тебе положили на лаву. Щобъ тебе на марахъ вынесло. Щобъ тебе сыра земля пожерла (*Ном. 3790—3*). Щобъ тебе поховали на разстанни (какъ висѣльника) (*3799*). Щобъ кури загребли (*Ном. 3800*). Хай винъ пидъ плавъ (трясину) пиде (*Манж. во 2 т. Сбор. X. И.-Ф. О., 162*).

Въ проклятїяхъ болѣе всего достается глазамъ, какъ высшему органу чувства: самое распространенное проклятїе: „щобъ тоби повылазило“, „баньки имъ бодай послыпило“; великор. „лопни глаза“. У другихъ народовъ также въ ходу такія проклятїя. У мавровъ Сѣверной Африки говорятъ: „пусть пять (рука) падуть на ваши глаза“ (*Пешель, Народовѣд. 109*). Въ одномъ кабилскомъ сказанїи о займѣ дней старуха говоритъ: пять моихъ пальцевъ въ твой глазъ (*Romania 1889 XVIII, 107*). У болгаръ говорятъ: „бабки да му излезат на очите“, „гарван очите да му извади“, „да окьоровее“ (т. е., да ослѣпнетъ), „да нама очи у главата“, „да му побелеіат и двете очи“ (что бы побѣлѣли глаза отъ бѣльма), „кьораф да киниса“ (чтобъ ходилъ слѣпцомъ) (*Сборн. за нар. умотв. VI, 207—212*).

Щобъ тоби руки покорчило, груди забило, за живить взяло, завійна взяла, ривачка попоризала, срачка на симъ литъ, хиндя поподержала, родымецъ побывъ, причина вдарила.... такъ разнообразятся пожеланія по болѣзни. Сюда примыкають такія проклятїя, какъ „колкы на тебе нема“ „щобъ тебе.... луть (?) турнула, сто болячокъ у печинки, щобъ ты сказывся, особачився, щобъ тебе шугла (горячка) напала, щобъ ты мавъ припадокъ, бодай тебе грець вымывавъ и т. д. (*Ном. 3730 и сл., Zbior III 133, VIII 245*). Въ этихъ проклятїяхъ не мало силы и выразительности, что чувствовали и чѣмъ по своему пользовались выдающїеся писатели, Котляревскій, Гоголь, Квитка; напр. въ „Перелицованной Энеидѣ“ — „завыйныця вкопуть, на голову насяде клопить“ и пр., въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ“ баба осы-

пасть проклятіями встрѣчнаго парня шутника, особенно распространяясь на счетъ его отца.

Въ русскихъ, болгарскихъ и др. проклятіяхъ встрѣчаются разныя болѣзни, какія только извѣстны народу, и въ особенности часто лихорадка „трясца“, съ рѣзкими подчеркиваніями у болгаръ: „три годишна треска да го фане“, „треска да го тресне, како брашнарска врекья (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 212), т. е. чтобы трясло 3 года или такъ, какъ выбиваютъ мучной мѣшокъ.

Проклятія „щобъ тебе *лунь вхопывъ*“ коснулся А. А. Потенія во 2 ч. „Къ исторіи звуковъ“ стр. 7. Проклятіе это встрѣчается въ Энеидѣ Котляревскаго нѣсколько разъ. Потенія давалъ миѳическое толкованіе выраженію „лунь вхопывъ“ (о чемъ см. его книгу. О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ, 98). Я думаю, что проклятіе это можно объяснить проще: щобъ тебе лунь вхопыла—чтобы ты погибъ, чтобы тебя разнесли хищныя птицы. Лунь въ великор. *falco rusticolus*. въ друг. славян. нарѣчіяхъ *vultur*, *milvus*, т. е. коршунъ. Проклятіе съ лунемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ весьма распространеннымъ въ поэзіи разныхъ народовъ мотивомъ, гдѣ смерть героя узнается потому, что воронъ несъ его руку. Пушкинъ передалъ этотъ мотивъ въ шотландской пѣснѣ, взявъ его изъ шотландской народной баллады.

Проклятія по силамъ и явленіямъ вѣдѣній природы: Щобъ ты скризь сонце пройшовъ. Сонце бъ ты чобыло (*Номисъ.* 3665—3666).

Срав. болгар.; „да го не видѣ ни сѣнце, ни месечина“ (*Сборн.* VI 208), въ особенности „месецо да го изеде“ (ib. 210), „сѣнце да го не огрее“ (ib. 211).

Ой щобъ ихъ вихромъ вынесло (*Этногр. Обзор.* 1889 III, 50). Щобъ тебе буря вывернула. Щобъ тебе понесло поверхъ дерева. Щобъ тебе понесло по нетрахъ та по болотахъ (*Ном.* 3668—9). Сравн. болгар. ветрушка да го занесе (*Сборн.* VI, 207). Хай его побье те що въ хмари гуде (*Ном.* 3773). Хай его пале небесна сыла зъ усихъ 4 сторонъ (*Манжура*, въ Сбор. X. И.-Ф. О. VI, 194). Срав. италіанское проклятіе: убей тебя молнія (*Trede* III, 229). По ирландскому повѣрью выговоренное проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ пасть на того, противъ котораго произнесено (*Аван.*, Поэт. возр. I, 428).

Въ проклятіяхъ отразились кое-какія суевѣрія и сказанія, напр.: „Щобъ ты на осыни повисывсь“ (изъ апокрифовъ объ Іудѣ). „Щобъ на тебе образи падали“ (*Ном.* 3685). Паденіе иконы, по народнымъ повѣрьямъ, знаменуетъ несчастье. Предполагается, что такой человекъ, котораго не будутъ выносить иконы, вѣмъ опротивѣтъ и погибнетъ. Такое проклятіе можетъ быть скорѣе всего относимо людьми обиженными къ притѣснителямъ.

Въ проклятіяхъ сохранились черты древнихъ религіозно-миѳическихъ представленій, напр. Побій тебе лыха годына (*Ном.* 3748). Срав. въ

Словѣ о Полку Игоревѣ—невеселая година встала. Щобъ тебе Чорный Богъ убывъ (Ном. 3471). Щобъ на тебе Дивъ пришовъ (Ном., 3743, Zbior III 90) Побыла бъ тебе морока (Ном. 3472). Бодай тебе Перунъ забывъ теменькой ночи (Чубинскій V 1092). Дивъ въ малорусскомъ проклятіи напоминаетъ Дива Слова о Полку Игоревѣ.

Особенно часто въ проклятіяхъ встрѣчаются черти, напр., извѣстное зложеланіе „чортъ тебя побери“ или съ распространеніемъ на отца и мать, чтобы черти ихъ мучили, или съ усиленіемъ: „чортъ бы тебе спикъ“, „стонадцять чортывъ“ или описательно: „хай визьмутъ ти, що трусять очеретами“ (Ном. 3750—3769). Подобно у болгаръ: „гьяволо да го расчепе на триста парчинья“ (Сборн. VI, 207). *).

Любопытны проклятія съ мѣстными историческими намеками, напр. Бодай тебе не минула Вересоцька гребля (Ном. 3674). Щобъ тебе понесло на Щокотинъ слидъ (волки съѣли богатаго козака Щокота, Ном. 13628). А щобъ попавъ на Серпяжинъ шляхъ (Ном. 13624). Номисъ дѣлаетъ замѣтку „биля Канева“. Трусевичъ въ „Kwiatu“ (стр. 138) приводитъ мнѣніе Изопольскаго, что дорога получила названіе отъ имени казацкаго гетмана Серпяги—Подковы. Должно быть она считалась опасной отъ разбоевъ.

Во многія проклятія вошелъ „катъ“—палачъ: Бодай катъ споровъ. Щобъ тебе катъ попобывъ. Щобъ тебе катъ сиконувъ передъ великими викнами. Щобъ тебе не минули кативськи руки. Бодай ты диждавъ *передъ великими викнами стояты* (по сравненію съ предыдущими проклятіями видно, что подразумѣваются плети на городской площади) (Ном. 3686—3692). Темная память о катѣ сохранилась во многихъ малорусскихъ поговоркахъ и выраженіяхъ. У Г. Квитки: „худобы и грошей до ката“ (съ отбѣнкомъ вражды и презрѣнія... „катъ ихъ беры“, „катъ его зна“, „катъ-ма“ (отрипаніе съ досадой). Въ западно-европейской искусственной литературѣ неоднократно обнаруживалась болѣзненная попытка идеализировать палача. Простое и здоровое художественное чувство народа съ отвращеніемъ относится къ профессіи палача.

Интересно зложеланіе потери общественнаго уваженія: Бодай ихъ миръ не знавъ. А щобъ тебе люде не знали (Номисъ, 3661—2). Слава бъ тоби пропала (ib. 3680).

Малороссы не даромъ сльвуть юмористами. Легкая насмѣшка, шутка проникла у нихъ даже въ проклятія, чего, кажется, нѣтъ у другихъ народовъ: щобъ тоби пишь прыснывся; щобъ тоби вику якъ у козы хвистъ (Ном. 13623—4); щобъ тоби п. с—ку вылизавъ; побій тебе кацюба и че-

---

*) Въ связи съ проклятіями этого разряда стоятъ сказки о заклятыхъ дѣтяхъ, унеченныхъ нечистой силой (см. Аван. Поэт. возр. I, 430).

снѣй макогинѣ (*Zbior* VIII, 245); ой щобъ волю живы булы, а плугъ по-
ломався (*Чубин.* III 167).

Большимъ недоброжелательствомъ отличаются слѣдующія проклятїя
на дѣвицъ: Щобъ ты пидъ царскїй винець не пидишла (*Ном.* 3683)—злое
пожеланїе по адресу дѣвушки. Бїй тебе дивоцьке несчастьє (*Zbior wiadom*
VIII 245). Подобнаго рода проклятїе встрѣчается у грузинъ въ пространной
формѣ въ видѣ заговора—„чтобы она не надѣла свѣтлаго вѣнчальнаго
платья“ (*Сборн. матер. д. изуч. Кавк.* VIII, 302); у болгаръ: „да не дочака
да цалива зелени венци“ (*Сборн.* VI 207).

Много сильныхъ проклятїй падаетъ на душу и загробную жизнь:
щобъ тебе земля не приняла; щобъ пидъ тобой земля тряслась; щобъ ты
на Страшный судъ не вставъ; щобъ ему ни дна, ни покрышки; щобъ пидъ
нимъ земля горѣла на косовой сажень (*Ном.* 3775 и сл.). Хай ему дро-
бына снытця (*Манжура*, въ *Сборн. И. Ф. О.* II 162). Манжура поясняетъ
последнее проклятїе: злое пожеланїе умершему: дробына—всякая нечисть—
змѣи, жабы и пр. Сходныя болгарскїя проклятїя: бес поп да го закопат;
волове гробо да му изрнат; гуштери (ящерицы) да му лазать по гробо;
капка вода да му се не наїде на онаї свет: на раскрѣсница (перекресткѣ) да
го закопат (*Сборн. за нар. умотв.* VI 206—212).

Въ особенности интересны проклятїя, чтобы земля не держала, такъ
какъ въ связи съ ними стоитъ много старинныхъ и современныхъ легендъ
о томъ, какъ земля не принимала проклятаго, о чемъ подр. см. *Н. Сумцова*
„Къ библиогр. легендъ“ въ IX т. *Сборн. X. И. Ф. Общ., Крымскаго* въ Кїев.
Стар. 1896 окт. и *Иванова* въ *Этн. Об.* 1889 III.

У малоруссовъ много проклятїй на мать и отца, которыя въ Мало-
россїи служатъ замѣной великорусскихъ матерныхъ ругательствъ.

Нехай ему вырве маму. Сто чортивъ твой мамѣ. Трясця его мамѣ
(*Zbior wiadom.* VIII 245). Маму бѣ твою мордувало (на коня). Хороба твоей
матери (*Zbior* III 133). Кадукъ твой матери (*Ном.* 3765). Эти же прокля-
тїя въ одинаковой степени распространяются и на отца, напр.: рви его
батька (*Ном.* 3761). Встрѣчаются матерныя проклятїя и у болгаръ, но
рѣдко, напр. „маїкѣ, маїкѣ, мажлецо да ѣа затне“ (*Сбор.* VI 210); у ита-
лианцевъ: „чтобъ собаки съѣли душу твоей матери“ (*Trede* III 229).

Въ ряду проклятїй выдаются проклятїя родительскїя; народная молва
приписываетъ имъ чрезвычайно важное значенїе. Существуетъ много раз-
сказовъ о силѣ родительскаго проклятїя. Въ новѣйшее время на эти раз-
сказы обратили вниманїе этнографы. Такъ, *П. В. Ивановъ* въ III кн. *Этно-*
граф. Обзорѣнїя 1889 года напечаталъ 11 рассказовъ о силѣ родительскаго
проклятїя, записанныхъ въ Купянскомъ у. Харьк. губ. Въ 3 кн. „Болгар-
скаго Прегледа“ *А. П. Стоиловъ* напечаталъ 19 болгарскихъ рассказовъ и

пѣсенъ о родительскомъ проклятіи. Какъ г. Ивановъ, такъ и г. Стоиловъ оговариваютъ, что сборники ихъ представляютъ лишь небольшую часть вращающихся на эту тему рассказовъ („скромень трудець“). Особенно основательна эта оговорка относительно сборника г. Иванова, гдѣ совсѣмъ нѣтъ малорусскихъ пѣсенъ на тему проклятія. Подобнаго рода пѣсни разбросаны по сборникамъ Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова.

Важное значеніе родительскаго проклятія отчетливо выражено въ малор. и болгар. пословицахъ: „Батькова та матерына молитва зо дна моря рятуе, а проклѣны въ калужѣ топлятъ“, „майчина клетва се стига“, „майчина и бащина клетва исушава“, „майчина клетва на сухо не пада“. И въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ самая тяжкая клетва материнская.

Рассказы, приведенные г. Ивановымъ, сообщаютъ о томъ, какъ дочь отъ материнскаго проклятія обратилась въ тополь, какъ сынъ, проклятый отцомъ, вскорѣ умеръ; нѣсколько рассказовъ на тему, какъ сына или дочь, умершихъ подъ родительскимъ проклятіемъ, не принимала земля, какъ гробы выходили изъ земли. Въ одномъ рассказѣ проклятый сынъ обращается въ вовкулаку. Въ двухъ рассказахъ онъ носится вихремъ. Любопытно, что и родителямъ проклятіе не обходится даромъ; они начинаютъ тосковать, мучимые угрызениями совѣсти, чахнуть и вскорѣ умираютъ.

Н. А. Янчукъ въ примѣчаніи къ статьѣ г. Иванова сближаетъ малор. сказанія о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставило изъ земли руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга была воткнута въ землю и выросла въ большое дерево; сказаніе это приурочено къ плакучей березѣ подѣ Грыжиной въ Познани. Интересная статья г. *Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Сказаніе это, вѣроятно, проникло къ полякамъ изъ Германіи, гдѣ оно весьма популярно (*Liebrecht, Zur Volkskunde* 343, *Krause, Zeitschr. Ethnol.* 1883 стр. 83, *Decke, Lübische Sagen* § 153).

Родительское проклятіе проникло во многія сказанія о превращеніяхъ. Такъ, въ Малороссіи записанъ рассказъ, что одна женщина бросила въ воду родное дитя, съ словами „да будешь ты два года ракомъ“, и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ (*Чубинскій* I 224). Въ Смоленской губ. записана сказка о томъ, какъ сынъ и дочь были прокляты матерью за потерю ключей, причемъ сынъ обратился въ соловья, а дочь въ кукушку (*Добровольскій* Смол. этногр. сб. I № 39). Въ словинской пѣснѣ мать, разсердившись на дочь, сказала, „чтобъ тебя водяной взялъ“, и за дѣвушкой пришелъ водяной. Существуютъ сходныя чешскія и моравскія пѣсни (*Перетцъ, Современ. рус. пѣсня*, 28; здѣсь указаны сборники Эрбена, Сушила и

др.) Въ болгарской пѣснѣ сынъ и дочь, проклятые отцомъ, превращаются въ птицъ (*Болгар. Прыгледъ* 1896 III 53). О проклятїи и благословенїи травы или дерева см. *А. Веселовскаго* въ 32 т. Сборн. Ак. Наукъ, стран. 457—458.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ родительское проклятїе иногда имѣеть значенїе формальное. Отъ частнаго употребленїа оно стало риторической фигурой; такъ было и у древнихъ народовъ. Уже Цицеронъ пользовался имъ, какъ риторическимъ приѣмомъ. Какъ риторическая фигура, проклятїе въ особенности укоренилось въ сербскомъ эпосѣ, напр.

1) Али Марко вили одговора Бјела вило, грло те болјело!.... 2) Удри, Груйо, усала ти рука!.... 3) Одкуд книга? Огнемъ изгорела!...	4) Мучи шчери, дуго једна била!.... 5) Любила га межу очи гуја, А црна га земла загрлила!.... 6) Кам му кони? по клали ихъ вуци!.. (<i>Zima, Figure u narod. pjesn.</i> 140).

Такъ, формальный характеръ материнское проклятїе, имѣеть въ слѣдующей пѣснѣ:

<p>Выряжала стара маты Свого сына въ новобранци. Ой якъ выряжила та все проклинала А гирькими словами.</p>	<p>Ой не прокльнай стара матусенько Гирькими словами; Завтра ты вмѣнешься слезами. (<i>Полит. пѣсни, I</i> 31).</p>
--	---

Пѣсня очевидно построена на томъ положенїи, что проклятїе наказуется и самъ проклинаящїй пострадаетъ. Мать въ этой пѣснѣ, какъ во многихъ другихъ, выступаетъ въ непривлекательномъ видѣ.

Въ большинствѣ случаевъ родительское проклятїе въ малорусскихъ пѣсняхъ имѣеть живое бытовое и литературное значенїе, что выражается въ значительномъ разнообразїи данныхъ его выраженїй.

Въ думѣ о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ мать:

Сынивъ своихъ клене—проклинае:
Бодай же васъ, сыны мои, бедни вдовыченьки, у поли
Побыло разомъ три недѣли:
Щобъ васъ перва доля побыла—
Щобъ Богъ хлиба не вродывъ;
А друга доля щобъ побыла—
Щобъ не стали васъ люде знаты,
Добрымъ словомъ поклыкаты;
Третья доля щобъ побыла—
Щобъ вы въ свой домишци на промешканни
Щастя и доли не малы (*Кумис, Зап. о Юж. Р. I, 26*).

Въ разныхъ малорусскихъ сборникахъ встрѣчается пѣсня „Десь ты мене маты въ барвинку купала“, гдѣ дѣвица свое горькое жительство объясняетъ тѣмъ, что мать проклинала ее въ дѣтствѣ и въ то время, когда собиралась ее купать, и на жатвѣ, и ночью, колыхая колыбель. Въ этой прекрасной пѣснѣ и для матери дано нѣкоторое извиненіе въ трудности ея жизни.

Въ думѣ про Коновченка мать проклиняетъ сына за самовольный уходъ въ походъ:

Бодай, мій сыну, слезы на тебе упали,
Бодай воны тебе на третей стрѣльбѣ спотыкали!...

въ вар.: Бодай ты и туды дійшло,

И выдты не пришло!

Щобъ тебе, перва куля не миновала,
У першій війсковій потреби спиткала.

(Костомар. Ист. казач. въ лѣс. I, 55).

въ вар.: Бодай же ты, сыну,

Бодай ты, сыну три недоли спиткало!

Одна недоля, щобъ ты козаки не злюбили,

Та и до своего куреня щобъ не пріймали;

Друга недоля, бы ты ясни мечи порубали,

Третья недоля, щобъ ты кули пострѣляли. (Голован. I, 10).

И тутъ мать потомъ горько раскаевается:

Бѣдна, побѣдна моя голова вдовына,

Що я своего сына ругала проклинала,

Счастье—долю его козацьку потеряла!

Два дни своего сына клене-проклинае,

На третій день подумаетъ, погадае,

Руки до Бога здіймае,

Господа съ небесъ благае:

„Дай мени, Господи, си слова передъ собою маты,

А своего сына Ивася вдовыченка хочъ разъ у вичи повидаты!

Проклятіе отцовское и проклятіе материнское встрѣчается во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ (Стоиловъ, въ Болг. Прѣгл. 1899 III), безъ раскаянія родителей, у сербовъ, чеховъ и др. славянъ (Перетцъ, 28).

Проклятіе сына матерью встрѣчается въ западно-европейскихъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной старинной шотландской балладѣ братъ нечаянно убить братомъ и смерть свою онъ объясняетъ тѣмъ, что мать пожелала ему, когда онъ уходилъ изъ дому, не вернуться болѣе (Child, The english and scot. ballads II № 49). И въ другихъ старинныхъ англійскихъ и шотландскихъ балладахъ встрѣчается родительское проклятіе (Child II № 42, IV № 91).

Въ южной Италиі циркулируетъ сказка о Николаѣ Рыбѣ, погибшемъ въ пучинѣ морской отъ проклятiя матери, сказавшей, „чтобъ ты утонулъ“. Сказка эта хорошо извѣстна въ переработкѣ Шиллера (баллада „Кубокъ“); но Шиллеръ пользовался тѣмъ вариантомъ, гдѣ вмѣсто проклятiя выдвигутъ былъ другой мотивъ—корыстолюбiе (*Trede*, III 229).

У шведовъ существуетъ повѣрье, что дѣтей, проклятыхъ родителями, беретъ чортъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ проклятый ребенокъ обращается въ ворона. По стариннымъ нѣмецкимъ повѣрьямъ, дьяволъ бралъ дѣтей, проклятыхъ матерями. Оттого и въ „Мессинской невѣстѣ“ великій нѣмецкій поэтъ сказалъ:

Eine Mutter kann des eignen Busens Kind,
Das sie mit Schmerz geboren, nicht verfluchen,
Nicht hört der Himmel solche sündige
Gebete; schwer von Thränen fallen sie
Zürück von seinem leuchtenden Gewölbe (цит. у *Liebrecht'a* въ
Des Gervasius „*Otia Imperialia*“ 139).

Такая нравственная тенденція полно развита въ малорусской народной словесности.

Сказанiя о родительскомъ проклятiи, большей частью въ связи съ представлениемъ о неизбѣжности наказанiя, господствовали и въ классической древности. Кроносъ проклялъ своего сына Зевса, Аминторъ Феникса, Пелопсъ Лая, Эдипъ проклялъ двухъ своихъ сыновей Этеокла и Полиника, Тезей Гипполита. Платонъ говоритъ, что ничто такъ не помогаетъ людямъ, какъ благословенiе родителей, и нѣтъ ничего пагубнѣе родительскаго проклятiя, которое боги никогда не оставляютъ безъ исполненiя. Бл. Августинъ, какъ очевидецъ говоритъ, что 7 сыновей и 3 дочери, по смерти отца дурно обошедшіеся съ матерью и проклятые ею, впали въ тяжкую болѣзнь, отъ которой двое (Павель и Палладiя) исцѣлились лишь послѣ того, какъ помолились у гроба мученика Стефана (*Lasaulx, Studien*, 165).

Въ думѣ про козацкую жизнь козакъ уходитъ въ походъ и оставляетъ въ бѣдно йдомашней обстановкѣ молодую жену. Жена прокликаетъ:

Щобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Щобъ ты козакивъ не нагнавъ,
Щобъ тебе козаки не злюбили,
И атаманомъ не постановили.

Жена прокликаетъ съ расчетомъ, чтобы мужъ ея скорѣе воротился. Здѣсь проклятiе представляется лишь искусственнымъ поэтическимъ приемомъ.

Козакъ на коня сѣдае,
Жиночу клятбу канчукомъ одбивае...

„Клятва“ эта все таки не осталась безъ послѣдствій. Козакъ воротился черезъ четыре недѣли, нужно думать, не догнавъ козаковъ или былъ ими не взятъ (*Киев. Стар.* 1884 XII 641).

Въ думахъ встрѣчается проклятіе моря матерью.

Кляла парица, вельможна пани,

Черное море проклинала:

Бодай же ты море не процвѣтало,

Вичными часы высыхало,

Що мого сына едынычка,

Едынычка у себе взяло... (*Ант. и Драг.* I 245, *Голов.* I 3).

Въ невольничьихъ думахъ козаки проклинали турецкую землю—вѣру бусурманскую (*Ант. и Драг.* I, 89), безъ указаній на формы проклятія. Въ думѣ про взятіе Варны турки проклинали рѣчку, чтобы она усохла (*Голов.* I 4). Въ пѣснѣ о смерти козака:

Козакъ долину Кодыну трома клятьбама проклинае;

Бодай ты, долино Кодыно, мхами, болотами западала

Щобъ у весну Божью никола не зоряла, не позоряла...

(*Костом.* Ист. казач. 103).

Въ Малороссіи есть своеобразный отдѣлъ сказаній о проклятіяхъ—*заклятія на клады*. Существуетъ повѣрье, что клады зарыты съ проклятіями. Въ какихъ словахъ выражались проклятія—объ этомъ большею частью не говорится; извѣстно только, что одни клады заклипались на опредѣленное время, другіе навсегда, или, какъ говорятъ крестьяне, „поки свита и сонця“. Кромѣ того, разбойники, заклиная клады, какъ видно изъ нѣкоторыхъ рассказовъ, накликали болѣзнь или какое-либо другое несчастье на тѣхъ, кто возьметъ кладъ. Въ одной мѣстности Купянск. у. Харьк. губ. записана такая подробность: „Якъ зарывають гроши, або якъ пускають у воду, то заклипають ихъ: будь вы трижды прокляти, прокляти, прокляти. Кто ци гроши визьме, той и самъ проклятый, тому голова долой!“ Когда кончается срокъ закліятія, шкарбъ выходитъ на поверхность, принимая иногда видъ пѣтуха или въ видѣ старика. Любопытно одно малорусское сказаніе изъ того же Купянскаго уѣзда, что люди стараго времени зарывали клады при свидѣтеляхъ и клали въ ямку доску, на которой была написана крейдою закліята молитва (*Ивановъ*, въ Харьк. Сборн. 1890, 6—8). Послѣдняя подробность о доскѣ съ закліятемъ напоминаетъ тѣ свинцовыя досочки съ закліятіями, которыя у древнихъ грековъ и римлянъ были закапываемы въ землю; находили ихъ и въ водяныхъ источникахъ. Не удержалось ли въ малорусскомъ сказаніи воспоминаніе о дѣйствительномъ бытовомъ явленіи старой славянщины?

Проклятіе играло важную роль въ старинной Малороссіи при заключеніи актовъ, договоровъ, духовныхъ завѣщаній. Весьма любопытнымъ ма-

теріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или „духовниці“, помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ „духовницахъ“ находится цѣлѣе перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. „Духовниці“ интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. „Духовниці“ начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. „А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаячи сей моей остатней воли testamentъ, въ таковой способъ оный обваровую: да будетъ проклятъ анаеема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушить и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнуть его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія а въ будущемъ пекельная, да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитетца оный нарушити“...

Юридическія заклинанія были въ древности въ большомъ ходу, и малороссы несомнѣнно заимствовали ихъ изъ старинной письменности.

Въ румынскихъ грамотахъ XV и XVI ст. на славянскомъ языкѣ, изданныхъ въ IX т. Сборника за нар. умовъ., заклятіе встрѣчается часто. На длинномъ протяженіи почти двухъ вѣковъ повторяется одна и таже заклинательная формула. Въ грамотѣ воеводы Мирчи 1409 г. заклятіе изложено такъ: „аще ли разорит и расипет, а не утвердит и не съхранит сія вышеписанных, то таковаго Богъ да разорит и да убіет и въ сій вѣк и въ бѣдѣщи, и оучжстіе да иматъ съ Іоудж и съ Ариж и съ онѣми рекшіими Іудее, еже рекоша на Христа Спаса нашего, крѣвъ его на нихъ и на чждахъ их...“

Обычай прибѣгать къ заклятіямъ бытовалъ въ Византіи. Дарственные записи монастырямъ снабжались самыми страшными проклятіями, что, однако, мало мѣшало нарушенію ихъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892 XII 400).

Изъ древней лѣтописи видно, что русскіе еще до принятія христіанства заключали клятвенные договоры. Извѣстное выраженіе „да будемъ золоти яко золото „любопытный памятникъ древней клятвы.

Какъ славянскій, такъ и византійскій обычай клятвенныхъ договоровъ восходитъ къ классической древности. Въ греческихъ клятвенныхъ договорахъ часто встрѣчается такое выраженіе: *Εἰ σε τὰς ἡ κατεχοῦμι, τοὺς θεοὺς τοὺς ὄμοσα, Ἐρμῆας ἡμεν πάντας τε καὶ πασας, καὶ κακιστῶ ὀλεθρῶ ἐξολλοῦσαι αὐτὸς τε καὶ χρεῖα τὰμα καὶ μενε μοι γὰρ καρπὸν φερεῖν* (*Цомал. Эпиграф.*

этыды, 144).*) У древнихъ клятвами скрѣпляли союзные государственные договоры и частныя соглашенія, съ проклятіями противъ нарушителей. Иногда проклятія вырѣзывали на столбахъ и ставили ихъ на площадяхъ вблизи храма. Ганибалъ Карфагенскій и Филиппъ Македонскій союзный договоръ скрѣпили клятвами—карфагеняне передъ своими богами, греки передъ своими (*Lasaulx Stud. d. klassisch. Altert. 191*), любопытный историческій прототипъ позднѣйшихъ клятвенныхъ договоровъ грековъ съ руссами.

Въ Малороссіи стараго времени, въ особенности въ XVII в., широко практиковался заимствованный малоруссами со стороны церковный обычай анаѣематствованія. Православные проклинали уніатовъ, напр., на Брестскомъ соборѣ 1596 г., въ недѣлю православія въ 1629 г.; уніаты громили православныхъ. Любопытное описаніе внѣшней обрядности стариннаго малорусскаго анаѣематствованія дано въ актахъ объ анаѣематствованіи злополучной Апологіи Смотрицкаго на кievскомъ соборѣ 1628 г. Въ праздникъ Успенія пресв. Богородицы, во время литургіи послѣ прочтенія евангелія, духовные съ митр. Петромъ Могилой во главѣ вышли изъ алтаря и стали вокругъ амвона. Петръ Могила раздалъ епископамъ по свѣчѣ и по листу Апологіи. Послѣ отреченія Мелетія Смотрицкаго отъ Апологіи, книжка была торжественно проклята; листы брошены подъ ноги; ихъ топтали и жгли. Процессія закончилась тѣмъ, что владыки погасили свѣчи, находившіяся въ ихъ рукахъ (подроб. см. въ соч. *Голубева, Петръ Могила, 197—200*).

Подобные обычаи и нынѣ держатся въ кое-какихъ мѣстностяхъ христіанскаго міра. Грузины (Кутаисской губ.) и гурійцы проклятіе и нынѣ связываютъ съ церковью, при случаѣ воровства. Потерявъ корову или лошадь, грузинъ идетъ въ церковь и съ разрѣшенія священника, а иногда и безъ вѣдома послѣдняго, произноситъ проклятіе на похитившаго. Проклятіе это, по вѣрованію народа, весьма часто исполняется на самомъ виновномъ, а можетъ разразиться на его внука или правнука. Причиной болѣзни и всякаго несчастія считается или дурной глазъ или проклятіе (*Сборн. матер. X 110*). Гурійцы продѣлываютъ проклятіе такимъ образомъ: пострадавшій беретъ образъ главнаго мѣстнаго святого, обращается лицомъ къ востоку, становится на колѣни и проситъ о наказаніи вора; при этомъ, опуская образъ ницъ, говоритъ: „св. (имя рекъ) такъ опрокинь, разруши все его состояніе“ (*Сборн. матер. XVIII, 107*).

---

*) т. е. „если я этого не сдержу, то пусть всѣ боги и богини, которыми я полагался, разгнѣваются на меня, и пусть я погибну ужасной гибелью и мое имущество также, и пусть земля не дастъ мнѣ плодовъ.“

Принимая во вниманіе, что у классическихъ народовъ было весьма распространено обыкновеніе заклинать вора (см. *Помяловскаго*, Эпиграф. этюды, 26 и сл.), можно думать, что грузины въ старое время позаимствовали у классическаго міра обычай заклинанія воровъ.

На существованіе обычая, подобнаго вышеописаннымъ грузинскимъ, у великоруссовъ указываютъ такія изрѣченія, какъ „поднять икону“, „потянуть руки до Бога“, т. е. снимать икону при клятвѣ (*Даль*, 718).

Digitized by Google

Проф. Н. Сумцов.

СТАРІ ЗРАЗКИ

УКРАЇНСЬКОЇ

НАРОДНОЇ СЛОВЕСНОСТІ

ХАРЬКІВ.

Друкарня „Печатне Діло“, Конторська, Клещовській, № 3.
1910.

27233.61.5

Grant Fund

Старі зразки української народної словесності.

Найстаріша звістка про руську пісню йде од арабського письменника X віка Ібн-Фоцлана. Він бачив, як ховали якогось заможного чоловіка. Дівчина, його рабиня, повинна була теж умерти, щоб піти з ним на той світ. Вона щодня пияла мед і співала, а в день самої смерти її підняли на високий човен, на якому лежав небіжчик; дали їй келих горілки, вона заспівала і ~~випила~~ ~~випила~~. Фоцланові пояснили, що це вона попрощалась з своїми подругами і приготувилась вмирати. Далі їй дали другу кружку вина, і вона заспівала останню довгу пісню ¹⁾. Нажаль, Ібн-Фоцлан нічого не каже про зміст пісень. Очевидно, пісні були похоронні, на кшталт пізніших причитаннів по мертвих.

На похоронні плачі натакають де-які причитання в Слові о Полку Игоря, напр., «жены рускыя въсплакашася аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати». Майже одночасно в літописі під 1078 р. князь Ярополк так жалкує по своєму помершому батькові: «отче, отче мой! что еси пожил безъ печали въ свѣтѣ семь» ²⁾. Під 1085 р. в літописі є плач Гліба по братові Борисові, з яскравими рисами народного плачу по братові: «Увы, мнѣ, Господи! лучше бы мы умрети съ братомъ, неже жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою; нынѣ же что ради остахъ азъ одинъ? гдѣ суть словеса твоя, яже глагола ко мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже неуслышу тихаго твоего наказанья» ³⁾...

В листі кн. Володиміра Мономаха до Олега Святославича є коротенька, але дуже цінна вказівка на весільні пісні. Почувши, що Олег вбив його сина Ізяслава, Володимір просив Олега вернути йому жінку небіжчика: «да быхъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхи

¹⁾ *Ждановъ*, Рус. повѣ. въ домонг. эпоху, въ Киевск. Унив. Изв. 1879, V, 294.

²⁾ *Ждановъ*, 297.

³⁾ *Лаурент. Лѣтон.*, изд. 1872, стр. 133.

своя». І тут же Володимир додає в чисто народнім дусі, що виплакав своє горе, бідна вдова «сядеть ако горлица на сусѣ дровѣ желѣючи»¹⁾.

В старих пам'ятниках, найбільш в церковних уставах і правилах XI і XII ст., часто згадуються «волхвованія», «чародѣянія», «вѣдовство», «потвори», «бѣсовское пѣніе», і треба признати, що старі духовні тут, мабуть, мали на увазі замови і намови, які безперечно вже існують на Русі-Україні снокон-віку, бо замови зустрічаються у всіх старих народів; без них в давни часи люде не могли обходитись. Замови мали в житті велику вагу і їми користувались в болістях, на війні, пахаючи поле, на родинах, на весіллі, у всіх важних обставинах життя.

В Несторовім житті св. Феодосія є цінна вказівка, як київські князі кохались в піснях у себе дома. Коли Феодосій раз якось зайшов до князя в світлицю, то побачив «многя играючи прѣдъ нимъ, овы гоусельныя гласы испоущающе, другя же орѣганныя гласы поюще, и инѣмъ замарныя пискы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычаи есть прѣдъ князьмъ». Тут все цікаво, найбільше те, що такий був вже звичай, що так робилось завжди, і тут перелічуються гласи гусельні, органні і замарні, інакше сказати, грали на гуслях, на органах і співали якісь-то заморські, чужоземні пісні.

В великоруських билинах про Добриню збереглись давні риси піснотворчества, дуже нагадуючи про те, що бачив колись Феодосій в княжескій світлиці. Добриня на бенкеті

..... началъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другую отъ Царя-Града
І третью з Еросолима,
Танцы онъ повель то велики,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря²⁾.

Легко бачити, що ці «припѣвки изъ-за синя моря» дуже нагадують Феодосієві замарні пісні, а також чудовні струни «отъ Кіева» нагадують старі гусельні гласи.

В старовину велике значіння мали поважні історичні і величальні пісні, в яких прославляли князів за їх сміливі походи на ворогів, за прихильність до своїх людей, за їх хліб-сіль. Такі пісні в XI віці вже співали храброму кн. Мстиславу († 1036 р.), старому кн. Ярославу († 1054 р.), красному Роману Святославовичу († 1079 р.), співали їх

¹⁾ *Лаурент. Литоп.*, вид. 1872, 244.

²⁾ *Рыбниковъ, Пѣсни*, II, 31.

на широкий лад, з різними вимислами, з приказками, наприклад, «тажко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу без голови», мабуть в тім значінні, що князь і народ повинні йти поруч.

Вславляючи князів так пісні і звались мабуть славою. Вони кінчались так, як закінчено Слово о Полку Игоря XII віка — «Слава Игорю Святославличу, буй-туру Всеволоду, Владіміру Игоревичу, здрави нязи и дружина », або як в XVI і XVII віках кінчали козацькі думи:

Слава не вмере, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, люду царського,
Народу христіанського,
Війська запорожського
На многія літа
До кінця віка ¹⁾.

Старі літописи мають багато історичних оповіданнів і баєк про давні часи, про походи на греків і хазар, про свари і бійки князів. Шановні вчені Сухомлинов, Костомаров, Бестужев-Рюмін Маркевич, Шахматов зібрали і упорядкували їх досить гарно, з дослідями, які з пісень та казок було зложено ченцями, які дружиною. Дружинні сказання переходили до народа і лунали по городах і селах. Де котрі історичні оповідання були мабуть сперш піснями, приміром, як хазари почали було брать з полян дань і злякались, що вони дали дань мечами гострими на обидва боки. Такі данники, сказала хазарська старшина, і з нас будуть згодом брати податки. Може піснею було і те оповідання старої літописи, як греки хотіли обійти князя Святослава подарунками. Багато усяких казок ходило про князя Олега і княгиню Ольгу. Значна частина їх ввійшла в літописи XII віка. Ці легенди здебільша, мабуть, зайшли на Русь-Україну в X і XI віках з варягами і на Русі були перероблені ²⁾.

Бестужев-Рюмін, розглядаючи джерела літописи XII віку, теж думав, що иньші предання літописець здобув в письменних записях, а иньші знайшов в піснях. Як каже Б.-Р., оповідання про герць Мстислава з Редедю має риси епічного твору. Після оповідання про смерть кн.

¹⁾ Антонович и Драгомановъ, Ист. пѣс. I, 113 и др.

²⁾ Костомаровъ, Монографія, XIII, 44, 126 и др. Сухомлиновъ в, «Основи» 1861, VI, 63 и др.

Романа додано, що «суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Свято-славля, внука Ярославля»; слова ці бушім жатакують на ті пісні, котрі малюють, як дощ мочє в степу козацькі кістки. Дуже цікаво те місце в літописі Іпат'євського списку, де виступа співець Орь, котрий йде з Диного воля на далекий Кавказ, щоб відтіль завернуть до дому половецького князя. Коли той не слухав ёго, Орь дав ёму понюхати любимого зілля, що ростє в степу, евпан. Після того князь заплакав і вернувсь до дому ¹⁾).

Хоч оповідання це в ґрунті було ~~половецьким~~, але воно на Русі-Україні знайшло собі добрий притулок і було поширене українськими дрібницями, як свідчить про те сама мова, і додаткові фантастичні риси, мабуть, старо-українського твору. Князь Роман, по літописі, «устремился баше на поганья яко и левъ, сердить же, бысть, яко и рысь, и губяше яко и крокодилъ, и прехожаху землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ яко и туръ, ревноваше бо дѣлу своему Мономаху, погубившему поганья Измаилтяно, рекомья половци, изгнавше Отрока въ Обезы (це б то Абхавію) за желѣзныя врата, Сърчанову же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимиръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю і загнавшю окаянныя Агаряны. По смерти же Володимеръ, оставшю у Сърчяна единому гудцю же Ореви, посла и въ Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойдя въ землю свою; моляи же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евпан. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чуже славну быти. И приде въ свою землю, отъ него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву».

ґарним літописним оповіданням про евпан користувались новіші поети. Хоч це оповідання цілком пристосовано до половців, але те, що літописець їм зацікавився і докладно привів ёго доказує, яку велику вагу давали пісням в до-монгольській Русі-Україні.

В цім малевькім оповіданнячку чимало поважних дрібниць, наир., «рыбою ожившю», що означа в Сирчанові перевертня, пив золотим шеломом воду з Дона, як в Слові о полку Игоря, «снесе Сулу», «пѣшь ходя котель нося на плечеву»—темні вирази.

Профессор Маркевич, перелічивши добре народні оповідання старої літописи, здається на ту думку, що велике число оповіданнів старої літописи безперечно доказує існування в XII віці епічної поезії, може,

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русск. літописей до XIV в., 40, 44.

цілих поем, як ще раніш висловлявся Полевой. Нажаль, усі оповідання так вплетено в літописний текст, що дуже важко, а ніколи зовсім не можна розрізнити їх ділком. Сами літописці очевидно не розбирались, де правда і де казка, і часто користуються казками, як фактами¹⁾.

В самій мові старої київської літописи є такі вирази, які тхнуть українщиною, напр.: «А думай-гадай о Русской земли, и о своей чести, и о нашей» (в думі про Хмельницького: «тільки Бог святий знає, що Хмельницькій думає-гадає»), або «паде снѣгъ великъ въ Киевской стороны, коневи до черева на Великдень», або «и вложиша и (галицького кн. Володимира въ укропъ, и молвахуть, яко дна его подступила»²⁾; досі укропом на Україні звуть гарячу воду, а дною—біль в животі, особливо у жінок біль в матці.

Просторою скринею старої русько-української поезії з'являється Слово о Полку Игоря. З цього великого капітала користувались вже багато українських вчених—Максимович, Огоновський, Потебня. І справді, в Слові перш маємо цікаву вказівку, що вже в XVII віці було два напрями в поезії—старі замишлення, вільні, розгонисті, в яких співці, вславляючи князів, літали думками, як орли по-під небесами, і поруч з ними виникали вже історичні пісні, котрі ближче стояли до обставин життя, може, депо брали з письменних джерел, по формі і змістові, мабуть, були предками пізніших козацьких дум.

В «Слові»—«чрѣна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію поляна, туюю выдоша по русской земли». В українській думі XVI в.: «чорна земля зорана і кудями посіяна, білим тілом заволочена, а кровію зполощена».

В «Слові» наступаюче військо змалювано такечки: «Чрѣныя тучя съ моря идуть, хотять приккрыти четьре солнца, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти грому великому».—В думі: «Із-за гори хмара виступає, вихожає, до Чигирина громом вигремляє, на українськую землю блискавкою блискає....» це б то на неї йдуть вороги.

Невідомий автор Слова повен любов'ю до пісень рідного краю, пильнує їх, почасти користується їми, згадує про них. Після того, як Игоря взято у полон, «готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю» (в Криму), звоня рускимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шарокаю», а коли Игорь утік додому: «дѣвицы поють на Дунаі; выются голоса чрѣзь море до Києва.... страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ». Мабуть, в

¹⁾ Маркевич. О лѣтописяхъ 145, 155.

²⁾ Максимович, Соб. сочин. III, 223—224.

XII в. і на Русі-Україні жіночі пісні були такі гарні, що автор Слова переносив їх славу на береги синього моря та Дунаю і гадав, що і там чути такі ж пісні. Та, мабуть, тоді і в жіночих піснях зміст був висший, з славою князям або з плачами за їх недолю.

Слово повно такими ж чудовними по красі звіртаннями до природи, до рослин, до звірів, до сонця, вітру, якими славна і пізнійша українська поезія—прямий доказ, що це твори одного народу, одного творчого духа: «Ничить трава жалощами, а древо з тугою кь земли приклонилось». Після того, як Игорь утік, ховаючись вночі в зарослях по Донцю, Донець йому промовив: «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а русскої землі веселія», а Игорь одповів йому «О, Донче! немало ти величія, лелѣявшу князя на влѣлнѣхъ, стлавше ему велѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену дереву; стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ».

Таку ж промову до річки маємо і в пізнійших українських піснях, напр.:

Ой ти, Дніпро брате, скажи мені правду?

Ой скільки у тебе річок упало?

Ой упало у мене річок сорок і чотири... 1).

В Слові Дніпро зветься Словутичем, теж в думі про Самійла Кішку (козаки до Дніпра Славуті низенько уклоняли) і в думі про смерть Хведора Безрідного (козаки йдуть Дніпром—Славутою 2).

Далі Слово показує, що в XI і в XII віках гарних воєвників звали соколами, плачущих жінок—озулями ворогів—чорними воронами, людей хоробрих—буйними турами, дівчат і молодих князів—красними, гарних співців—солов'ями; за малими винятками теж знаходимо в українських піснях XVII в.

Франко звернув увагу на дуже цікавий письменний пам'ятник старовини—староруську поему на апокрифічну тему про Лазарево воскресення. Звісна вона в трьох рукописах XVI віка у трьох списках, з котрих один має великоруські прикмети, один білоруські і один, очевидно, південний русько-український. «Слово о Лазаревом воскресеніі» змістом має дуже популярну в старовину тему про визволення грішників з аду Христом. Написано воно було якимсь письменним чоловіком на ґрунті апокрифічного евангелія Никодима і збудованого на ёму старого Слова св. Епифанія Кипрського на велику суботу. По думці Франка, русько-українська переробка сягає в XIV, а може навіть і в XIII вік, в далеку добу дружинного укладу,

1) *Чубинскій*, «Труды», V, 1013.

2) *Антановичъ и Дразмановъ* Ист. п. м. н., I, 217, 251.

і повинна служити доказом, що дружинна поезія мала не тільки світські пісні про битви і походи, але і поеми духовні, церковні, на апокрифічні теми. На такі думки схилила велика схожість деяких виразів Слова о Лазаревом воскресенні з Словом о Полку Игоря. А саме:

В Слові про Игоря: «Боянъ бо... своя вѣщце персты на живыя струны воскладаше».

В Слові Лазаря: «вкладывая персты своя на живыя струны» — так в кийвськѣм списку, а в списку північнім з додатком «очитыя персты».

В Слові про Игоря: «солові веселими пѣсьнями свѣтъ повѣдають».

В Слові про Лазаря: «Вспоймъ весело дружно пѣсьни днесъ».

В Слові про Игоря: «Уже бо братіе невесела година вѣстала».

В Слові про Лазаря: «Се бо время весело наста».

В Слові про Иг.: «А мы уже, дружино, жадни веселія».

В Сл. про Лазаря: «А того естмы, дружино, много ждали днѣй».

В Сл. про Иг.: «Туга умъ полонила».

В Сл. про Лазаря: «Тугою сердце тѣшатъ, тугою одержимы есмы».

В Сл. про Иг.: «Тоже звонъ слыша давный великій Ярославъ».

В Сл. про Лазаря: «А оуже слышу топоть перскихъ коней» (це б то в обох разях на великім віддаленню) ¹⁾.

Така подібність в виразах наведе на думку про прямий вплив Слова о Полку Игоря на Слово про Лазаря.

Придивляючись до зміста старих письменних пам'ятоків, найбільш до Слова о полку Игоря, поодиноких його виразів і окремих слів і рівняючи їх до пізніших українських пісень, можна зазначити, що українська поезія існує здавна. З протягом літ вона тільки змінювалась, слідкуючи за народним життям. Коли перевелись князі, коли зникли погані половці, а замість їх явилась ще поганіша татарва, то годі вже було згадувати про давніх князів, або їх вславляти. Нові обставини життя дали для пісень новий зміст, при більш-менш старих формах поетичної творчости. На першу чергу стали невірницькі думи, які, слідком за течією життя, або журились за тими, що нудились в неволі, або вславляли тих, котрі утікали з полону, а також і тих, що на степах та на морі бились з ворогами. Як в XII в. співали славу князю Игореві за те, що він утік од половців, так в XVI і XVII віках співали славу трём братам, що утекли з Азова, Самійлові Кішці, що збунтовав невірників на галері, перебив турок і утік додому.

Найдавнійший спомин про думи знаходиться в анналах польського письменника Сарницького 1506 р. По його словах, думи складались в шанобу героїв; співали їх жалібним і сумним голосом—*voce lugubre*

¹⁾ Франко, в. Записк. Наук. Товар. Шевч., т. XXXI.

трохи хитаючись з боку на бік: «Per idem tempus duo Strussii fratres adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi, occubuerunt. De quibus etiam nunc *elegiae quae Dumas russi vocant canuntur voce lugubre et gestu canentium se in utramque partem motantium id, quod canitur, exprimentes*».

Про думи згадує польський письменник XVI в. Петршицький «*guskie lamenty, podolskie dumy*». В 1547 р. музика Явдуч заробив золотий за те, що гарно співав думи. Польський письменник кінця XVI в. Чагровський мімохідь теж згадує про думи ¹⁾.

Поляки о половині XVII в лічили думи вже давніми піснями. Віршописець в 1650 р. замість різанини козаків з ляхами бажав, як далеко більш краще, *by grali ukrajinne dumy jak przed laty Turków bili polacy u mēznie chorwaty* ²⁾.

В Київській короткій літописі в оповіданні про зв'язство кн. Острожського над московитами під Оршею в 1515 р. висловено таку віршову похвалу, яка трохи зв'язує по змісту і кшталту Слово о Полку Игоря з пізнішими думами:

....Великославному Господарю Королю Жигимонту Казиміровичу, буди честь и слава на вѣки, побѣдившему недруга своего Великаго Князя Василія Московского, а гетману его вдатному Князю Костантину Ивановичу Острожскому дай Боже здоровье и счастье впередь лѣпшее какъ нынѣ побилъ силу великую московскую, абы такъ побивалъ сильную рать татарскую, проливаючи кровь ихъ бусурменскую ³⁾.

Що думи вь XVII в. мали вже велике росповсюдження і великий вплив, доказом тому служе «Дума українна» в «*Silva Regum*» — рукописі XVII віка. Починається вона так: «Скажи, гучна моя бандуро, яку думу нам заспівати? Скажись, дзвонки струни, яке життя найкраще». Далі невідомий автор згадує, як вбогі дніпрові козаки з небезпечністю пропливають на човні через кам'яні пороги, годуючись тільки бридвою соломахою. Найкращим життям потайний свівець личе життя воєвника. Польський письменник Третьяк в студії про цю думу подає таку гадку, що ця чудернацька дума зложена, мабуть, яким-небудь польським жолнером на березі Дніпра, може, з тих кварцяних жолнерів, що стерегли південні кордони Речи Посполитої за часи короля Сигизмунда Августа. По думці Третьяка, «Дума українна» написана між 1585 і 1632 роками під впливом поезії Кохановського, особливо його *Sobótki* ⁴⁾.

¹⁾ *Ткаченко*, вь Київск. Стар., 1907, VII, 144.

²⁾ *Франко*, Хмельницьина в віршах сучасних, в Запжск. Н. Товар. Шевч., XXII, 13.

³⁾ *Перетич*, Иссл. и матер., III, 9.

⁴⁾ *Києвск. Стар.* 1899, VI, 123.

В 1857 році чеські вчені Градиль і Иречек видали чеську граматику свого земляка Яна Благослава, що вмер в 1571 р., одного з найученіших чехів XVI віка. Граматика Благослава не була надрукована і звісна тільки по одній рукописі. В дуже цікавим її одділі про слав'янський діалект знаходиться пісня про Штефана воеводу; чув її якийсь-то Никодим у Венеції і звідтиль завіс до чехів в Прагу. На вдивовиж, пісня ця вьявляється українською, а як Благослав помер в 1571 р., то вона була записана ранійш і, мабуть, була на Україні дуже поширена, коли зайшла навіть в далеку Венецію. В «*Časopis Čes. Musea*» 1876 р. Конст. Иречек, цітуючи Ягічеву статю про слав'янські пісні про Дунай, зпинився, між иншим, на пісні про Штефана XVI в., і висловив своє здивовання, що досі ні Ягіч, ніхто другий з слав'янських учених не зацікавився цією одинокою в своїм роді пам'яткою старої української народної словесности. Після того пісні цій пощастило. Незабаромъ на цей поклик відгукнувся харківський проф. Потебня спеціальною працею, яку сперш надруковав в воронізьких «*Филологических Запискахъ*» 1877 р., а потім видав окремо невеличкою книжечкою під заголовком «*Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка*». Розібрано текст пісні з лінгвистичного боку і дано чимало розвідок про розмір пісні і про початки як цієї так і других пісень взагалі. В 1907 р. Франко в *Записках Наукового товариства імени Шевченка* в «*Студіях над народними піснями*» в першу чергу розглядив пісню про воеводу Штефана. Тут наведено критику на статю Потебни і досить докладно розказано про граматику Благослава і про історичні обставини, які одбилися в змістові пісні про Штефана. Франко наведе сперш пісню так, як вона записана у Благослава, а потім, вважаючи на її пізнійши великоруські і українські варіанти, приводе повний її текст, в якому, по його думці, могла вештаться ця пісня в старовину по Україні. Ріжниця невелика: въ старій пісні 21 рядочекъ, а в гипотезній франковій 25, на 4 більш. Спиняючись тільки на першій, в її транскрипції латиницею, маємо на оці таку давню і гарну пісню;

Dunaju, Dunaju, čemu smuten tečeš?

Na verši Dunaju try rotu tu stoju:

Perwśa rota Turecka,

Druha tota Tatarska,

Treta rota Wołoska.

W tureckym roté šablami šermuju,

W tatarskym roté strylkami strylaju,

Wołoskym roté Stefan wyjwoda.

W Stefanowy roté dywońka płáćet,
J płáćući powidała: «Stefane, Stefanel
Stefan wyjwoda, albo mé pújmi, albo me liši»
A što mi rećet Stefan wyjwoda?
«Krasna dywonice, pújmił bych te dywońko,
Nerownajd mi jes, lišił bych té, milenka mi jes»,
Sta mi rekła dywońka: Pusty mne Stefane,
Skoću ja w Dunaj, w Dunaj hłuboky,
Ach kdo mne dopłynet, jeho ja budu».
Néкто mé dopłynuł krasnu dywońku,
Dopłynuł dywońku Stefan wojwoda,
J wzał dywónku za biłjiu rućku:
«Dywońko, duśenko, milenka mi budeś. Amen».

Пісня записана була не без помилок; де-що пропущено, а де-що передано на чеський лад. Вважаючи на поправки Потебни і Франка, без додатків, пісня повина мати такий вид:

Дунаю, Дунаю, чому смутен течешь?
На версі Дуная три роти ту стоють:
Перва рота Турецька,
Друга рота татарська,
Третя рота волоська,
В турецькій мі роті шаблями шермують,
В татарській мі роті стрілками стріляють,
В волоскін мі роті Штефан воевода,
В Штефановій роті (та) дівонька плачеть
(Та дівонька плачеть), плачучи повідала:
«Альбо мене пуйми, альбо мене лиши!»
А што мі речет Штефан воевода.
«Красна дівонице, пуймил бих тебе, дівонько,
(Пуймил бих тебе), неровная мі ес,
Лишил бих тебе, миленька мі ес»,
Што мі рекла дівонька? Пусти мене, Штефане,
«Скочу я у Дунай, у Дунай глубокий,
А хто мене доплинет, ёго я буду»,
Нехто мі доплинул красну дівоньку,
Доплинул дівоньку Штефан воевода,
І взяв дівоньку за білую ручку:
«Дівонько, душенько, миленька мі будеш».

По мові ця пісня галицько-руська. Хоч в устній передачі стерто деякі особливости, Франко вбачає тут мову підгірську чи краще покутьську. Самий зміст дуже розповсюджений у слав'ян, особливо на Україні: головний ёго мотив, як закохана дівчина хоче утопитись, а її рятує молодий козак, часто зустрічається в жіночих, найбільш весільних піснях. На варіанті XVI одбилися тогочасні політичні відносини західної України до Молдавії в формі сиомину про воеводу Штефана. В XVI віці в Молдавії в різні часи було п'ять воевод з йменням Стефан, і ймення якогось з них проскочило в пісню по тим жвавим стосункам, які Україна в XVI віці мала з молдаванами та волохами, у котрих в ті часи письменність була слав'янська з великими впливами старої Русь-України ¹⁾. Пісню збудовано на стародавній символіці, яка трохи одбилась на колядках, як то—переплеть Дунай, вскочить в него, виратовать з річки дівчину, перейти через міст або перенести дівчину через воду—все старі символи кохання, шлюбу та весілля. Три роти звичайне в піснях і в казках троєння: «Ой йдуть ляхи на три шляхи» і так инше, для розвитку зміста. Е варіанти білоруські і великоруські, записані навіть в Сибіру ²⁾. Так далеко розходилися ця стара пісня, що знали її колись од Сибіру до Венеції.

З старих українських письменників XVI і XVII віків на деякі народні звичаї і пісні натякають Іоан Вишенський кінця XVI віка, Петро Могила і Касьян Сакович о пів XVII віка, Лазарь Баранович і Антоній Радивилівський—письменники кінця XVII віка; останні два тільки деякими приказками.

Найбільш цікаві вказівки Іоанна з Вишні. В листі до князя Острожського він писав: «Коляди з міст і сел ученієм вижените.... Щедрий вечер из міст, из сел в болота заженіте, нехай з дьяволом сидить.... Волочельное по Воскресеніи, з міст і з сел виволокши, утопите.... На Георгія мученика праздник дьявольский на поле ишедши сатані офіру танцами і скоками чинити разоріте.... Пирогі і яйца надгробни в Острозі і где би ся знаходило упраздніте, би ся в христіанстві тот квас поганський не знаходить. Купала на Крестителя утопите і огненное скаканіе одсчіте.... Петр і Павел молят вас да потребите і попалите коліски і шибениці, на день іх чинени на Волині і Подоліу, і где би ся только тое знаходити мѣло».... ³⁾.

¹⁾ Як., напр., свідчать грамоти XV—XVI вв., друковані в IX т. болгарського «Сборник за народни умотвор», 1893 р.

²⁾ *Потебня*, Малор. п'єс., 51 и др.

³⁾ *Акты Юж. и Запад. Россіи 1865*, II.

В релігійній полеміці Петра Могили з перевертнем Касьяном Саковичем, що з православія перейшов в унію, а потім в католицтво, в «Литосі» першого і в «Перспективі» другого, порозкидано вказівки на деякі весільні звичаї о половині XVII в., на попівські скоки при обводненні молодих коло аямою, на підстригання у них волос, на дякування піснями батькам після обіда ¹⁾).

Чималу вагу має опублікований Франком текст української пісні з першої чверти XVI в., що була перш надрукована ще 1625 р. в одній польській брошюрі, захованій досі в однім примірнику в краківській бібліотеці кн. Чарторийських, під заголовком «*Seymu Walnego Domo-wego Artykulow szesc.... Przydano do tego y insze rzeczy smieszne ku szutaniu*». Тут якийсь-то Дзвонівський малює завзятого козарлюгю Пляхту і надає йому таку пісню, яку співали на Україні за ті давні часи про дівчину Кулину та козака, в формі такого поміж ними діалога;

К у л и н а.

Ой, козачейку, пане ж мій,
Далек же маєш домик свій?

К о з а к.

При березі при Дунаю.
Там я свою хижу маю:
Ліс зелений, оздоблений
Красним цвітом, густим листом,
То дім мій, то покій.

Далі Кулина пита, як він поведе її, а козак одмовля, що привяже її до коня тороками. На питання про харчі, козак каже, що вони їстимуть саламаху. На питання Кулини, що за розкіш їй буде, козак каже: в день будеш коні пасти, в ночі при мені ляжеш спати.

Войлочище під бочище.
А сідлище в головище,
В дубровиці на травиці
Я закрию і прикрию
Гармаком, жупаном.

Дівчина йде за козаком, котрий далі виясня їй, що домівка його Запоріжжя, де козак що має, то коли не пропье, то програє. Дівчина пізнає тоді, що скарб козачий дуже малий, що їй там ні з ким буде

¹⁾ *Сумицьк*, в «Кіевск. Стар.». 1883, XI, 510.

жити та розмовляти, ні сестриці, ні зовиці, один козак голода, і вона хоче додому, на що казак швидко згожується:

Ко чортом, всім лихом,
Люб човном, люб конем.

Бідна, зведена дівчина наріка на свою нещасну долю і проклина козака.

Би пронав, що мене взяв,
Дівчину зведену.

Пісня про козака і Кулину захована до наших часів в кількох варіантах, записаних в Галичині и на Україні і надрукованих в збірниках Чубинського, Головацького, Грінченка. Цікаво, що в галицьких варіантах, дуже близьких до старого варіанту Дзвонівського, вдержалось навіть ймення Кулина ¹⁾.

В ґрунті пісень про Кулину лежать пісні західні про те, як дівчина утікла з лицарем і потім каялась, пісень дуже росповсюджених ще в давні часи ²⁾. Американський вчений Чайльд зібрав велику купу варіантів цієї пісні, залічивши теж і українські.

В польській рукописі першої половини XVII в. (поміж 1633—1650 р.) під заголовком «Wiersze i piesni erotyczne» знайдено дві українські пісні. Було їх тут більш, та нажаль більша частина загублена, і захована тільки одна пісня цілком, а друга хоч в досить значній частині, але в попсованій постаті. Перша пісня по змісту і формі дуже цікава і цінна:

Ой в місті Переяславлю, Переяславлю, посеред ринку
Продавала, продавала бабусейка той хрін,
Гдем ся взяв козак Охрин (Охрим),
Вхопив і оскребтав і зів той хрін, той хрін.

Перші два рядки і четвертий повторяються по двічі у всіх останніх куплетах, з тими маленькими змінами, що в другім куплеті бабусенька продавала редьку, а козак Хведька вхопив і зів; в третім— бабусенька продавала перець, та де взявся козак Ференц (?), вхопив, побив і потер перець, в четвертім— бабуся продавала кобзу, де взявся во бзу козак, вхопив, заграв і потовж кобзу; в п'ятім— бабуся продавала дуди, вискочив козак з буди, надув і спашив дуди; в шостім— бабуся продавала яйця, де взявся козак здрайця і зів яйця і в останнім сьмім куплеті сороміцького змісту бабуся продавала щось, де не взявсь козак з

¹⁾ Франко, Козак Плахта, в Зап. Н. Тов. Шевч. 1902, III, 1—28. Два теж старих варіанти пісні про Кудяну видав Яворський торік (1909) в «Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII в.».

²⁾ Child, The engl. and scot. ballad, I № 4, VI, 496, VIII.

маку, вхопив, помяв і вилизав те неподобне, що продавала бабуся. Пісня записана добре, цікава.

Далеко слабша і поплутана друга пісня:

Постой, постой, голубонько, розмовлю з тобою,
Не журися, мій миленький, будем жити зо мною.

Бодай ворога напала туга,
Що міні розлучаєть миленького друга.

Пісня має пастать компіляції з шитка двох пісень ¹⁾.

Од XVII віка заховано багато схоластичних віршів більш—меньш народного пофарбування, іноді з значними українськими народними рисами по змістові і мові. Насамперед цікава вірша 1651 р., вписана в кінці латинської книжки «De militia equestri, antiqua et nova a Hermanno Hugone». Вірша ця знайшла розвідку у проф. М. Петрова і у П. Житецького в *Archiv fur slav. Filol.* Ягича 1877 II (298—301). Зложена вона була десь на заході України. Заголовок такий: Дума козацькая о войні з казаками над рікою Стиру на те нуте «ой постив бім я сім понеділів, осьмую неділеньку». Вірша досить вірно малює, як ляхи розбили під Берестечком на річці Стирі українців і спільників їхніх кримських татар. Вірша велика. Починається вона такечки:

Ой ріко Стиру, що Хміль о віру,
Як і я всьому миру,
Где в Дніпр впадаєть, оповідаєть,
Радость з войни, чи миру.

Початок, заплутаний і темний, означа:

«Ой ріко Стиро що в Дніпр впадаєш!
Що робить Хмельницький за віру?
Що мирові оповідаєш: радієть з війни, чи мир?»

Як близько стоїть ця вірша до народної мови, можна бачити з наступної її частини:

Хан утікаєть і куш мияєть.
Наметов одбігаєть,
Ляхи гонили, татаров били,
Хан ся не оглядаєть.
Тут зась козаки, хотя і юнаки,
Ой різко утікали:
Ляхи гонили і їх стинали,

¹⁾ *Щурат*, в *Зап. Наук.* Т. Шевч. 1906 VI, 131.

Аж табур розорвали,
І гди би ночі тьма на помочі
Козакові не била,
Не одна мати, гди б хто дал знати,
Козацькая завила.
І так Бог знаєть, що бульш бить маєть.
Татари обступили,
Затим бульш ляхув, а у нас страхув,
Бо нас тут обточили,
Три крот кланяли і упадали,
Короля смо просили,
По здоровому, люб по старому,
Що сьмо іще жили,
Мовить не даєть, з очу зганяєть:
«Видайте ми гетмана,
Панов слухайте, старшину знайте,
А ідіть бити хана».
Панов слухали, старшину знаім,
Татаров будім бити,
Але старшини нашої дружини,
Ніт вісти, як одступити».

З останніх слів легко дізнатись, що вірша зложена була людвною з козацької старшини, далеко не такої вже прихильної до народа, як то здавалось авторові.

Дуже цікава вказівка, щоб віршу цю співать, як співали пісню «ой постив я сім понеділків», яка пісня зустрічається і в пізнійших збірниках, напр.,

Понеділковав я сім понеділків, восьмью неділечку,
Принеси, Боже, кого мені гоже на мою постілочку ¹⁾.

Про великий вплив пародної пісні свідчить старий збірник, з перших рокив ХVІІІ віка, знайдений і надрукований проф. М. Грушевським в «Записках Наук. Товар. Шевченка» 1897 р. Хоч співали ці пісні якісь то школяри давніх часів, які користовалсь часто і деякими сороміцькими польськими тогочасними поезіями, але все ж таки є тут багато і українського, напр., пісня про те, як комар звалився з дуба.

В рукописяхъ ХVІІІ в., до 1729 р. і пізнійшихъ, Перетц знайшов багато українських народних пісень, перероблених на великоруський лад, напр.:

¹⁾ Чубинскій, Труды, V, № 55.

Породила чечетка семерих дочерей....

А у поли річка, через річку кладка....

Ахъ мне жаль не малий, на серденку пудно,
Мнѣ молодой з пелюбом жить на свѣтѣ трудно....

Посѣю я лободу....

Щирим сердцем любилем
И до тебе ходилем....

Да оралъ мужикъ при дорозѣ....

Бѣдна моя головонька....

Пойду въ дубровоньку, гляню по свѣтоньку....

Велѣла мнѣ мати зелен ячмень жати....

Здається, нічого такого не має в українській словесності, що б більш, ніж ці старі скалічені пісні, вказувало на швидку і безмежну денаціоналізацію українських суспільних верхів в XVIII в., як мало було в них почуття до краси народного слова і як вони нівечили ёго останні забудки.

Пісня про смерть комара, яка знаходиться в збірниках Чубинського (V, № 205), Головацького (II, 503), добре була звісна вже в першій половині XVIII в. навіть у Великороссії в досить гарній українській формі. Пісня була хідка, зустрічається в ріжних старих збірниках. Комара ховають хрущ, овод, журавель, муха. Цікаво, що в збірнику Грушевського з початка XVIII в. коло небіжчика кладуть стрілочки, а зверху тугесенький лучок, в ознаку, що тут «лежить комарище—славний наш козачище» ¹⁾.

Придворний царський гусяр з українців Василь Трутовський в 1776 році видав «Собрание рускихъ простыхъ пѣсенъ съ потоми». В 1782 р. було друге видання, а в 1796 р. третє. Це був перший потний пісєвник, зложенний з тих великоруських і українських пісєв, які співав Трутовський і в яких кохався при дворі найбільш Петемкин-чудернацький пац, людина дуже привередлива, але не без живого почуття поезії і штуки. Українські пісні ввійшли в 3 и 4 частину збірника Трутовського. В переднім слові до першого випуска Трутовський каже,

¹⁾ *Переть», Иссл. п матер. 1, 309.*

що він силкувався зберегти співи в точності і держався простих голосів. Цікаво бачити по цій старійшій збірці, які українські пісні найбільш уживали в Петербурсі як українці, так і їх вельможні слухачі; а українці; або хоч той же Трутовський, мабуть, харчувались тими рідними піснями, які на їх очі були найкращими по співу. Пісні такі:

1. Ой гай, гай, гай зелененький.
2. Ой коли я Прудюса любила, любила.
3. Ой кряче, кряче та чорненький ворон.
4. Чи ж я кому виноват.
5. Чайка.
6. Болить моя головонька.
7. Та ходивъ чепчик.
8. Лобре тиі ляхи чипять.
9. Ой зрада, чорні брови.
10. Ой Сербихо.
11. Северин.
12. Ой сербине черноусе.
13. На тм боці на толоці.
14. Ой їхав козак долом—водою.
15. Наїхали до напа жида запорозці.
16. За все горазд.
17. Ой наступив чорний віл на ноги.
18. А в поле иду.
19. Взойду я на гору білими ноженьками.
20. На бережку у ставка.

Остання пісня, мабуть, була найбільш любима, бо вона має у Трутовського потя цілком і окремо в 1792 р. була видана в Москві невеличкою книжечкою: «Малороссійская пѣсня на бережку у ставка съ полнымъ, хоромъ, со всею вокальною и пиструментальною музыкою»¹⁾.

Цікаво, що ця поширена в Росії в XVIII ст. пісня по змісту дуже подібна до «Дунаю» XVI віка, де парубок рятує дівчину, що впала в річку або ставок. Текст пісні «На бережку», як дуже популярної, має багато хиб, на що вказував Закревській, друкуючи її в «Старосвѣтській Бандуристь»²⁾.

Пісня про Прудюса: «Ой поїхав мій миленький до млина, до млина» — оповідає, як жінка дурила з Прудюсом свого чоловіка, цілу-

---

¹⁾ *Симони, Камеръ-гуслисть В. Ф. Трутовскій, въ Трудахъ XII археол. съѣзда, II, 483—484.*

²⁾ *Закревскій, Старосвѣт. Бандуриста, 98.*

валась, спала з ним на печі ¹⁾; пісня на мапір старої новгородської пісні про гостя, або купця Терентія, мабуть, як і остяпя, штучна переробка якого-небудь старого західного оповідання про недбалу жінку.

Пісня про «Чайку» зложена якимсь старим українським патріотом про недолю України, котору скубуть усі сусіди, наче пташине гніздо на битій дорозі: хто ни йде, то і скубне.

Ой, біда, біда чайці небозі,
Що вивела діток при битій дорозі.

Пісню цю приписували Богданові Хмельницькому (Цертелев і Максимович), Мазепі (Полетика в Ист. Русов), останньому гетьману Кальнишевському (Бантшиш-Каменській), але однаково без фактичних підвалин, дуже вигадково. Хто б її пі зложив, вона була колись в славі і дуже росповсюджена, навіть при царським дворі, і сама цариця Катерина, що більш усіх скубла це небоже гніздо, охоче слухала пісню про «Чайку» і ухвалила її видання.

Збірник Трутовського добре свідчить, що в XVIII віці поміж народних українських пісень було чимало штучних і складених письменниками на ґрунті народної творчости і однаково хідких і любляних, тім більш, ще в де котрих штучних піснях, напр., в Чайці, одбилися загальні народні почуття.

---

¹⁾ *Захревскій*, т. же, 103.

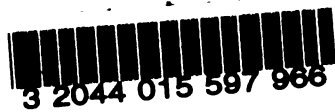

3 2044 015 597 986

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 18 '60H

FEB 2 '70H

Cancelled

STALL-STUDY CHARGE

WIDENER BOOK DEPT
MAY 11 1981
2135280
JUN 1

STUDY CHARGE

